

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Владимир Зантариа

АБХАЗСКИЙ МИР
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ОСМЫСЛЕНИИ
РУССКИХ КЛАССИКОВ

Опыт историко-литературоведческого
исследования

АБИГИ
Сухум–2024 г.

- 3 27 **Владимир Зантария**
Абхазский мир в художественном осмыслении русских классиков. Опыт историко-литературоведческого исследования /Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА. – Сухум: Дом печати, 2024. – 288 с. + илл.

Г/р 978-5-111-88-07024

В книгу доктора филологических наук, академика Академии наук Абхазии, лауреата Государственной премии им. Д.И. Гулиа Владимира Константиновича Зантария вошли статьи, эссе, очерки, раскрывающие процесс формирования уникальной хроники творческих взаимосвязей абхазских и русских писателей. В исследовании в качестве фактографического подспорья использованы стихотворения, рассказы, повести, публицистика, письма, дневники, материалы личной переписки известных абхазских, русских и других национальных авторов, внесших значительный вклад в развитие традиционных творческих взаимосвязей писателей России и Абхазии. Таким образом, поэт, прозаик, публицист, ученый Владимир Зантария пополнил фонд литературы, посвященный исследованию абхазской тематики в русской литературе, а также в литературе народов бывшего СССР.

© Академия наук Абхазии, 2024

© Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа, 2024

© Владимир Зантария, 2024

О ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ ДВУХ ЛИТЕРАТУР

Новая книга доктора филологических наук, поэта, прозаика, публициста, академика Владимира Зантария открывает интересные, недостаточно исследованные страницы культурного взаимодействия и взаимовлияния русской и абхазской литератур. Их судьбы – неразделимы, как неразделимы судьбы Абхазии и России. У известного абхазского литературоведа свой взгляд, своя точка зрения на те или иные эпизоды личных творческих контактов абхазских и русских классиков.

В летописи абхазо-русских литературных взаимосвязей спрессовано множество уникальных событий, фактов, сюжетов, их информационно насыщенных описаний. Сколько было незабываемых встреч, оживленных бесед и диалогов по актуальным творческим проблемам в Москве, Сухуме, Санкт-Петербурге, в Гагре, Пицунде и других писательских центрах бывшей советской державы! На протяжении более двух столетий антология русско-абхазской художественной словесности пополнялась яркими произведениями. Они отражали быт, нравы, этнографию, образ мышления, психологию и ментальность наших дружественных народов. Я не хочу углубляться в художественно-историческую летопись древнерусских источников, связанных с обезами, которых на Руси называли предками абхазов и абазин. Это отдельный, весьма привлекательный культурный пласт, нуждающийся в еще более глубоком исследовании.

Упомяну знаменитых русских авторов, посещавших Абхазию с начала XIX века и посвятивших ее истории, природе, традиционной культуре ряд лирических произведений, баллад, поэм, рассказов, очерков, повестей, путевых заметок (писем), эссе, романов и других разножанровых вещей. Это Е. Зайцевский, А. Бестужев-Марлинский, П. Каменский, Я. Полонский, В. Савинов, В. Немирович-Данченко, Д. Мордовцев, А. Чехов, В. Соллогуб, М. Горький, А. Толстой, А. Серафимович, И. Бунин, М. Шолохов, К. Паустовский, С. Есенин, В. Маяковский, В. Богораз, И. Бабель, О. Мандельштам, А. Белый, В. Стражев, М. Шагинян, Н. Асеев, Н. Тихонов, К. Федин, Л. Леонов, К. Симонов, А. Твардовский, М. Дудин, А. Фадеев, А. Мариенгоф, В. Шершеневич, В. Каменский, Г. Фиш, Н. Браун, С. Смирнов, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Казакова, Р. Рождественский, В. Солоухин, Ч. Айтматов, В. Гроссман, Б. Окуджава, Е. Рейн, В. Дудинцев, С. Липкин, В. Шкловский, В. Кожинов, В. Ганичев, Ю. Поляков, В. Еременко и др. Достаточно известны стихи, дневниковые записи, воспоминания крупных мастеров слова, представляющих Северный Кавказ: Р. Гамзатова, К. Кулиева, А. Кешокова, И. Машбаша и др.

В Абхазии высоко ценится многогранное творческое наследие классиков русской литературы. Их наиболее яркие и знаковые произведения переводились на абхазский язык в разное время. Ежегодно по инициативе Мушни Ласуриа, нашего народного поэта, классика, переводчика «Евгения Онегина» на абхазский язык, в Сухуме традиционно отмечают Пушкинский день. В репертуар государственных театров драмы – Абхазского им. С.Я. Чанба и Русского им. Ф.А. Искандера изначально входили и входят бессмертные произведения Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Островского, А. Чехова, А. Горького и др. великих мастеров.

Следует отметить колоссальный вклад российских и абхазских переводчиков в процесс переложения на русский

язык лучших образцов абхазской поэзии, прозы, драматургии, устного народного творчества. Это такие признанные профессионалы, как: Н. Тихонов, М. Светлов, К. Симонов, Л. Озеров, М. Синельников, М. Луконин, А. Межиров, С. Липкин, Р. Казакова, С. Куняев, В. Солоухин, Г. Гулиа, Ф. Искандер, Е. Евтушенко, Н. Ванханен, А. Дементьев, Б. Ахмадулина, А. Шевелев, В. Державин, Н. Гребнев, Я. Козловский, Е. Николаева, М. Алигер, В. Сикорский, Д. Чачхалиа, Ю. Лакербай и др.

Все эти явления так или иначе, в том или ином контексте нашли достойное отражение в сборнике статей Владимира Зантариа. Мы призваны и в дальнейшем широко освещать столь актуальную для абхазской и русской культуры тематику. В книге дан достаточно оригинальный анализ кавказских текстов Л. Толстого, А. Чехова, на основе дневников Б. Шинкуба и А. Твардовского исследователем представлено личное отношение двух классиков, братьев по литературному цеху к одним и тем же важным событиям, к которым они были причастны волею судеб и обстоятельств. Найдены новые, ранее не публиковавшиеся источники абхазских литературных следов Михаила Шолохова. Впервые представлены обширное и подробное описание пребывания Николая Тихонова в Абхазии, предыстория его неоднократных встреч и бесед с абхазским патриархом Дмитрием Гулиа.

Я с большим удовольствием ознакомился с содержанием книги, которая может стать весьма полезным подспорьем в дальнейшем изучении и популяризации русско-абхазской литературной хроники.

Арда Ашуба,

кандидат филологических наук,
доцент АГУ, член-корр. АМАН

КАВКАЗ В ЖИЗНИ И В МИРОВОСПРИЯТИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

*(обобщение опыта исследования
кавказской проблематики)*

Берясь за данную тему, долгие годы остающуюся в поле зрения известных литературоведов, я заранее чувствовал неизбежность некоторого повторения высказанных ими суждений и оценок. Но в то же время, приступая к работе, на интуитивном уровне понимал, что как абхазский писатель и филолог, которому достаточно близки проблемы кавказской ментальности и художественной культуры, могу привнести в спектр существующих мнений некоторые свои соображения и нюансы.

Жизнь и творчество многих русских писателей связаны с бурлящим полиэтническим и многоголосым Кавказом, с его древними традициями, ритуальной культурой, трагическими событиями, разворачивавшимися здесь на протяжении более чем двух веков, с судьбой горских народов, не раз оказывавшихся волею обстоятельств между жерновами безжалостной истории.

Глубокая самобытность культуры горцев, животворный дух и энергетика кавказской мифологии, устного народного творчества в целом, явились уникальной питательной средой для русской словесности.

Известные кавказоведы, культурологи, публицисты не раз обращались к мыслям, художественно-философ-

ским взглядам и воззрениям Пушкина, Лермонтова, Толстого, Бестужева-Марлинского и др. крупных мастеров русского художественного слова, принимавших непосредственное участие в процессах, связанных с кавказской войной.

Бестужев-Марлинский, долго и настойчиво добивавшийся своей отправки из далекой якутской ссылки на Кавказ, достаточно последовательно и убедительно проповедовал мысль о необходимости мирного сосуществования с народами Кавказа. Он в, частности, отмечал: «Кавказских горцев напрасно обвиняют в жестокости...Очень редко были примеры, чтобы они терзали попавшихся им русских даже в пылу гнева или мести, на самом поле сражения. У себя дома горец заботливо промочит раны пленнику, «попотчует бузой», разделит пополам черный чурек свой...» Писатель-декабрист считал, что в лице мужественных, преданных, сильных духом горцев лучше иметь друзей, чем врагов.

«Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги...Как искусно умеют они сражаться, как героически решаются умирать!» Такое проникновенное, глубоко прочувствованное и в чем-то даже рыцарское отношение к кавказцам, проявленное писателем-декабристом, которого современники называли Пушкиным в прозе, не могло не оказать позитивного воздействия на многих представителей русской литературной элиты того времени. Хотя долгое время среди ученых, занимавшихся кавказской проблематикой, доминировало мнение, что образ Кавказа в восприятии и художественном преломлении А. Бестужева излишне романтизирован, экзотичен, и в определенной степени мифологизирован.

О том, какую художественно-философскую трансформацию получили кавказские идеи писателя-декабриста в мировосприятии Л. Н. Толстого пишет Л. И. Кричевская

в своей публикации «А. Бестужев-Марлинский и Л. Толстой»: «Мотив двойного движения: пути воинского отряда и пути человека к истине – вводится в толстовском «Набеге». Не приемля творческий метод Марлинского, Толстой тем не менее шел по его следу. Здесь многое сходно: движение отряда в безмолвии ночи и поэтические фантазии ночного путника, картины боя и разорения аула и гимн умиротворяющей воинственные страсти прекрасной, мирной природе. Однако то, что у Бестужева звучало порой глухо, не всегда последовательно, было разбросано по разным произведениям, у Толстого сконцентрировано. Толстой отверг романтические эффекты и репортажную непритязательность Марлинского. Но вольно или невольно продолжая его наблюдения, Толстой как бы удостоверяет их подлинность»¹.

В свое время в работе «Молодой Толстой» в главе «Борьба с романтикой (Кавказ и война)» Борис Эйхенбаум смысловым акцентом выделял свое мнение о том, что «замысел Кавказских очерков вызван, по-видимому, стремлением Толстого к преодолению романтических традиций...»²

Кавказская тематика, или кавказский дискурс в многогранном творчестве – в прозе, в публицистике, в эпистолярно-дневниковом наследии – Льва Толстого заслуживает особого внимания. Не ослабевающий интерес толстоведов к этому непростому периоду жизни и творчества классика, датируемому 1851–1854 годами, вызван преимущественно тем, что именно с этим временем во многом связано формирование историко-философской концепции и нравственных исканий выдающегося писателя.

Толстой характеризовал кавказский период как «мучительное и хорошее время», когда он достиг необычай-

¹ Кричевская Л. И. А. Бестужев-Марлинский и Л. Толстой // Филологические науки. 1989. №5. С. 24-30.

² Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 92.

ной ясности мыслей и чувств, дававшей ему по-иному взглянуть на окружающую действительность.

«И, все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением...» – отмечал классик, мысленно возвращаясь к кавказскому периоду.

Кавказский опыт сыграл колоссальную роль в первую очередь в плане философского самопостижения писателя: «Я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь, и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно...».

Оценка, данная доктором филологических наук Александром Гулиным позиции и взглядам Толстого, находившегося на Кавказе не в роли стороннего наблюдателя и созерцателя, а непосредственного участника боевых действий, мотивирована логикой и характером тех конкретных событий: «Боевой офицер, он честно сражался с теми из горцев, кто не признал над собою власть его страны... Но в сердце Толстого уже зародилось глубоко личное, ему одному свойственное в такой мере понимание всего, что он увидел на Кавказе»...¹.

В письме, написанном Лениным, но не посланном им тем, кто пишет ему из России, в сострадательном тоне переживая за его судьбу, – перед нами предстает весьма трогательная картина противопоставления истинной красоты, счастья, полнокровного мироощущения, испытываемого на Кавказе главным героем «Казак», их некоему подобию, филистерскому представлению о жизни, некоей иллюзии благополучия. По сути даже этот небольшой фрагмент гениальной повести Толстого по силе сквозного воздействия художественной мысли соизмерим с трактатом о ценностях.

¹ Гулин А. «Кавказ – вся жизнь». Вступительная статья – к изданию «Л.Н. Толстой. Кавказский пленник. Хаджи Мурат». М.: «Детская литература». 2000.

В работе «Образ адыга (черкеса) в русской литературе» адыгский исследователь М.Н. Афасижев, касаясь нравственно-философского подтекста кавказских рассказов и повестей русского классика, в частности, отмечает: «Противопоставление России и Кавказа проводится и в «Казаках» Л.Н. Толстого, герой которого, погрязнув в развратной и пустой жизни в великосветской среде Москвы, отправляется на Кавказ и там возрождается к новой – естественной праведной жизни, влюбляется в казачку, даже имел намерение жениться на ней и, вообще, навсегда поселиться там...»¹.

Виктор Шкловский, описывая кавказский период жизни классика, подчеркивал: «Толстой считал, что время жизни на Кавказе было временем его наибольшего роста. Мы можем сказать, что это было время наибольшей работы...»².

Касаясь пребывания русского писателя в укреплении Старый Юрт, Шкловский акцентирует внимание на следующих важных моментах: «Необыкновенное трудолюбие Толстого поражает нас и здесь. Лев Николаевич узнавал язык народа, среди которого он жил, делал очень точные фольклорные записи, первые записи на даргинском языке, и это не только упражнение молодого офицера, который переживает романтическое увлечение горами, но это как бы подготовка к будущим рассказам о Кавказе. Фольклорные отзвуки, много раз проверенные, помогут Толстому создавать «Хаджи Мурат» через много десятилетий...»³.

Наиболее ярко, самобытно и глубоко, мысли и воззрения писателя, навеянные Кавказом и кавказскими событиями, раскрылись в рассказах и повестях: «Набег», «Рубка леса», «Записки маркера», «Разжалованный», «Кавказский

¹ Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С.449.

² Шкловский В.Б. Лев Толстой. М., 1963. С.150.

³ Шкловский В.Б. Лев Толстой. М., 1963. С.147.

пленник», «Казаки», «Хаджи Мурат» и др. На Кавказе у Толстого в экстремальных условиях участия в боевых действиях и в жизни прифронтовой территории, появилась возможность непосредственно соприкоснуться с казаками, с русскими воинами, с горцами. Военная стихия способствовала обостренному восприятию характеров людей, их нравов, психологии, постижению и раскрытию сложной, весьма драматичной истории их взаимоотношений.

Интересен взгляд кандидата филологических наук Р.Л. Авидзба, придающей большое значение в формировании художественного мировоззрения русского классика его кавказоведческим познаниям. В статье «Картины Кавказа в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.Ф. Торнау» исследователь, в частности, пишет: «Опыт жизни на Кавказе, которым в полной мере обладал Л. Н. Толстой, следы впечатлений и знаний, полученных им в период военной службы, не могли не отразиться в его художественных произведениях, где (как это отмечено в издании «Русский инвалид», 1856, №259) «действуют не призраки, родившиеся под влиянием праздного воображения, но люди, в действительном отношении этого слова, с их достоинствами, слабостями и недостатками»¹.

На мой взгляд, достаточно обосновано и мотивировано утвердившееся в классическом литературоведении мнение о том, что именно на Кавказе формировались истоки глубоких, концептуальных размышлений Толстого о жизни и смерти, о зле и добре, о разрушительной силе войны и человекоубийстве, прекрасном и безобразном, об эфемерном и вечном.

Все чаще и чаще звучат в ранних «кавказских текстах» Толстого риторические вопросы, подводящие к мыслям

¹ Авидзба Р.Л. Картины Кавказа в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.Ф. Торнау // журнал «Евразийский союз ученых». Картины Кавказа в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.Ф. Торнау (elibrary. ru)

о переоценке ценностей, о причинах «духовного переворота», наметившегося в мировидении писателя. Подобные настроения достаточно узнаваемы в вопросительных интонациях, звучащих, в частности, в толстовском «Набеге»: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщениия или страсти истребления себе подобных?»¹.

Глубоким анализом проблем взаимоотношения горцев и тех, кто им противостоял, отличаются исследования доктора филологических наук, профессора Казбека Султанова, посвященные «кавказским текстам» Л. Толстого. Вот как масштабно и культурологически выверенно рассматривает ученый вопросы ценностно-цивилизационных противоречий в произведениях классика, посвященных кавказской тематике: «В «Хаджи-Мурате» Толстой не закрывает глаза на болезненно разворачивающееся столкновение систем ценностей, но его рецепция Кавказа выламывается из рамок жесткой дихотомии «свой–чужой», вбирая в себя интенции человеческого существования как такового. Несомненна антропологическая весомость мысли и слова Толстого в диалоге с горским миром – не от имени заведомо прогрессивного европоцентризма, а с позиций человековедения...»².

Далее отталкиваясь от этой важной с социологической и этнопсихологической точки зрения парадигмы, К. Султанов, приходит к следующему умозаключению: «Антропологическая модель Толстого предполагала всеобщность смысла и значения каждой человеческой судь-

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том I. С. 385.

² Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М., ИМЛИ РАН. 2019. С. 33. monografia_sultanova_v_sboire.pdf (ed-imli.ru)

бы. В «Хаджи-Мурате» эта всеобщность явлена в живой непредсказуемости диалогического взаимодействия, обнаруживая глубинное единство жизненного разнообразия, которое объемлет национально-культурные миры, временно несопрягаемые по злободневной причине противостояния...»¹.

Судя по тому, как в кавказских рассказах и повестях Толстого природа Кавказа становится частью внутреннего мира, богатого мироощущения его героев, она сыграла значительную роль в формировании духовно-эстетических взглядов писателя. Писатель в «Набеге», условно названном рассказом волонтера, описывая природу местности, где происходит главное событие, дополняет свои картины таким броским мазком, как: «на реке без умолку звенели лягушки...» и тут же делает удивительное авторское примечание о том, что «лягушки на Кавказе производят звук, не имеющий ничего общего с кваканьем русских лягушек». Даже в таком неожиданном сравнении проявляется утонченность и глубина мироощущения Толстого.

Японский исследователь творчества Толстого Коити Итокава в работе «Кавказ как вторая родина Льва Толстого» оценивает эту взаимосвязь еще глубже: «По-моему, теперь уже не может быть сомнений в том, что Кавказ не являющийся в буквальном, биографическом смысле родиной Толстого, стал Родиной Толстого-писателя, чувствует-ся, что Толстой и Кавказ глубоко родственны духовно...»².

Известные чеченские кавказоведы, историки Ш. Гапуров и В. Магомаев в исследовании «Кавказская война в творчестве Л.Н. Толстого», касаясь особого, достаточно

¹ Там же. С. 135.

² Коити Итокава. Кавказ как вторая родина Льва Толстого // Яснополянский сборник. Статьи. Материалы. Публикации. Тула. 2008. С. 83.

противоречивого отношения русского классика к кавказской войне, обращают внимание на следующие аспекты его философского осмысления кавказской драмы: «Подавляющая масса российской интеллигенции, офицерского корпуса, чиновничества поддерживала планы правительства относительно присоединения Кавказа к России. Тут сомневающихся практически не было. Но прогрессивная часть российского общества была против насильственных методов осуществления этого процесса, полагая, что это нужно делать через просвещение горцев, приобщения их к русской культуре, путем широкого применения экономических методов. Представители этой части русского общества считали, что горцам нужно на деле показать преимущества пребывания в составе Российского государства. Вполне понятно, что они были против кровавых реалий Кавказской войны.

Л. Н. Толстой же, как известно, столкнувшись с ужасами российско-горского противостояния в первой половине XIX в., стал вообще отрицать убийства, войну как способ решения каких-либо проблем. Глядя на казака Лукашку, который радуется тому, что он убил чеченца, плывшего через Терек, Толстой рассуждает в повести «Казаки»: «Что за вздор и путаница? Человек убил другого (как видим, для Л. Н. Толстого чеченец – такой же человек, как и казак, имеющий такое же право на жизнь, как и другие россияне. – **Авт.**), и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?»¹.

Как известно, именно на Кавказе, во время наблюдения ужасов войны, у Л. Н. Толстого зародилась идея нена-

¹ Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Кавказская война в творчестве Л.Н. Толстого // журнал «Наследие веков». № 2 (2), 2015. С. 19. Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого (elibrary.ru)

силия, превратившаяся позже в весьма стройную философскую теорию.

Не отрицая того факта, что Толстой был убежден в справедливости Кавказской войны (тем более, что он сам участвовал в ней – **В.З.**). Павел Басинский, акцентирует внимание и на такой не менее важной характерной особенности отношения писателя к тому, что происходило в ту эпоху на Кавказе: «...Но он чувствовал, что своя правда есть и у горцев. Жестокая тактика войны с планомерным вытеснением местного населения с плодородных земель в бесплодные ущелья с разорением аулов и вырубкой лесов, которые могли быть удобными местами для засад, едва ли могли нравиться Толстому...»¹.

Глубоко выстраданное, поднятое на уровень высокой духовности художественно-этнографическое осмысление жизни и быта казаков и чеченцев, составляют этическую основу ряда эпизодов повести «Казаки»: «... Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. <...> Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Влияние России выражается только с невыгодной стороны: стеснением в выборах, снятием колоколов и войсками, которые стоят и проходят там».

Вышеупомянутые чеченские ученые Ш. Гапуров и В. Магомаев, затрагивая в исследованиях тему симпатий и антипатий Толстого сквозь призму отношений к Кавказской войне, предлагают следующую интерпретацию проблемы: «Да, действительно, у Льва Николаевича нет ни прямого осуждения царского правительства за войну против горцев, ни прямой поддержки горцев, ведших ос-

¹ Басинский П. Лев Толстой. М., 2017. С.60-61.

вободительную борьбу. В этих вопросах Толстой весьма осторожен в оценках. Но ведь писатель всегда считал, что права та сторона, которая страдает больше другой. Вряд ли у кого-либо могут быть сомнения в том, что в Кавказской войне наиболее страдающей стороной, понесшей большие потери, была горская. Потери мирного населения у горцев были огромными: от голода, болезней, от необходимости постоянно укрываться в лесах, особенно в зимнее время».

«Правда, в «Хаджи-Мурате» у Толстого, – отмечают чеченские ученые, – есть очень резкий отрывок о действиях российских солдат в уничтоженном горском селении. В этом отрывке Толстой совершенно четко и недвусмысленно расставляет акценты: его симпатии на стороне горцев...»¹.

Несмотря на то, что пока нет источников, свидетельствующих о пребывании Л. Толстого в Абхазии, есть не мало материалов, дающих основание предполагать, что классик прямо или косвенно поддерживал связи с видными представителями абхазской интеллигенции. Достаточно привлекательны в этом плане сообщения историка и краеведа В. Пачулиа, доктора филологических наук, профессора М. Ладариа. На мой взгляд, весьма важно и ценно и то, что абхазы никогда не отделяли себя от черкесов, вайнахов, дагестанских и других горских народов Кавказа (по большому счету, это один суперэтнос, это народы одной экологической ниши), образы которых возвеличены и романтизированы во многих произведениях Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Некрасова, в том числе, конечно же, Льва Николаевича Толстого.

Выступая перед студентами Абхазского государственного университета с лекцией на тему «Опыт перевода

¹ Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х. Кавказская война в творчестве Л.Н. Толстого // журнал «Наследие веков». № 2 (2), 2015. С. 20.

русской классической литературы на абхазский язык» (2022 г.), я уделил значительное внимание кавказским текстам Л.Толстого. При этом сослался на интересную и достаточно прагматичную мысль академика С. Зухба о том, что переводить на абхазский язык необходимо в первую очередь то, что близко нам «абхамам и нашей стране Апсны» по духу¹. Произведения Толстого на кавказскую тему, особо близки нам горцам, по психологии, по характеру и глубине раскрытия нашего внутреннего мира. И, видимо, поэтому перевод «Хаджи Мурата», на абхазский язык, выполненный впервые мастером художественного слова Мушни Хашба, получил широкий общественный резонанс, стал значимым событием, явлением в духовной жизни нашего народа. Такого же мнения придерживается народный поэт Абхазии, академик М. Ласуриа.

Хотя известный абхазский фольклорист, литературовед, критик А. Аншба выявил ряд языковых и стилистических погрешностей в упомянутом переводе, в целом он дал ему высокую оценку, отметив профессионализм переводчика. Думаю, также достоин исследовательского внимания и тот неординарный факт, что спектакль «Хаджи-Мурат», созданный Сухумским Государственным русским театром драмы имени Фазиля Искандера (постановка режиссера А. Кове) вызвал оживленный интерес среди зрительской публики и театроведов на IV традиционном фестивале «Толстой» в Ясной Поляне. В материале от 6 июля 2019 г., размещенном в Интернете, на сайте «Толстой» – «Театральный фестиваль», в частности, подчеркивалась смелость, оригинальность режиссерского решения и интерпретации одного из крупных многоплановых художественных полотен Л. Толстого.

«Суровая кавказская история Льва Толстого приехала в Ясную Поляну из Кавказа же. В абхазском спектакле

¹ Сергей Зухба. Чтобы не погас огонь очага. С., 2006. С. 491.

много яркой пластической выразительности, музыки и моментальных переключений с опасных горных местностей на светские развлечения столичной жизни вдалеке от военных событий. Повесть «Хаджи-Мурат» практически не ставилась на театральных подмостках и не была экранизирована. Вся история и судьба Хаджи-Мурата полумифологическая, сама его личность обросла легендами. Режиссёр Адгур Кове и художник Батал Джапуа предлагают неожиданный взгляд на гениальное произведение: «Это скорее притча о сломе времён, о сломе эпох, о невероятных предлагаемых обстоятельствах, в которых человек вынужден действовать не столько самостоятельно, сколько принимая вызов судьбы, рока, фатума. Наш спектакль не про одного героя, а скорее про судьбу, людей, народ». Таково современное психологическое восприятие кавказской драмы, нашедшей гениальную философскую трансформацию в художественном сознании и мировидении классика.

Свою задачу я видел в том, чтобы показать некоторое сходство и различие взглядов ученых, занимавшихся в разное время исследованием «кавказских текстов» Толстого. При этом старался прямо или косвенно выразить свое отношение к существующим точкам зрения. Думаю, что подобный аналитический обзор может дать дополнительный импульс исследовательскому вниманию к кавказской художественной модели мировидения Толстого, проливающего свет на многие актуальные ценностно-этические проблемы общечеловеческого масштаба.

Лучшим завершением этих достаточно свободных размышлений о значимости и силе воздействия Кавказа в мире духовных исканий Л.Толстого могли бы стать замечательные строки моего великого соотечественни-

ка Ф. Искандера из стихотворения «Лев Толстой в Ясной Поляне»:

От тесноты квартир, от пресноты,
От пошлости любого манифеста
В горах вам не хватало высоты,
А на земле вам не хватало места...

(Фазиль Искандер. «Ежевика». Стихи. М., 2002. С.109).

АБХАЗСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

(опыт обобщения научно-публицистической информации о пребывании русского классика в Абхазии)

В художественно-документальной летописи Абхазии и уникальной, не до конца еще исследованной истории ее культурных взаимосвязей с Россией, достойное место занимают страницы, связанные с пребыванием А. П. Чехова в «стране души» (рассказы, высказывания, дневниковые заметки, материалы переписки русского классика с друзьями на тему Абхазии и т. д.).

Чрезвычайно важен также еще один аспект, связанный с отношением абхазов, абхазской интеллигенции к личности Чехова, его творческому наследию. В этом плане заслуживает серьезного исследовательского внимания опыт перевода на абхазский язык повестей, рассказов, а также драматургических произведений Чехова. Следует отметить, что внимание лучших абхазских переводчиков было приковано к творчеству Чехова на протяжении чуть ли не всего 20-го столетия.

Конечно, к теме «Абхазский дискурс Чехова» неоднократно обращались многие абхазские филологи, публицисты, историки. Однако я бы не стал категорично утверждать, что она исчерпана полностью, тем более что до сих пор идут споры о том, где, в каком именно месте

происходят действия повести «Дуэль», созданной Чеховым по следам его пребывания в Абхазии. Также следует отметить, что в «чеховской литературной географии» обширное пространство принадлежит всему Кавказу. И есть достаточно оснований рассматривать абхазскую тематику Чехова в общекавказском историко-литературном контексте.

В то же время некоторые материалы, посвященные этой направленности современного чеховедения, страдают некоторыми неточностями и терминологическими погрешностями. Так член Союза писателей России Борис Розенфельд, в статье, посвященной кавказским путешествиям Чехова («Литературная газета», 2020. №31 – 6747) совершенно своеобразно цитирует письмо Чехова, адресованное Суворину, подменяя достаточно известное выражение «если бы пожил в Абхазии хотя бы месяц...» словами «если бы я прожил на Кавказе хотя бы месяц». Возможно, такая манипуляция понятиями происходит по той причине, что 9 октября 1888 г. в письме Д. В. Григоровичу Чехов, в частности, отмечал: «Если бы я жил на Кавказе, то писал бы там сказки. Удивительная страна!».

Но, увы, это не единственная досадная оплошность: в своей достаточно объемистой публикации упомянутый автор, весьма подробно описывая кавказские маршруты Чехова, нигде не упоминает Абхазию. Поневоле создается впечатление, что делается это осознанно. И такая статья опубликована, в столь престижном издании, как «Литературная газета».

Хотел бы заметить, что факты пребывания Чехова в Абхазии у нас принято рассматривать в контексте русско-абхазских взаимоотношений в целом. И с точки зрения исследовательской логики – это правильный подход, потому что историко-культурный пласт русско-абхазских творческих взаимосвязей и взаимовлияний закла-

дывался задолго до того, как выдающийся мастер ступил на абхазскую землю.

По достаточно убедительным материалам доктора исторических наук А. Л. Папаскир, зарождение абхазской тематики в русской литературе восходит к началу создания древнерусской литературы (начало XI века). А уже с конца XIX и начала XX в. золотой фонд художественных и публицистических произведений, посвященных Абхазии, дополнили своими замечательными рассказами, повестями, романами, очерками, стихами, поэмами, эссе такие яркие творческие индивидуальности, как А. Бестужев-Марлинский, В. Немирович-Данченко, М. Горький, А. Толстой, Д. Мордовцев, К. Паустовский, В. Маяковский, О. Мандельштам, В. Шишков, А. Серафимович, А. Белый, В. Шершеневич, В. Стражев, В. Соллогуб, М. Шолохов, Н. Тихонов, И. Бабель, К. Федин, Л. Леонов, Н. Асеев, А. Твардовский, Н. Ушаков, К. Симонов, В. Солоухин и др. И в этой галерее признанных представителей различных литературно-художественных направлений и школ, совершавших в свое время паломничество в нашу страну и оставивших здесь свой неизгладимый след, Чехову, пожалуй, принадлежит заметное место. Забегая вперед, замечу, что по датам и хронологии пребывания Чехова в Абхазии есть разные мнения, одни из них более достоверные, другие – менее достоверные, вызывающие некоторые сомнения в связи с отсутствием точных сведений и источниковедческой информации.

Исследователи проблем русско-абхазских литературных взаимоотношений нередко обращаются к знаменитому «Письму А. П. Чехова неустановленному лицу», под которым значится дата 25 июля 1888 года. Здесь же обозначено место, где родился этот документ: столица Абхазии – Сухум. Это письмо включено в книгу «Абхазия в русской литературе» (Сухум, 1993) ее составителем, кандидатом филологических наук Инной Квициния. (Кста-

ти, Сухум упоминается Чеховым еще и в его дневниковых записях из «Календаря для врачей всех ведомств 1898 г.»). Вместе с тем известный абхазский историк и краевед В. П. Пачулиа в книге «Русские писатели об Абхазии» (Сухум, 1980) ссылается на вышеназванный литературный документ, как на письмо А. С. Суворину – издателя «Нового времени»¹.

Именно как письмо А. С. Суворину комментирует его и известный поэт, литературовед Б. А. Гургулиа, посвятивший теме пребывания Чехова в Апсны отдельный подзаголовок в своем учебном пособии по русской литературе XIX века на абхазском языке (Сухум, 2008).

Русский писатель на редкость пластично, рельефно и картинно передает личные впечатления о древней стране, о народе, олицетворяющем собой ее самобытную культуру: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море...» Еще более интригует, привлекает внимание заключительная часть письма, связанная с Новым Афоном и богато иллюстрирующая тонкую художественную наблюдательность мастера: «На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, едущим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность. Купил матери образок, который привезу...» И вот фраза, которую знают, чуть ли ни наизусть, все мало-мальски образованные жители Абхазии. Слова, выражающие то творческое воодушевление и эмоцио-

¹ Чехов А. П. Собр. соч. Т. 2. 1963. С. 236.

нальный заряд, который великий писатель получил от соприкосновения с нашей живописной и величественной природой: «Если бы я пожил в Абхазии хотя бы месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать...».

Считаю необходимым сделать несколько примечаний к эпистолярным текстам Чехова, касающимся Абхазии. В полном собрании сочинений и писем А. П. Чехова в 30 томах и др. академических изданиях процитированное выше письмо классика – из Абхазии (из Сухума) значится как «Письмо неустановленному лицу» от 25 июля 1888 г. В комментариях специалистов отмечается, что этот текст для первой публикации был дан М. П. Чеховым именно с таким названием. Однако в Полном собрании сочинений Чехова адресатом этого письма назван А. С. Суворин, что, как пишут чеховеды, «мало вероятно, так как, путешествуя с сыном Суворина, Чехов не мог писать только о своем пребывании на Афоне. Судя по фразам «Купил матери образок, который привезу» и «Поклоны всем», письмо, вероятно, было послано в Сумы...» В примечаниях к полному 30-томному собранию сочинений классика также дана интересная интерпретация слов Чехова «Ночь ночевал в монастыре "Новый Афон" ...». Здесь отмечено: «В путеводителе по Кавказу Г. Г. Москвича (1911 г.) приведена запись Чехова, сделанная в день пребывания в Новом Афоне в книге посетителей монастыря: «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах».

При этом сделана ссылка на сообщение С. М. Чехова «Забывтая запись», опубликованное в газете «Советская Абхазия» в 1964 г. (в №143).

Прибыл А. П. Чехов в Новый Афон на пароходе «Дир» из Феодосии. Пишет он о своем морском путешествии

весьма увлекательно: «Из Феодосии выехал на «Юноне», сегодня ехал на «Дире», завтра поеду на «Бабушке»... Много я перепробовал пароходов, но еще ни разу не рвал...».

Учёный В. П. Пачулиа в книге «Русские писатели об Абхазии» рассказывает о том, что Антон Павлович «подробно ознакомился с историко-природными памятниками, поднялся на Иверскую гору (имеется в виду Анакопийская гора – В. З.), где некогда была цитадель стольного города Абхазии – Анакопии». Судя по описанию В. П. Пачулиа, русский писатель в сопровождении монаха-проводника осмотрел хозяйство монастыря, маслиновую рощу, пасеку, фруктовый сад (кстати, не будем забывать об успешных агрономических изысканиях Чехова!). С особым интересом ознакомился он с монастырской школой, где обучались местные дети-сироты. Школьники проявили большой интерес к беседе Чехова с преподавателем школы при монастыре. Писатель выразил свое восхищение преданностью местных просветителей своему высокому призванию.

В книге «Абхазия в русской литературе», составленной И.И. Квициния, приводятся интересные сведения из путеводителя по Кавказу (автор – Г. Г. Москвич), изданного в 1911 г. «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах». Я уже цитировал это высказывание. Автор путеводителя Г.Г. Москвич подтверждает, что этот чеховский текст взят из собственноручной записи классика в книге посетителей Новоафонского монастыря.

В.П. Пачулиа отмечает в своей книге, что все подробности пребывания Чехова в Новом Афоне были записаны им в 1957 году со слов глубокого старца, бывшего монаха Ново-Афонского монастыря, принимавшего участие в составлении летописи этой знаменитой обители.

«Антон Павлович переночевал в монастырской гостинице, предназначенной для «чистой публики» (ныне это один из корпусов санатория «Абхазия»), – сообщается в книге «Русские писатели в Абхазии».

В труде крупного кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Ю. Н. Воронова «В мире архитектурных памятников Абхазии» подробно описан исторический уголок, с которым непосредственно соприкоснулся русский писатель: «В работе В.И. Чернявского и других авторов второй половины XIX столетия можно прочитать и о замке на берегу моря, представлявшем собой башню с четырьмя выступами по углам. Все эти развалины связываются находившейся здесь генуэзской факторией XIV века, известной под именем Каво-ди-Гиро или Анакуфа. Большинство древних построек было разобрано при сооружении гостиницы. В 1888 году в этой гостинице отдыхал А. П. Чехов». На мой взгляд, здесь крайне важно то, что Воронов не просто публицистической скорописью фиксирует факт пребывания в этом историческом месте великого писателя, но и как крупный археолог подробно описывает замок (башню), на обломках которой выросло здание, отмеченное кратковременным пребыванием классика.

В ноябре 1986 года, по истечении почти целого столетия, в Новом Афоне состоялось торжественное открытие мемориальной доски в честь А. П. Чехова. Об этом сообщалось в публикациях О. Шараговой и Л. Арнаут на страницах газет «Апсны Капш» и «Советская Абхазия».

Исследователь И. Х. Дамения в работе «Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX-начале XX в.» (СПб–1994 г.), затрагивая тему прибытия А. П. Чехова в Новый Афон (в 1888 г.), цитирует слова писателя из письма своему брату от «24 сентября того же 1888 г.: «Пишу тебе в кают-компани, не зная, где я и куда влечет меня неведомая даль. Приближа-

юсь к Новому Афону, где, вероятно, остановлюсь на сутки...»¹.

Инна Дамения сообщает также, что в 1888 г. в журнале «Северный вестник» была опубликована повесть «Огни», действие которой происходило в Абхазии². Одна из крупных повестей А. Чехова «Дуэль» также написана в результате поездки по краю...

Известно также, что Антон Павлович, прибыв в столицу Абхазии – Сухум, остановился в одной из гостиниц, располагавшихся на сухумской набережной. Исследователь А. Агумаа считает упоминание гостиницы «Ялта», как места пребывания Чехова, ошибочным, ибо старинное здание, расположенное ныне рядом с гостиницей «Абхазия» по ул. Аидгылара, носило в то время название «Франция» (еще одна тема для чеховедов!). Письма и дневниковые записи писателя свидетельствуют о том, что он достаточно хорошо ознакомился с Сухумом и его окрестностями.

За последнее время в печати, на просторах Интернета, появляется не мало интересных сообщений о кавказских странствиях Чехова. На мой взгляд, весьма профессиональный анализ материалов на эту тему, содержится в публикации В. Ф. Стениной «Чеховская проза о Кавказе: культурные коды и смыслы». Касаясь намерений классика посетить Абхазию, автор вышеупомянутой статьи, в частности, пишет: «Перед тем, как поехать в Абхазию в письме М. П. Чеховой, представляя детальный отчет о своем путешествии, автор сообщает о своих планах: «Что-нибудь из двух: или я поеду прямо домой, или же туда, куда Макар телят не гонял. Если первое, то ждите меня через неделю, если же второе, то не ждите через неделю»³. Учитывая, что писатель, выбирая второй вариант,

¹ Здесь ученый ссылается на Полное собрание сочинений и писем Чехова А. П. в 12-и тт. Т. 2. М., 1975. С. 300.

² Чехов А. П. Собр. соч. Т.6. М., 1962. С143.

³ Чехов А. П. Собр. соч. Т.6. М., 1962. С.299.

отправляется сразу же на Кавказ, можно предположить, что семантика поговорочной метафоры характеризует в тексте кавказское пространство как «неопределенное», «далекое», «неведомое» место...».

Далее, подвергая письма Чехова текстологическому анализу, В. Ф. Стенина, отмечает: «Репрезентация в чеховском тексте кавказского пространства является пластическим оформлением идиоматического выражения, реализующего семантику «неведомых», «далеких» земель. Пародийно стилизуя тон фольклорного повествования, писатель сам называет в послании К. С. Баранцевичу свое путешествие «дальним странствием». Восхищаясь прелестями Черноморского побережья, писатель не раз подчеркивает сказочный, фантастический характер происходящего с ним: «Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Видел я чудеса в решетке...Впечатления до такой степени новы и резки, что все пережитое представляется мне сновидением, и я не верю себе»¹. В. Ф. Стенина считает, что чеховский образ «чудеса в решетке» придает повествованию писателя сказовый манер и реализуют в тексте значение невероятности, необыкновенности случившегося. В результате невозможности адекватно выразить впечатления от путешествия, все события приобретают статус «чуда», «дива», а поездка на Кавказ, названная «дальним странствием», представляется сновидением...».

Одна из крупных специалистов по литературным взаимосвязям, известный тургеневед, профессор Маргарита Глебовна Ладариа высказывала достаточно интересный взгляд на факт и события, связанные с пребыванием Чехова в Абхазии и на характер восприятия им абхазской действительности. В интервью абхазскому телеканалу «Абаза» она как-то заметила, что Чехов интересовался больше природой. По ее мнению, восторг классика аб-

¹ Чехов А. П. Собр. соч. Т.6. М., 1962. С.308.

хазской природой, озаренность от нее дали ему эстетическую энергию, силы для работы. И в этом смысле Абхазия, конечно, связана с Чеховым. Профессор М. Ладариа отметила особым смысловым курсивом в своих размышлениях о Чехове, что писатель был настолько очарован и ошеломлен красотой абхазской природы, что за это короткое время он не успел заглянуть в душу народа, в душу человека...

Маргарита Глебовна считала, что у Чехова были свои взгляды на знакомства... Он не обременял себя особенно встречами, его, к сожалению, тоже не обременяли... Прожил бы он больше, он несомненно проявил бы еще более глубокий интерес к Абхазии, к ее людям, к ее культуре. Думаю, известный абхазский филолог высказывала достаточно убедительные предположения. Судя даже по тому, как Чехов, наметанным взглядом представил себе «абхазцев в костюмах маскарадных капуцинов», можно было догадываться насколько многокрасочными могли быть картины Абхазии и образы абхазов, если бы суждено было свершиться мечте классика пожить в нашей стране хотя бы месяц...

Во время кратковременного пребывания в столице Абхазии Чехов, разумеется, не успел бы вникнуть в традиционный быт и образ жизни местного населения. Однако и первые впечатления оказались весьма ценными, чтобы уловить и броско отобразить какие-то психологические нюансы и характерные черты. Об этом свидетельствует, в частности, повесть «Дуэль» (1891).

И. Бунин считал ее одним из лучших произведений писателя. В некоторых эпизодах этой повести достаточно узнаваемы виды Сухума и прилегающих к ней местностей. Например, в главе XVIII броскими и колоритными мазками передан пейзаж предгорной долины Желтой речки. «От дождя речка стала шире и злее, и уж она не ворчала, как прежде, а ревела. Начинаясь рассвет.

Серое тусклое утро, и облака, бежавшие на запад, чтобы догнать грозовую тучу, и горы, опоясанные туманом, и мокрые деревья – все показалось дьякону некрасивым и сердитым...». Не менее впечатлительна и другая сцена, разворачивающаяся в этом же месте: «Вот поваленное дерево с высохшими иглами, вот черное пятно от костра. Припомнился пикник со всеми его подробностями, огонь, пение абхазцев, сладкие мечты об архиерействе и крестном ходе... Черная речка от дождя стала чернее и шире. Дьякон осторожно прошел по жидкому мостику, до которого уже дохватывали грязные волны своими гривами, и взобрался по лесенке в сушильню...».

В главе VI повести «Дуэль» автор достаточно изысканно и живописно передает характер абхазского народного песнопения: «...Немного погодя сидевшие в кружок тихо запели что-то протяжное, мелодичное, похожее на великолепную церковную песню...». А вот в другом фрагменте повести, Чехов открывает читателю панораму набережной Сухума (совершенно контрастную горному пейзажу) глазами одного из своих персонажей: «...Не поворачивая головы, он (Самойленко – В. З.) поглядывал по сторонам и находил, что бульвар вполне благоустроен, что молодые кипарисы, эвкалипты и некрасивые, худосочные пальмы очень красивы и будут со временем давать широкую тень, что черкесы – честный и гостеприимный народ...».

Существует версия, что во время одной из поездок в Абхазию вместе с ним здесь находились известный писатель А. М. Горький и выдающийся живописец А. М. Васнецов.

Известно также, что А.П. Чехов посетил Сухум в мае 1900 года, когда он со своей будущей супругой, актрисой О. Л. Книппер находился в гостях у А. А. Остроумова, у которого здесь была своя дача. Антон Павлович поддерживал с ним теплые дружеские отношения. Дача Остроумова располагалась в здании, занимаемой ныне

дирекцией ИЭПиТ. Вносит интересные детали в историю взаимоотношений Чехова и Остроумова писатель, публицист Александр Орлов-Кретчмер: «...Близкие доверительные отношения были лишь с коллегой, лечившим (точнее “пользовавшимся” его иногда, как тогда говорили) от чахотки – легендарным профессором медицины А. А. Остроумовым. Но Остроумов сам заболел и в 1899 г. неожиданно переехал в далекий провинциальный Сухум, где купил земельный участок и вскоре построил дачу по проекту местного инженера штабс-капитана В. И. Ивановского, а впоследствии – в подарок городу – и первую в Абхазии клинику. Чехов, узнав о переезде своего доверенного врача на Кавказ, сторяча тоже купил дачу в Крыму, надеясь на улучшение от климата. Однако, приехав в Сухум на консультацию уже в 1900 г., он неожиданно услышал от Остроумова рекомендацию никогда не жить в Ялте, а переехать в Абхазию. Но, хотя Чехов уже бывал в Сухуме еще в 1888 г. при посещении Сухумского округа императором Александром III (в литературе широко известно письмо Чехова из Сухум-Кале), он, все же, предпочел сухумскому консервативному обществу более благоустроенный курорт в Ялте, где дамское общество было куда как веселее». Доктор филологических наук В. Бигуаа ставит под сомнение версию некоторых исследователей о приезде Чехова в Абхазию в 1883 г. Ученый считает сведения Х.С. Бгажба более достоверными, ибо они подтверждены письмами самого Чехова¹.

Есть немало сведений о том, что Чехов вместе с сыном А. С. Суворина – Алексеем Алексеевичем должен был совершить путешествие в Среднюю Азию и Персию, однако в связи с неожиданной смертью другого сына Суворина, о чем поступила телеграмма из Феодосии, попутчику Чехова пришлось срочно вернуться домой. Им удалось доехать только до Баку. В связи с этим, думаю, будет ин-

¹ Абхазский биографический словарь. Москва-Сухум, 2015. С. 761.

тересно обратиться к письму Чехову Н. А. Лейкину от 12 августа 1888 г., где наряду с некоторыми кавказскими территориями вновь упоминается Абхазия и ее города:

«Из дальних странствий возвратясь, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, привет и отчет. Отчет будет краток поневоле, ибо те места, где я был, и люди, которых я видел, слишком многочисленны.

...Из Феодосии на пароходе махнул в Батум. По дороге заезжал на полдня в Сухум – прекраснейший городок с тропической жарой, весь тонущий в густой нерусской зелени, – и на сутки в Новый Афон, монастырь. Здесь на Афоне так хорошо, что и описать нельзя: водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное – море и горы, горы, горы... Из Афона и Сухума приехал в Поты. Тут река Рион, знаменитая своей Рионской долиной и осетрами. Изобилие зелени. Все улицы изображают из себя аллеи из тополей.

Батум большой, военно-торгово-иностранным-кафе-шантанный город, в котором Вы на каждом шагу чувствуете, что мы победили турок. Особенного в нем ничего нет (впрочем, изобилие домов терпимости), зато окрестности восхитительны. Особенно хороша дорога в Карс и быстрая речка Чораксу.

Дорога от Батума до Тифлиса со знаменитым Сурамским перевалом оригинальна и поэтична; всё время глядишь в окно и ахаешь: горы, туннели, скалы, реки, водопады, водопадики. Дорога же от Тифлиса до Баку – это мерзость запустения, лысина, покрытая песком и созданная для жилья персов, тарантулов и фаланг; ни одного деревца, травы нет... скука адская...»

В связи с вышеизложенными историями, хотел бы заметить, что о странствиях и страноведческой стихии Чехова написано немало статей и очерков. Так, в публикации «Кругосветка Антона Чехова»¹ Дм. Капустин под-

¹ «Новый мир», 2010. №7.

робно описывает 52-дневное морское путешествие Чехова вокруг Азии. Биографы Чехова охарактеризовали этот вояж как его главное путешествие. «После того, что я видел и чувствовал на востоке, меня не тянет в Европу...» – писал классик в письме Суворину от 8 октября 1892 года.

А теперь, что касается отношения к творческому наследию Чехова, традиционно складывавшемуся в Абхазии: в 1914 году, в связи с 10-летием со дня смерти великого русского писателя, в Гаграх сообществом петербургских актеров была осуществлена постановка его драматических произведений «Вишневым сад» и «Три сестры». Примечательно, что произведения А. П. Чехова на протяжении ряда десятилетий переводятся на абхазский язык мастерами абхазского художественного слова. Многие из них опубликованы на страницах литературно-художественного журнала «Алашара» («Свет»), газеты «Апсны» и других периодических изданиях. В 1920 году абхазский прозаик и драматург Д. Дарсалиа по мотивам рассказа Чехова «Хирургия» создал комедию «Зубной врач». Перу известного поэта-переводчика и литературоведа В. Ацнариа принадлежит блестящий перевод «Вишневого сада» на абхазский язык. Рассказы Чехова «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Ванька» и др. были переведены проф. Х. С. Бгажба и изданы отдельной книгой еще во второй половине 30-х годов. Специалисты отметили высокое качество перевода на абхазский язык рассказов «Душечка», «Скрипка Ротшильда», осуществленных писателем Д. Ахуба. Известный абхазский театровед А. Аргун отмечал значимость появления на абхазской сцене чеховских комедийных произведений «Медведь», «Предложение», «Юбилей», соединенных в один спектакль благодаря режиссерскому мастерству Н. Эшба. «Что ж, это не просто обращение к «малым формам». Эти миниатюры не менее интересны и сложны, чем некоторые многоакт-

ные пьесы...» – сообщила газета «Советская Абхазия» в номере от 28 декабря 1962 года. В ролях были заняты такие замечательные актеры Абхазского театра, как А. Аргун-Коношок, Н. Камкиа, С. Агумаа, А. Ермолов, Ш. Гицба, Р. Агрба, С. Кобахиа, М. Касландзиа, С. Дбар и др. Исследованию и популяризации культурных связей А. П. Чехова с Абхазией посвятили интересные публикации (научные сообщения) Г. А. Дзидзариа, М. Г. Ладариа, А. Л. Папаскир, И. Х. Дамения и др. абхазские исследователи. В данной публикации предпринята попытка еще раз напомнить поклонникам величайшего таланта русского классика о том, что феерический край, который известен миру как Апсны – Страна души – тоже занимает в биографии писателя свое скромное, но очень колоритное место.

Завершить свои размышления я хотел бы философским образом Фазиля Искандера, посвященным Чехову:

Он был в гостях, и позвонить домой
Хотел. Но странно – в памяти заминка.
А ощущалось это как грустинка.
«Стареем, – он подумал, – Боже мой,
При чем тут грусть? Грусть – старая пластинка.
Какой-то дрянью голова забита.
Как редко, кстати, я звоню домой...
И вдруг припомнил – жизнь его разбита...

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И АБХАЗИЯ

(из летописи творческого
содружества классиков)

«Когда я прохожу по тем местам, по которым когда-то проходил вместе с Александром Трифоновичем – будет ли это в Москве, Сухуме или в моем родном селе Члоу, лежащем у подножья Кавказских гор, передо мною всегда возникает его светлый образ. Вновь я слышу его твердые шаги и взволнованный голос. В моей памяти возникают строки его прекрасных стихов...».

Баграт Шинкуба. 1980 г.

Когда известного литературного критика, литературоведа Игоря Виноградова, спросили, какую бы он дал оценку жизни и творчеству Александра Твардовского, он, весьма убедительно отвечая на вопрос, подчеркнул исключительную незаурядность и масштабность личности поэта, под руководством которого ему посчастливилось работать в редакции одного из самых престижных и популярных журналов: «Я считаю Твардовского одной из самых ярких и значительных фигур в русской культуре и русской общественной мысли середины XX века. Твардовский – это целая эпоха, зеркалом которой стал «Новый мир». И не только зеркалом. Этот журнал был не просто отражением своего времени, но в известной мере он был и творцом его – духовным источником, питавшим свое время.

Источником всего свежего, свободного, истинного в общественной жизни, в общественной мысли. Так что «Новый мир» Твардовского и сам по себе – целая эпоха...».

О связях выдающегося мастера слова, редактора-новатора с Абхазией и ее творческой интеллигенцией на-

писано не мало, но информация об этих контактах затерялась в ворохе малоисследованных газетных и журнальных публикаций и в литературных архивах, также нуждающихся в тщательном, скрупулезном исследовании.

Особо актуальны, на мой взгляд, переписка (дневники) русского поэта, прозаика, публициста, главного редактора журнала «Новый мир» А. Твардовского с абхазскими писателями. Она содержит немало ценной, малоизвестной информации о характере этих взаимоотношений, неослабном и достаточно благосклонном внимании Александра Трифоновича к вопросам развития абхазской литературы и художественной словесности в целом.

Дневниковые записи, материалы переписки, private беседы абхазских и русских писателей со временем стали частью нашей общей историко-художественной летописи. И сегодня эту тематику, не утратившую свою историко-литературоведческую актуальность, можно раскрывать не только в общих чертах, но и на основе конкретных источников, в том числе – эпистолярных.

Своеобразной иллюстрацией интересных и ценных для истории культуры литературных контактов может служить ряд художественных произведений известных абхазских авторов, опубликованных в журнале «Новый мир» в эпоху, когда один из самых популярных, демократичных и вольнолюбивых толстых русских журналов возглавлял Александр Твардовский.

Сохранилось немало публикаций, свидетельствующих о знакомстве и контактах признанного мастера с Баграмом Шинкуба, Георгием Гулиа, Фазилем Искандером, Киршалом Чачхалиа, Мушни Ласуриа, Иваном Тарба, Чичико Джонуа, Алексеем Джонуа, Алексеем Гогуга, Константином Ломиа и другими видными представителями абхазской культуры. Есть немало фотографий, запечатлевших различные эпизоды этих связей, знакомств, бе-

сед. Также, на мой взгляд, вызывают интерес эпизоды общения Александра Трифоновича с известными сухумскими художницами Варварой Бубновой, Мариной Эшба, государственным деятелем Нури Акаба, общественным деятелем и управленцем Григорием Ашхаруа.

На мысль о более детальном и многогранном исследовании затронутой темы меня натолкнуло пространное интервью поэта, академика Мушни Ласуриа, опубликованное в журнале «Акуа-Сухум» (2020 г., №3). Отвечая на вопросы журналиста Лейлы Пачулия, он, в частности, пишет: «Александр Твардовский – продолжатель традиций таких русских классиков, как Александр Пушкин, Николай Некрасов. Может быть, это последний великий русский поэт 20 века. Так считаю не только я. В свое время Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии, прочитав «Василия Теркина», отмечал, что поэт создал такой памятник, который обессмертил его имя...» Однако к подробностям данной публикации М.Т. Ласуриа и его размышлениям о Твардовском я вернусь позже...

Для более развернутого исследования темы взаимосвязей русского поэта с абхазской творческой интеллигенцией весьма ценным документально-фактологическим подспорьем являются «Рабочие тетради» А.Т.Твардовского, «Дневники Б.В. Шинкуба», его же статья «Слово о друге» (к 70-летию А.Т. Твардовского), сборник очерков В.П. Пачулия «Русские писатели в Абхазии» и воспоминания других деятелей культуры, имевших прямое или косвенное отношение к встречам и беседам в Москве, Сухуме, Пицунде, Агудзере в с.Члоу и др. местах. С точки зрения литературоведения и мемуаристики значительную ценность представляют, на мой взгляд, сообщения о связях А.Твардовского с Абхазией и ее историей, культурой, встречающиеся в двухтомнике «Александр Твардовский. Новомирский дневник» (М., 2009).

**АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ,
БАГРАТ ШИНКУБА: ВСТРЕЧА В МОСКВЕ,
НА УЛ. ВОРОВСКОГО...**

Обратимся к первоисточкам знакомства Твардовского с Абхазией. В статье, посвященной 70-летию А.Т. Твардовского, Баграт Шинкуба писал о том, какое сильное впечатление произвела на него в молодости поэма «Страна Муравия» и какое воздействие эта вещь оказала на его творчество в достаточно сложный период художественно-стилевых исканий. Впервые, тогда еще молодой абхазский поэт познакомился с Твардовским весной 1940 г. в Москве. «На улице Воровского, у выхода из здания Союза писателей СССР, прямо на одной из ступенек лестницы, он подписывал мне свою книгу на память, держа ее на колене. Валил снег большими хлопьями...» – вспоминает Баграт Васильевич¹.

«–В Абхазии, наверное, тепло уже? – спросил Александр Трифонович, не отрываясь от подписываемой книги.

– Да, и ласточки уже прилетели! – отвечал я.

– Ласточки говоришь прилетели? А думал ли ты, друг, о том, как схожи прилет щебечущих весенних ласточек и рождение прекрасного стиха? – Вот это тебе на память от меня! – произнес поэт и вручил поэму «Страна Муравия», словно чувствовал, что я люблю эту вещь. После этого, бывая в Москве по творческим или другим делам, я встречался с ним, правда, изредка...»².

¹ Шинкуба Б.В. Собрание сочинений. Т.6. Сухум, 2008. С.113.

² Там же. С.114.

**Так начиналось первое знакомство
со страной души...**

Судя по воспоминаниям Баграта Шинкуба и публикациям доктора филологических наук В. А. Бигуаа, впервые А.Твардовский посетил Абхазию в 1962 г., когда в Грузии проходила декада русской советской поэзии. Воспоминания русского поэта А.Суркова, участвовавшего в днях литературы, свидетельствуют о том, что это масштабное культурное событие происходило в первой половине июня 1962 г.¹.

Александр Трифонович, пользуясь представившейся возможностью и, скорее всего, по не официальному приглашению Баграта Шинкуба, с которым был лично знаком с 1940 года, приехал из Тбилиси в Сухум с группой русских писателей. Здесь он принял участие в большом литературном вечере в Сухуме.

«В те незабываемые дни мы с А.Т. Твардовским встретились как два поэта давно знакомых, но годами не видевших друг друга. Не раз прогулялись с ним по сухумским проспектам и набережной, он любил прислушиваться к мерному и тихому плесканию морских волн, наблюдать за полетом белокрылых чаек...»².

Вместе с друзьями Александр Трифонович ознакомился с экспонатами Абхазского государственного музея, посетил Сухумский ботанический сад, съездил и в другие пригородные живописные места. В те дни русский поэт успел встретиться и пообщаться со многими абхазскими писателями. Интересовался процессом развития абхазской литературы, ее проблемами, вниманием, оказываемым молодой литературной поросли.

«В день нашего с ним временного расставания, Александр Трифонович сказал: – До сих пор я не мог чувство-

¹ Альманах «День поэзии». 1963 г.

² Шинкуба Б.В. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 2008. С.114.

вать, как приятно находиться у вас в гостях, а теперь посмотришь, как часто я буду приезжать к вам! И он действительно сдержал свое слово!»¹.

В первом томе «Новомирского дневника», в записях от 4 декабря 1962 г. А.Твардовский достаточно подробно излагает обстоятельства своего следующего прибытия в Абхазию. Здесь он небольшими штрихами воспроизводит эпизоды недолгого общения с абхазскими и грузинскими партийными чиновниками: «...В Гагре – райначальство подключается с третьей машиной, – оно тоже хочет выпить-закусить по столь важной причине, как мое прибытие в Абхазию (отмеченное сегодня фотографией с «тостовым» текстом в «Советской Абхазии»), что происходит в столовой около этой виллы, где мы размещены на втором этаже... Дом новый, самим Мжаванадзе еще не обжитый, ультрамодернистский...»². Далее в заметках от 10 декабря 1962 г. А.Твардовский, живя теперь уже в Пицунде, рядом с дачами Хрущева и Микояна, рассказывает о дне, проведенном с Багратам Шинкуба, о романе в стихах «Песнь о скале», о планах художественного перевода этой вещи на русский язык и т.д.

«Впервые узнал из уст сына своего народа (т.е. от Б.В. Шинкуба – **В.З.**) о национальных напряжениях между абхазцами и грузинами...»³.

Думаю, необходимо процитировать хотя бы несколько фраз из глубоких философских размышлений мастера о реликтовых пицундских соснах: «...Сосны той породы, которая, говорят, на всей земле вымерли лет 30 000 тому назад. У них нет родни ни в этих горах Кавказа, от которых они отодвинуты к самому морю, ни на Урале, ни

¹ Шинкуба Б.В. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 2008. С.114.

² Твардовский А.Т.. Новомирский дневник. 1961-1966 гг. Т. 1. М., 2009. С.135.

³ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. 1961-1966 гг. Т. 1. М., 2009. С. 140.

на Дальнем Востоке, ни в Канаде, нигде. Одинокое, отчужденное племя сосен, как будто знающих что-то свое, но и живущих уже, как во сне, за чертой своего века. Как выразительно, что они сбились у самого моря, сливают шум с его шумом и «жаханьем», – им есть, должно быть, о чем поговорить: у моря век еще куда более древний...».

Сколько души и мыслей вкладывает поэт в столь метафоричное и живописное воссоздание образов этих удивительных абхазских эндемиков, воспетых лучшими мастерами слова.

Проходит время. В 1966 г. автор знаменитого «Василия Теркина» вновь приезжает в Абхазию и живет на Сухумской госдаче. Здесь он встречается с абхазскими писателями, дает интервью известному поэту-переводчику, литературоведу и публицисту Мушни Ласуриа (переводчику «Василия Теркина» на абхазский язык), возглавлявшему тогда отдел культуры газеты «Апсны капш» и Тариэлу Аршба, ведущему журналисту газеты «Советская Абхазия» В публикациях, подготовленных на основе этих бесед, отражены взгляды А. Твардовского на актуальные проблемы того времени и его точка зрения на развитие русской и абхазской литератур.

В материале, опубликованном в газете «Апсны капш» (Красная Абхазия) от 16 октября 1966 г. под заголовком «А.Твардовский – гость Абхазии» М. Ласуриа знакомит читателя с основными мыслями русского классика об Абхазии и абхазской культуре. Александр Трифонович делится своими впечатлениями о скачках в Очамчырском районе, вылившихся в его представлении в подлинно народный праздник. «Останутся в моей памяти убежденные сединами абхазские старцы и юные джигиты, хлесткими и пронзительными голосами подбадривавшие своих резвых скакунов в жарком соперничестве за призовые места...» – вот так восторженно отзывался об увиденном Александр Твардовский в интервью М. Ласуриа. В такой

же возвышенной тональности он выражает свое отношение к абхазской природе, к ее роскошной красоте. В беседе М. Ласуриа с русским поэтом значительное внимание уделено повести Ф. Искандера «Созвездие Козлотура», которой он дает высокую оценку, подчеркивая, что действия в этом произведении происходят в Абхазии, но проблемы, исследуемые писателем, достаточно типичны и характерны для всей большой страны. В публикации М.Т. Ласуриа подробно описаны детали встречи А.Т. Твардовского с членами редколлегии литературно-художественного журнала «Алашара» (Свет), куда он пришел с народным поэтом Б. В. Шинкуба. А.Твардовский говорит сотрудникам редакции, что факт стабильного ежемесячного выхода абхазского журнала и его трехтысячный тираж – явление, заслуживающее особого внимания, позволяющее изданию уверенно выполнять свою задачу перед читателями. Гость редакции отметил, что многое в работе журнала зависит от отдела публицистики, который призван готовить и публиковать на страницах своего журнала материалы о своих всемирно известных долгожителях, об актуальных вопросах своей истории, культуры, о традиционных связях Абхазии и России. «Нормально и естественно, когда на страницах журнала идут дискуссии, высказываются разные точки зрения, критический взгляд на уже опубликованные вещи, самое страшное – когда у журнала нет читателя... Тогда и полемики не будет никакой, будет вокруг лишь тишь, да гладь, да Божья благодать и журнал начинает умирать...» – приблизительно под таким углом зрения оценивал Александр Трифонович (судя по содержанию абхазского текста М. Ласуриа) задачи, стоящие перед абхазским журналом. Беседа с членами редколлегии длилась около двух часов и она стала событийной в силу особой значимости непротокольного жеста общепризнанного мастера и легендарного редактора.

«А. Твардовский вышел из редакции вместе со своим другом Б. Шинкуба, впечатленный столь откровенной и непринужденной беседой... Он шел по абхазской земле свободно и раскрепощенно, еще больше облагораживая ее своим величием и ярким, самобытным талантом...» – такими размышлениями завершает свою публикацию М.Т. Ласуриа.

В публикации журналиста Тариэла Аршба «У нас на отдыхе поэт Александр Твардовский» (газета «Советская Абхазия», 19 октября 1966 года), речь идет о тех же народных гуляниях (скачках) в с. Елыр (Илор) Очамчирского района, куда вместе с Багротом Шинкуба прибыли А. Твардовский, Михаил Луконин и Кайсын Кулиев. В интервью Т. Аршба, Александр Трифонович говорит, что эти конноспортивные состязания были приурочены ко Дню работников сельского хозяйства. Русский поэт характеризует их как «на редкость захватывающее зрелище, где присутствует свыше 20 тысяч зрителей и свыше сотни участников состязаний...». В статье Т. Аршба уделено достаточно внимания интересным наблюдениям, отзывам классика о людях, традициях, природе земли абхазской, которую с сыновней любовью он называет «благословенным краем».

Еще одна поездка А. Твардовского в Абхазию датирована 1968 г. Весьма ценные сведения о том, как он проводил здесь свой отдых и творческую работу, какие у него были встречи и беседы, содержат «Рабочие тетради 60-х годов»¹. Здесь он описывает некоторые подробности прибытия в Сухум, проживания в санатории «МВО – «Сухум» и раскрывает достаточно интересные нюансы своих бесед с Багротом Васильевичем Шинкуба:

¹ «Знамя». 2003. №10.

«Присели с Шинкубой на этой веранде и – никуда не денешься – заговорили о «событиях». Больше я, но он без обиняков показал, что не приемлет решительно «акции» и, что называется, переживает с особой остротой сына маленького и в чем-то ущемленного народа, – сына, поэта и президента этой игрушечной «державы».

В дневниковой записи, помеченной 19 октября, автор «Рабочих тетрадей» рассказывает о том, какие неутешительные выводы и предписания сделал терапевт санатория («Сухум» – В.З.) по результатам тщательного обследования писателя с весьма шатким здоровьем. И здесь же он отмечает, что врач назначил ему инъекцию Эуффилина (и еще чего-то). Далее в «Рабочих тетрадях» Александр Трифонович уделяет определенное внимание «рассказу Шинкубы о том, как он ехал в Москву с письмом о бериевских бесчинствах в Абхазии и как в вагон вошел офицер-кабардинец, грудь в орденах, и стал кричать и рыдать: за что он воевал, если, приехав домой, не застал матери и др[угих] родных, увезенных куда-то в порядке «мероприятия», продиктованного «верховным письмом»...

Здесь, на мой взгляд, необходимо дать хотя бы краткое пояснение по поводу «письма о бериевских бесчинствах». Речь идет об обращении в ЦК ВКП (б), составленном и подписанном в 1947 г. видными представителями абхазской интеллигенции Б. Шинкуба, Г. Дзидзария, К. Шакрыл. В документе подробно излагались факты грузинской ассимиляционной политики в отношении абхазов, осуществлявшейся в эпоху сталинского авторитаризма. Вместо объективного изучения изложенных в письме фактов, авторы были подвергнуты жесткому политическому преследованию.

Из «Рабочих тетрадей» Твардовского явствует, что его частые откровенные беседы с Шинкуба касались не только проблем развития литературы, но и трагических страниц истории, судеб малочисленных народов. Видно,

что подобные диалоги, помогали русскому поэту глубоко осмыслить путь, пройденный нашим народом, драмы и потрясения, пережитые и выстраданные им.

В дневниках, помеченных 19 октября, Александр Трифонович также пишет:

«День веселеет, звонил Шинкуба насчет поездки в Пицунду. Вчера заходил Искандер с сотрудником «Сов[етской] Абхазии», забыл его фамилию, бравшим у меня в 66-м г. интервью. Фазиль вечером должен был улететь в Москву, жаль: с ним можно было бы нырнуть куда-нибудь в гушу народа...».

Поясняю: сотрудника газеты «Советской Абхазии», ставшего позже известным журналистом и редактором достаточно популярной московской газеты «Абхазия», звали Тариэл Аршба, которого Твардовский упоминает во 2-м томе «Новомирского дневника» в записях от 25.X. 68 г. в связи с эпизодом знакомства поэта с сухумской художницей Варварой Бубновой. Об этой встрече Твардовский пишет достаточно сжато, но весьма колоритно и впечатлительно: «Вечером были у художницы Бубновой Варвары Дмитриевны, о которой только знал со слов Т. Аршбы («Советская Абхазия»), что она прожила лет 30 в Японии. Живопись во всяком случае незаурядная, а сама – девчонка с седой челкой (лет ей 70 – не меньше), чем-то напоминающая киноактрису Мазину...»¹.

В «Комментариях» к текстам «Новомирского дневника» со ссылкой на воспоминания В. Бубновой дано более детальное описание вышеупомянутого эпизода: «Александра Трифоновича и Марию Илларионовну привезла к ней в мастерскую М. Е. Эшба – председатель Союза художников Абхазии, дочь видного государственного и партийного деятеля (Абхазии и Кавказа). В. Бубнова за эту недолгую встречу почувствовала в Александре Твардовском «огромную любовь к великому искусству слова,

¹ А. Твардовский А. Т. Новомирский дневник. М., 2009. Т.2. С. 244.

его доброту... скрытую за усталостью от работы и борьбы за честность русского слова». В письмах Александра Твардовского к ней (от 24 декабря 1968 г. и 27 августа 1969 г.) он выражал готовность печатать ее статью об искусстве, которую прочел «одним дыхом», и поощрял писать воспоминания¹. Разгром редакции в 1970 г. помешал запланированной в «Новом мире» публикации В. Бубновой².

Эти фрагменты из «новомирских» дневников, на мой взгляд, крайне важны и ценны тем, что они показывают, насколько Твардовский дорожил отношениями не только с Баграмом Шинкуба (чьей поэму «Песнь о скале» (частично) и повесть «Чанта приехал» опубликовал на страницах своего знаменитого журнала), но и Фазилем Искандером, уверенно входившим в русскую литературу в 60-е годы, а также с известными сухумскими художниками, журналистами, публицистами, общественными деятелями.

«Отрадный случай – «Козлотур» Искандера...»

Будучи главным редактором «Нового мира», всколыхнувшего всю страну яркостью, новизной, смелостью, свободомыслием и оригинальностью своих публикаций, Александр Трифонович, вопреки тогдашней цензуре и идеологическим установкам, благословил выход в свет знаменитой повести Ф. Искандера «Созвездие Козлотура» («Новый мир», 1966, №8), ставшей знаковым явлением русской прозы второй половины двадцатого века. Вслед за ней на страницах журнала появляются рассказы «Колчерикий», «Дедушка».

Думаю, следует обратить внимание и на предшествующие поэтические публикации Ф. Искандера в «Новом мире». Об этом в книге «Фазиль» (опыт художественной

¹ Бубнова В. Д. В памяти навсегда // Литературная Грузия. 1977, №8.

² Твардовский А.Т. Новомирский дневник. В двух томах. Т. 2. М., 2009. С. 554.

биографии) (М., 2022 г.) пишут ее соавторы Евгений Попов и Михаил Гундарин: «Сразу скажем, что совсем чужим журналу Искандер не был. Здесь уже печатались его стихи. В 1965 году в десятом номере – «Баллада об охоте и зимнем винограде», в 1966 – в четвертом номере – «Детство» и «Ода апельсину». А после выхода «Созвездия» (в восьмом номере 1966 г. – В.З.) в том же году два стихотворения Искандера появятся в «Новом мире» еще раз, в декабрьском номере...»¹.

Соавторы книги-исследования «Фазиль» констатируют еще и такой важный факт, что вещи Искандера будут появляться и в дальнейшем, «вплоть до неоднозначной истории с новомирской публикацией безбожно урезанного «Сандро из Чегема» (уже после снятия Твардовского с поста главного редактора).

Е. Попов и М. Гундарин информируют читателя о том, что беседуя увлеченно с Юрием Трифоновым о новых именах, появившихся в «Новом мире», А. Твардовскому «не терпелось поделиться радостью, даже с риском выдачи редакционной тайны...» в связи с подготовкой к опубликованию еще одной яркой вещи, какой являлось «Созвездие».

«Вот прочитаете скоро повесть одного молодого писателя ... говорил он, загадочно понижая голос, будто нас в саду могли услышать недоброжелатели...Отличная проза, ядовитая! Как будто все шуточками, с улыбкой, а сказано много, и злого...»².

Соавторы книги «Фазиль» отмечают, что «Твардовский не просто принял повесть, что называется, всей душой, он твердо заявил цензорам: выбрасывайте из номера что хотите, но Искандера оставляем!».

Мнение главного редактора «Нового мира» об этой нашумевшей вещи нашло отражение и в его интервью

¹ Попов Е. Гундарин М. «Фазиль». М., 2022 г. С. 208.

² Трифонов Юрий. Записки соседа. «Дружба народов». 1989. №10.

газете «Советская Абхазия» в номере от 19 октября 1966 г.: «За простотой формы изложения присутствует большое и существенное содержание...Сила повести не только в ее сатирической сущности. Она привлекает своей лирической основой...».

Одна из ведущих российских критиков Наталья Иванова в пространной статье «Фазиль великолепный», в частности, отмечает: «О замысле повести «Созвездие Козлотура», опубликованной в журнале «Новый мир» в августовском номере 1966 года и сделавшей автора знаменитым, Фазиль Искандер рассказывает так: «До этого были скитания по газетам со статьей против кукурузной кампанейщины. Я сам вырос на кукурузе, но я видел, что она не хочет расти в Курской области, где я тогда работал в газете. И я попытался своей статьей остановить кукурузную кампанию. Статью, правда, не напечатали, но писатель должен ставить перед собой безумные задачи!» С кукурузной кампанией Искандеру справиться не удалось. Но, социальный темперамент молодого автора был неудержим: Искандер вскрывал и обнародовал механизм любой кампании, противоречащей здравому смыслу, ибо, как он дальновидно понимал, кукурузой деятельность активных пропагандистов по нововведениям ограничиться не может. В «Созвездии Козлотура» Искандер живописал такую кампанию в подробном развитии: от радужных перспектив (поддержанных одним чрезвычайно высоко поставленным лицом – «интересное начинание, между прочим!») до бурного провала...»¹.

Ряд заметок, вошедших в «Новомирский дневник» А. Твардовского (1967–1970 гг.), свидетельствует о том, с каким трудом Александру Трифоновичу удавалось пробивать публикацию и других произведений Фазили Искандера, в частности, рассказа «Дедушка». «Поставленные

¹ Искандер Ф.А. Сандро из Чегема. Роман. Книга третья. М., 1989. С. 451-452.

в номер взамен изъятых статей рассказ Ф. Искандера «Дедушка» и седьмая книга воспоминаний И. Эренбурга также не получили санкции на выпуск...» – отмечено в «Комментариях» 2-х томника «Новомирский дневник»¹.

В записях от 20.VII.1966 Александр Трифонович, в частности, отмечает: «Отрадный случай – «Козлотур Искандера» – весело, непритязательно, как бы только фельетон, разоблачающий газетную шумиху, а по существу не менее серьезно, чем самые глубокомысленные и угрюмые наши вещи. И сила: сочетание «фельетона» с лирикой детства, родных мест, природы... Вчера он был в редакции – красивое умное лицо, не полностью восточное, но с таким очерком – отец иранец, мать абхаза. Сказал ему все принятые вещи, но и о том, что ему трудно будет писать новую вещь: тронул золотой запас детства...»².

Как видим из дневников, Александр Трифонович как бы эскизно, набросками, штрихами, но дает очень важные, ценные характеристики не только «Созвездию Козлотура», но и самому автору, его натуре, творческой индивидуальности. Примечательно, что в «Комментариях» к текстам, вошедшим в «Новомирский дневник» содержится интересная информация, дающая нам представление о том, какую позицию занимали видные авторы, в том числе и Ф. Искандер, в периоды, когда заметно ужесточался прессинг над «Новым миром» и его редактором. «Письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу в защиту «Нового мира» (9 февраля 1970 г.) подписали М.И. Алигер, А.Ф. Бек, А.А. Вознесенский, Е.З. Воробьев, Е.А. Евтушенко, М.В. Исаковский, В.А. Каверин, Ю.М. Нагибин, В.Ф. Тендряков, Ю.В. Трифонов;

Ф.А. Искандер отправил телеграмму председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Писатели доказыва-

¹ Твардовский А. Новомирский дневник. (В двух томах). Том 1-й. М., 2009. С.542.

² Твардовский А. Новомирский дневник. (В двух томах). Т. 1. М., 2009. С. 473-474.

ли, что «для блага всей советской культуры необходимо, чтобы «Новый мир» продолжал свою работу под руководством Александра Твардовского – «национального поэта России и народного поэта Советского Союза» и в том «составе редколлегии, которую он считает полезной»¹.

**«Не всякая критика – мысль,
но всякая мысль – критика...»**

Думаю, у самого Фазиля Искандера были свои личные принципиальные соображения и аргументы по этим чрезвычайно злободневным в ту пору проблемам. Возможно, что в его личном архиве сохранился текст телеграммы А.Н. Косыгину и эти моменты, на мой взгляд заслуживают дополнительного исследовательского внимания. В то же время, позже в эссе «Письмо друзьям» Фазиль Абдулович раскроет некоторые подробности обстоятельств, связанных с телеграммой в адрес тогдашнего председателя Совмина и мотивы, побудившие его обратиться лично к председателю правительства:

«Когда закрывали „Новый мир“ Твардовского, я дал телеграмму на имя Косыгина. Я писал, что журнал закрывают за то, что он мыслит. Я писал, что не всякая критика – мысль, но всякая мысль – критика. Общественная мысль не может существовать вне критического контекста. То, что я писал телеграмму на имя Косыгина, означало, что надоело подписывать письма, обращенные в ЦК. Там на такого рода письма или не реагировали, или заставляли замолчать, оказывая экономическое давление. Однако вызвали меня все-таки в ЦК, а не в канцелярию Косыгина. Товарищ, который, кстати, вполне доброжелательно со мной спорил, утверждал, что все дело в том, что я не знаю статей по сельскому хозяйству, которые пыта-

¹ Трифонов А. Новомирский дневник. (В двух томах). Т.2. М., 2009. С. 599.

лись печатать в „Новом мире“, но цензура их останавливала. Мол, если бы я знал эти статьи, не стал бы посылать такой телеграммы. Я отвечал ему с полным знанием дела, что наше сельское хозяйство в катастрофическом состоянии. Он в ответ разъяснил мне, что партия об этом прекрасно знает и в самое ближайшее время будут приняты самые надлежащие меры».

На мой взгляд, очень ценным дополнением к тому, что мы знаем о творческих контактах и личных связях Твардовского и Искандера, являются исследования Марии Лунд-Аскольдовой, защитившей диссертацию о Твардовском в Гетеборгском университете (Швеция) в 1998 г. Журнал «Знамя» публикует в №1, 2010 г. ее работу «Александр Твардовский и его «Новый мир».

В ответ на письмо от 10 января 1995 г., где шведская исследовательница (русского происхождения) просит Фазиля Абдуловича рассказать о деталях прохождения «Козлотура» через новомирские «фильтры», писатель, в частности, сообщает ей следующее (в письме от 22 апреля 1995 г.):

«Когда я написал “Козлотура”, друзья мне говорили, что это, мол, хорошо, но никто никогда не напечатает. Я почему-то сильно надеялся на Твардовского, хотя лично с ним никогда не встречался. Я знал, что он, как и я, очень болеет за состояние нашего сельского хозяйства, и я надеялся, что он не откажется от вещи. Так оно и получилось. Я отнес повесть в “Н.М.” и отдал ее Анне Самойловне Берзер. Это была совершенно замечательная женщина с тонким вкусом и огромным литературным энтузиазмом. Почти всем лучшим в “Н.М.” мы обязаны в первую очередь ей. Она быстро прочла повесть, одобрила ее и передала члену редколлегии Игорю Виноградову, который, в свою очередь одобрив ее, передал Твардовскому...».

Далее Фазиль Искандер в этом же ответном письме отмечает, что цензура сделала лишь одно замечание: «Там, где журналист говорит председателю колхоза: – А разве это неправда? – тот у меня отвечает: – А разве правду можно писать? – А разве всякую правду можно писать? – поправила цензура, как бы включив председателя колхоза в наши литературные споры...».

В упомянутом письме Искандера М. Лунд-Аскольдовой переданы некоторые важные детали знакомства автора «Созвездия» с главным редактором «Нового мира»:

«После появления “Козлотура” Анна Самойловна (Берзер – В.З.) мне несколько раз говорила, что меня хочет видеть Твардовский. И наконец, в один из моих приходов в журнал, она повела меня к нему. Так мы познакомились. – Лихо написано, – сказал он о “Козлотуре”. Дальнейших разговоров я не помню, потому что был смущен общением с Твардовским. Мне только навсегда запомнились его умные, пронзительные, синие глаза. После этого у меня была еще одна встреча с Твардовским, очень важная для понимания его внимательной и самоотверженной работы редактора журнала...»

В подробном описании второй встречи весьма интересно переданы невидимые, внутри редакционные обстоятельства работы по подготовке того или иного произведения к опубликованию с учетом возможных придинок политической цензуры, никогда не терявшей бдительности:

«Дело в том, что среди литературной интеллигенции ходили слухи, что Твардовский не так уж много занимается журналом, хотя он и держится на его авторитете. Это было не так. Он меня вызвал к себе в кабинет, и я уселся напротив него. В руках у него была верстка моих рассказов. В рассказе “Лов форели в верховьях Кодора” был такой эпизод. Рассказчик в горах встретил какого-то туриста, явно не из простых, из породы начальников. И он снабдил

его икрой для ловли форели. Рассказчик собирался ловить форель. И вот через несколько страниц, во время успешной рыбалки, он про себя произносит иронический гимн этой крупной прекрасной икре. Для внимательного читателя это звучало как насмешка над номенклатурным бытом наших начальников. По-видимому, в редакции этого никто не заметил, кроме Твардовского. Он указал мне на это место, взглянул на меня своими пронзительными глазами и, покачав головой, сказал: “Не надо”.

Я охотно с ним согласился. Слова его означали: не надо по пустякам дразнить гусей. И мне даже стало стыдно за мое легкомыслие. Я знал, сколько нервов и сил ему стоит выход каждого номера. Твардовский шел на большой риск, когда игра стоила свеч. Если он что-то хорошее откладывал или не печатал, то это всегда наверняка означало, что цензура все равно не пропустит и непременно напишет донос в ЦК».

Письмо, адресованное Искандером шведской исследовательнице, содержит малоизвестные факты, связанные и с другими происками против «Козлотура»:

«Много лет спустя один из бывших работников “Правды” мне признался, что газета собиралась разгромить эту вещь, но возоблагом мнение более умеренных людей, которые сказали, что автор еще молод, не стоит его отталкивать от нас. В Сухуми вышла разгромная рецензия в местной газете, но она не получила развития в центре. Вообще “Н.М.” Твардовского – это огромный этап нашей культурной жизни. То, что этот огонек правды долго продолжал гореть, хотя на него дули со всех сторон, невероятно воодушевляло все мыслящее в нашей стране...».

«Вы ограбили то горное село...»

Теперь вновь вернемся к хронике личных взаимосвязей Твардовского и Шинкуба и заглянем в 63-ю страницу «Дневников Б.В. Шинкуба. 1967–1978 гг.». Здесь, в

записях от 20 октября 1968 г., по времени совпадающих с датировкой событий, описанных в «Рабочих тетрадях», вкратце сообщается о поездке Баграта Васильевича вместе с Твардовским и его супругой в Пицунду.

Далее читаем: «Сегодня А. Твардовский прочитал мне свои новые произведения. Пока он их нигде не публиковал. И видно, что не легко будет это сделать. Прочитал отрывок новой поэмы. Очень напоминает одну из глав поэмы «За далью даль». Эта вещь звучит как исповедь. Отражает боли и тревоги нынешнего столетия...».

Еще больший историко-литературоведческий и в чем-то даже культурологический интерес вызывают дневниковые заметки Б.Шинкуба от 25 октября того же года. Здесь абхазский поэт повествует о перезахоронении Киазыма Агумаа, чей прах был доставлен из родного с. Гуада в Сухум, на пантеон. Автор дневников пишет о том, что среди абхазских писателей, стоявших у гроба своего собрата, находился и Александр Твардовский. Вел траурный ритуал Иван Тарба, председатель Союза писателей Абхазии. Краткую, но очень весомую и емкую речь произнес профессор Ш. Инал-ипа. После него слово предоставили крестьянину из с. Гуада Нестору Ашуба.

Далее Баграт Шинкуба рассказывает о том, что вечером того же дня вышел на прогулку на сухумскую набережную вместе с А.Твардовским. Они зашли в ресторан «Амра», чтобы побеседовать за чашкой кофе. Автор дневников пишет, что русский поэт поделился своими глубокими переживаниями в связи с перезахоронением Киазыма Агумаа. Шинкуба цитирует мысли Твардовского:

– Ведь этим самым вы ограбили то горное село, где был похоронен поэт. Что будет, если и мы, русские, начнем делать то же самое, скажем, Л.Н. Толстого из Ясной Поляны и т.д.?

Автор дневников разделяет обеспокоенность Александра Трифоновича и не скрывает от него, что местом,

где когда-нибудь будет покоиться его душа должен быть холм Лаганиаху в родном с. Члоу.

Киазым Агумаа, о судьбе и потустороннем мире которого рассуждали два классика, является одним из ярких представителей плеяды абхазских писателей 30-50-х годов прошлого столетия. Во время Великой Отечественной войны поэт самоотверженно сражался в составе партизанского отряда им. Чапаева в лесах Белоруссии и Украины. Из-за тяжелых ранений был демобилизован в Абхазию. Умер от фронтовых ран в 1950 г.

Благодаря ценному, фактологически богатому дневниковому наследию Твардовского и Шинкуба, мы имеем возможность сопоставить их мнения и взгляды на одно и то же событие. В «Рабочих тетрадях» от 27 октября 1968 г. Александр Трифонович, критически оценив некоторые детали процедуры захоронения праха абхазского поэта на площадке Сухумского пантеона, подметив щегольский, на его взгляд, внешний вид высших властей, обеспечивавших протокол траурного мероприятия, далее излагает мысли, чрезвычайно важные с точки зрения философии морали и этики:

«...Милый Шинкуба. Я воздержался до конца от выражения моих взглядов на подобные мероприятия без особой нужды. И потом, когда мы уже сидели в представительском «поплавке» за «чашкой кофе», вдруг оказалось, что он тех же взглядов, что это ограбление сельского кладбища и что на это ловко намекнул выступавший у гроба высокий старик в черкеске и при кинжале, как бы от имени матери покойного заявивший что-то вроде того, что раз он здесь вам нужнее, мать уступает...».

И в конце, автор «Рабочих тетрадей» усиливает свои размышления о беседе с Шинкуба, очень тонкими характерологическими штрихами: «Хорошо с ним поговорили. Он впервые, пожалуй, сделал мне такие лестные

признания, которые, даже отмыслив их тостовую гиперболистику, показывают и подтверждают, что меня не спутывают ни с кем и отдают должное «Новому миру» в полном объеме...».

Традиционное застолье и вызовы времени...

Баграт Шинкуба время от времени возвращается к теме общения с А. Твардовским, К. Симоновым, Г. Гулиа. Он не всегда широко раскрывает суть их бесед, дискуссий и размышлений. Но и та, казалось бы, незначительная доза информации, которую содержат дневники, представляет, на мой взгляд, определенную научно-познавательную ценность для многогранной истории абхазо-русского культурного обмена. Так, в записях от 2 ноября 1968 г. народный поэт Абхазии, в частности, пишет: «Я долго общался у себя дома с А.Твардовским и К.Симоновым и их женами. Никого больше не стал приглашать, чтобы поговорить с гостями, как говорится, по-семейному, душа в душу. Успели отведать хлебсоль, не утомляя друг друга тостами, стараясь уделить больше внимания обсуждению волнующих всех нас вопросов. У моих гостей, как и у меня были свои глубокие переживания: не обошли молчанием вопрос целесообразности вхождения наших войск в Чехословакию, наметившихся симптомов ужесточения цензуры... С тревогой говорили о попытках оправдания Сталина, возврата к режиму, существовавшему до 1953 г. Моментами мы возвращались к ситуации в Абхазии и ее проблемам...».

Думаю, что такая информация о контактах незаурядных личностей, представлявших творческую элиту России и Абхазии, может подтолкнуть к еще более глубокому исследованию широкого спектра наших межгосударственных и межкультурных взаимоотношений.

В дневниковых заметках от 3 ноября 1968 г. Шинкуба немногословно сообщает о том, как провожал в Москву

Твардовского и его супругу. «Мы прогуливались с ним по перрону некоторое время. И когда объявили посадку в поезд, крепко, по-родственному пожали друг другу руки, обнялись, и Александр Трифонович, положив свою руку мне на плечо, произнес:

– Друг мой, чтобы ты знал, если очень трудно будет в Москве, я еду к тебе!

– Двери моего дома для тебя будут всегда открыты!– ответил я ему...».

Модерновская многоэтажность и абхазская идея

Считаю важным и также заслуживающим историко-литературного внимания эпизод поездки Шинкуба и Твардовского в Пицунду. В дневниках Баграта Васильевича этот эпизод помечен 20 октября 1968 г. Народный поэт в общих чертах пишет о том, что в Пицунде гостям был оказан достойный прием. Отметил, что его радует сплоченность работающих здесь абхазов. Далее Баграт Васильевич сообщает о том, как А.Твардовский прочитал ему свои новые произведения, которые еще не опубликованы. Я думал в те минуты о том, какие сложности могут возникнуть при их публикации...»

Думаю, будет логично, вновь обратиться к «Рабочим тетрадям 60-х годов» и ознакомиться с впечатлениями самого Твардовского об упомянутой пицундской поездке. Во фрагменте, датированном 20 октября (1968), Александр Трифонович, описывает эпизод чтения своих новых вещей, о которых, как было мной уже отмечено, Баграт Васильевич повествует в своих дневниках:

«Брал с собой тетрадку в Пицунду, но записать ничего, конечно, не записал, некогда было за угощением и общением с абхазской администрацией интуристских корпусов на опушке этой дивной рощи. Зато читал под воздействием «Изабеллы» – Баграту одному – главы и всем вме-

сте – остальное, т.е. «Зап[исную] кн[ижку]». «Сыном-отцом» Баграт был, кажется, вполне искренне тронут...»

Как видим, восторженное восприятие Шинкубой главной, еще не опубликованной поэмы Твардовского, подтверждается достаточно эмоциональной реакцией самого Александра Трифоновича. Далее в «Рабочих тетрадях», в эпизоде, касающемся Пицундской поездки, выдающийся мастер слова удивляет своей тончайшей наблюдательностью, описывая некое непривычно-дикуновое сочетание прошлого и настоящего застраиваемого абхазского курорта: «Новая Пицунда не так дурна, как можно было предположить. Первое замечательное впечатление – никаких следов недавней стройки, какие и в городах остаются обычно долго еще после заселения домов – ни ям, ни битого кирпича, ни досок от опалубок, покореженных плит, панелей и т.п. Газонозная травка обтекает дорожки – бетонные и плиточные, ни щепочки, ни камешка, как будто эти щегольски-модерновые и, правда, красивые четырнадцатизэтажки стоят здесь давным-давно. И внутри все хорошо, кроме очень уж старательно модернизированной мебели – низкие столики, креслица и т.д. По фасаду – широченная набережная с крупногалечным пляжем, чудесное море байкальской чистоты, а сзади, хотя, строго говоря, нет «задов» – этот древний, мрачноватый в своей древности сосновый бор, который старше этих зданий по крайней мере на 10 ты[сяч] лет, т.е. 10 ты[сяч] лет назад такая сосна уже повсеместно на земле кончила свой век...» Обратите внимание, какие здесь неожиданные сравнения, какие контрасты и ассоциативные сцепления. И как искусно, виртуозно инкрустирует мастер свой художественно насыщенный сюжет: «– Бедный Шинкуба в тостах всячески старается «примирить» эту современную многоэтажность с идеей «древней абхазской земли»...

Переделкинские беседы...

В записях от 11 ноября и 7 декабря 1968 г. Б. В. Шинкуба вспоминает о том, как А. Твардовский встретил его в Москве, на Курском вокзале с супругой Марией Илларионовной и своим зятем, и повез его к себе домой, а затем они отправились – в Переделкино, где для Баграта Васильевича был забронирован номер.

5 декабря за ним заехали Александр Трифонович и его супруга и повезли его к себе на дачу. «Когда я лег отдыхать, Александр Трифонович привез увесистый ящик и поставил его передо мной. Он был переполнен письмами. Это были письма читателей А.Твардовскому.

В это время атмосфера вокруг поэта нагнеталась, власти всячески пытались вывести журнал «Новый мир» из-под его влияния. Люди, почувствовавшие такую несправедливость, начали писать А.Твардовскому. «Держитесь, мы с Вами!» – вот, о чем сообщалось подряд в этих письмах...» – вспоминает Баграт Шинкуба в своих дневниках¹.

Гулрыпшские истории...

В дневниковых заметках от 3 июня 1969 г. Шинкуба с глубоким переживанием пишет о тяжелой борьбе А. Твардовского с цензурой. «Я не знаю, что лучше для русской литературы: его большой талант или его самоотверженная общественная деятельность? Кое-кто весьма странно рассуждает так, как будто все будет нормально, если он оставит должность и займется дома своими произведениями...»². Далее он развивает свою мысль следующим образом: «Разве не удивительно, что вот так А. Твардовского ставят на грань гибели. И это происходит прямо на наших глазах. Так где же его друзья, поклонни-

¹ Шинкуба Б.В. Дневники. 1967–1978 гг. Сухум, 2020. С. 68.

² Шинкуба Б.В. Дневники. 1967–1978 гг. Сухум, 2020. С. 81.

ки его творчества? Но, увы, пока все мы выглядим глухо-немыми... Лично я могу только одно: пригласить его в Абхазию. Вот уже третий раз приглашаю его к себе. И он этому очень рад, с удовольствием принимает приглашение в Абхазию. Пока он здесь, его душа спокойна, он отходит от встрясок и тревог...»¹.

В дневниковых записях от 14 июня 1969 г. Шинкуба воспроизводит в памяти очень ценные эпизоды его встреч и общения с Твардовским и Симоновым в поселке Гулрыпш.

«Дело в том, что Твардовский, узнав, что К.Симонов находится в Гулрыпше, стал требовать, чтобы его поселили рядом с ним. Мы нашли соседку Симонова тетю Пашу. Она выделила для наших гостей две небольшие комнаты. Перед домом был колодец. Вот в этом маленьком дворе мы встречались: Твардовский, Симонов и я. Даже сфотографировались однажды втроем, стоя вокруг колодца...

Однажды вечером я заглянул к А. Твардовскому. Во время беседы он вспомнил о Нури Акаба. Рассказал мне о том, что после освобождения от должности тот, будучи в Москве, в подробностях изложил об обстоятельствах, связанных с его увольнением...» – пишет Баграт Васильевич². Далее он рассказывает о том, как Твардовский, чувствуя свою беспомощность в этом вопросе, попытался оказать Н.Р. Акабе, с которым поступили крайне несправедливо, хоть какую-то материальную помощь, но тот отказался.

А сам Александр Трифонович вспоминает Нури Реджабовича в заметках от 25 октября 1968 г. в связи с тем, как он звонил от него из Сухума в Москву по вопросам верстки послесловия к поэме «За далью даль». Поэт отзывается о своем друге, тогдашнем председателе народного контроля республики, как о «чудесном абхазце». «Над-

¹ Там же. С. 81-82.

² Там же. С.84.

писал Акабе Теркина детгизовского, а второй раз поехал, надписал – по принадлежности – «Теркина на том свете»¹.

В записях от 28 июля 1969 г. Баграт Шинкуба вспоминает письмо, полученное от Твардовского. В этом письме, он сообщает о том, что не смог по каким-то причинам опубликовать в «Новом мире» статью профессора Г.А. Дзидзария «Декабристы в Абхазии», хотя Александру Трифоновичу она понравилась. В записях от 20 сентября 1969 г. Б. Шинкуба, будучи участником Пленума СП СССР в Ереване, выражает недовольство тем, что данный писательский форум проходил без участия Шолохова, Твардовского, Симонова. В заметках от 19 апреля 1970 г. Баграт Васильевич сообщает о встрече с Твардовским на его даче, пишет о том, как Александр Трифонович, почувствовав переживания своего абхазского друга, сам рассказал ему об обстоятельствах ухода из «Нового мира». «Он принес мне кучу писем и публикаций, не вмещавшихся в папку. Это были письма, опубликованные в Европе и Америке в связи с уходом А. Твардовского из «Нового мира». Странно, что в нашей стране этот факт обошли молчанием... Должно быть стыдно, что все сидят набрав в рот воду, как будто ничего не случилось...»².

В заметках от 28 июня 1971 г. Баграт Шинкуба рассказывает о том, как он с Константином Симоновым посетил больного Александра Трифоновича у него дома.

«Сидя в кресле, он смотрел на нас, не в силах произнести того, что хотелось душе. Где же тот здоровый рослый, стройный мужчина? Болезнь беспощадно поглощала его, только высокий лоб еще не искажен следами тяжелого недуга... Сидели мы напротив него более сорока минут...

– Баграт, расскажи что-нибудь! – только вот эти три слова он смог вымолвить с трудом. Ну и я поговорил кое – о чем... Но в чем же был смысл? Александр Трифонович

¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. С. 244.

² Шинкуба Б.В. Дневники. 1967-1978 гг. Сухум, 2020.С.125-126.

захотел подписать мне свою книгу. Мария Илларионовна принесла том вместе с ручкой. Однако ослабшие руки поэта не смогли вывести буквы. Он был вынужден подарить книгу без автографа, просто так. Кто бы сдержал слезы, наблюдая эту печальную картину?...»¹.

**Мушни Ласуриа:
«Для меня Александр Твардовский
был культовым поэтом...»**

Я уже писал в начале этого очерка об интервью народного поэта Абхазии, академика Мушни Ласуриа под заголовком «Он любил нашу страну Абхазию» (опубликованном в журнале «Акуа-Сухум» – 2020, №3). Здесь Мушни Таевич достаточно подробно описывает несколько эпизодов своих встреч с русским классиком. Многие из этих воспоминаний не вошло в газетную публикацию, которую абхазский поэт подготовил, будучи корреспондентом абхазской газеты еще в 1966 г. Именно этой датой отмечена его первая встреча с русским классиком, состоявшаяся на Сухумской госдаче. Понимая не только журналистскую, но и политическую значимость предстоявшей беседы с А.Т. Твардовским, М. Ласуриа прибыл сюда вместе с журналистом газеты «Советская Абхазия» Таризлом Аршба и фотокорреспондентом Семеном Коротковым.

«Александр Трифонович встретил нас. Я поздоровался. Он косо посмотрел на юбилейный значок Московского литинститута, прикрепленный на лацкане моего костюма. Поэт недолюбливал этот институт, так как считал, что писатель сам должен выстрадать свою дорогу, а не идти в литературу при помощи вуза...

Я представился, сказал, что я корреспондент абхазской газеты, выпускник литинститута, поклонник его большого таланта и что отрывки из его поэмы «Василий

¹ Там же. С.170.

Теркин» знаю наизусть и попросил разрешения с ним сфотографироваться. Он согласился. Семен Коротков (известный фотокорреспондент – В.З.) нас сфотографировал...» – вспоминает М. Ласуриа.

Следующая его встреча с Александром Трифоновичем произошла в 1968 году в доме известного абхазского поэта Киршала Чачхалиа в Сухуме, куда вместе с русским поэтом пришел друг Киршала – Баграт Шинкуба. «Из молодых писателей на званый ужин были приглашены Алексей Гогоа и я. Александр Трифонович пришел с супругой Марией Илларионовной, – рассказывает Мушни Ласуриа. – Помню, в книжном шкафу стоял четырехтомник А. Твардовского. Писатель сразу заметил его и с улыбкой сказал хозяину дома: «Вижу, вижу, дорогой Киршал...».

Далее Мушни Таевич раскрывает подробности завязавшейся беседы: «Александр Трифонович говорил о своем журнале «Новый мир», о предстоящих планах. В то время было противостояние между журналами «Новый мир» и «Октябрь» (редактор Всеволод Кочетов). Оно нарастало из года в год. И ЦК и газета «Правда» вмещались в него, утверждая, что нельзя допускать такую полемику. В 1968 году было 100-летие А.М. Горького, и, отмечая эту дату, редакция журнала «Новый мир» как бы отвечала газете «Правда», что Горький допускал такую полемику между журналами. Я напомнил об этом Александру Трифоновичу. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Спасибо молодой человек, что вы читаете наш журнал так внимательно...»¹.

Мушни Ласуриа затрагивает тему спора между Твардовским и Шинкуба о творчестве Фазиля Искандера, и в частности, по поводу рассказа «Широколобий». «Несколько неожиданно для нас Баграт Шинкуба, признавая большой талант Фазиля, в то же время стал высказывать некоторые критические замечания... – вспоминает

¹ Журнал Акуа-Сухум. 2020. №3. С. 26.

М. Ласуриа, – Твардовский с женой его не поддержали. Алексей Гогуа и я также не согласились с его оценкой. Спорили страстно и долго. Такие дискуссии в литературном мире неизбежны. И этому не стоит удивляться. Каждый имеет право на свое мнение. Спустя время, я понял Баграта Васильевича. Как оказалось, в тот период он работал над книгой «Последний из ушедших». Он полностью был погружен в трагические страницы истории убыхского народа, и конечно, переживал, пропуская эту боль через себя. Словом, взгляд Фазиля на все через призму юмора в тот момент был ему не совсем понятен...»¹.

Напоминая читателям о том, что А. Твардовский в 1939 году окончил один из лучших в то время вузов – Московский институт философии, литературы, истории, М. Ласуриа отмечает, что в том же году выпускниками этого престижного института были такие крупные личности, как Аслан Отырба и Георгий Дзидзариа. «Не раз в студенческие годы им удавалось слушать стихи уже тогда широко известного молодого поэта, друга – Александра Твардовского...».

Мушни Ласуриа воспроизводит в памяти большой литературный вечер в ЦДЛ. Сидя в первых рядах, он отчетливо слышал, как Александр Твардовский читал отрывок из «Василия Теркина» «легко, искренне, самозабвенно, как аплодировал ему зал...» Абхазский поэт перевел большой отрывок из этой поэмы и включил в сборник своих переводов «Песня поколений» (1984 г.). М.Ласуриа вспоминает в своем интервью журналу «Акуа-Сухум» моменты прощания с Александром Твардовским в ЦДЛ и на Новодевичьем кладбище, отмечая, что хоронили его «как опального поэта».

«Последние минуты прощания. Александр Солженицын перекрестил Александра Твардовского. В толпе проносился шепот: «Солженицын приехал». Я тогда впервые

¹ Там же. С.26.

увидел Солженицына. И я подошел, взял горсть земли и бросил в могилу со словами на абхазском языке: «Царствие небесное. Пусть земля будет пухом...» «Он любил нашу страну, ее людей, часто бывал и работал здесь над своими произведениями. Он интересовался историей, культурой, традициями абхазского народа, устным народным творчеством. Для Александра Твардовского был очень дорог Дом Дмитрия Гулиа, где он бывал с Багратам Шинкуба. Его волновало все, что происходило в Абхазии»¹ – так завершает свой разговор о великом мастере поэт-академик Мушни Ласуриа.

Денис Чачхалиа – о Твардовском

Возвращаясь к теме застолья на Сухумской квартире Киршала Чачхалиа, на мой взгляд, можно было бы дополнить рассказ М. Ласуриа об этой истории, некоторыми подробностями, услышанными мной из уст сына Киршала – известного абхазского поэта-переводчика, историка Дениса Чачхалиа, который не был на этой встрече, но, видимо, хорошо знает о ее весьма непростой и даже несколько драматичной предыстории, так как происходила она в его доме.

Дело в том, что в тот день Александр Твардовский вместе с Багратам Шинкуба и Киршалом Чачхалиа и другими писателями были приглашены на традиционные скачки в Очамчырском районе, предусматривавшие, как правило, и вторую часть программы, т.е. протокольное застолье для высоких гостей. Однако в силу непредвиденных обстоятельств, планы руководства района были в одночасье сведены на нет. Бывший партийный вельможа из Сухума, общаясь с местным начальством, имел неосторожность отозваться некорректно о народном любимце – поэте Киршале Чачхалиа, под прицелом

¹ Там же. С.30.

меткой сатиры которого нередко оказывались одиозные личности.

Супруга поэта Нина Ясоновна мгновенно и жестко отреагировала на недобрые слова о ее муже, не по назначению используя свой зонтик для острастки высокомерного чиновника. И тут же потребовала, чтобы вся писательская братия срочно возвращалась в Сухум. В считанные часы с помощью супруги писателя Шамиля Пилия – Нины Маршан, она пригостила в доме Киршала Чачхалиа роскошный стол, создала уют и прекрасную творческую атмосферу, как бы сгладив впечатления об очамчирском переполохе. Александр Твардовский всю дорогу, вволю улыбаясь, говорил, что в Москве он обязательно расскажет друзьям, писателям, что жены абхазских поэтов в случае необходимости могут и физически защитить своих мужей. «Это же здорово, это поучительно, это просто замечательно!» – восторгался поэт.

«Во время застолья, – рассказывает Денис Киршалович, – Твардовский как-то поинтересовался детьми Киршала, их учебой, работой, профессиональными наклонностями. О моем брате Валере, отбывавшем тогда наказание (кстати, геройски погибшем во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. – В.З.) и сестре Жанне, на которую мой отец был немного обижен по причине ее замужества без родительского благословения, он (Киршал Чачхалиа. – В.В.) предпочел умолчать. И после некоторой паузы, вдруг, взбодрившись, сообщил гостю, что младший сын Денис поступил в Литинститут им. Горького, решив тем самым умиротворить Александра Трифоновича. Тот как-то сочувственно вздохнув, произнес: «Бедный мальчик!», выразив тем самым свое двойственное отношение к этому вузу. «На второй день Твардовский передал моему отцу через водителя свой новый поэтический сборник «Из лирики этих лет». На титульном листе значилась собственноручная надпись самого авто-

ра: «Милому дому Киршала и Нины Чачхалиа, от доброй памяти и на добрую память. А. Твардовский. 1968 г.».

Денис Чачхалиа поделился еще одним незабываемым сюжетом, характеризующим тонкие взаимоотношения Баграта Шинкуба и Александра Твардовского, подчас, основанные на добром дружеском юморе.

«Случилось это в Москве, после пребывания русского поэта в Абхазии в 1968 г. Шинкуба, находясь в Москве, заглянул к Твардовскому в редакцию «Нового мира». Располагалась она сзади Пушкинского кинотеатра. Твардовский наспех подытожив свои редакционные дела, спустился вместе с гостем со второго этажа вниз. Пройдя мимо памятника Пушкину, они подошли к началу Тверского бульвара, достаточно деловито окидывая взором открывавшееся перед ними обширное пространство. По разные стороны стоят три мощных, равномерно отдаленных друг от друга дерева. Между ними были видны свободные, ничем не стесненные проходы.

– Смотри, Баграт, – произнес вдруг русский поэт, – стараясь привлечь внимание своего абхазского собрата на облюбованное им место. – Смотри, какой необъятный простор для того, чтобы разбить здесь абхазскую ашапу (палату-шатер для свадьбы – В.З.), – продолжил он разговор, глядя на бульвар глазами сведущего в этих вопросах абхаза...».

Теме посещения А. Твардовским Дома основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа исследователи уделяют особое внимание, видимо потому, что русский поэт, вживаясь в образ «демиурга абхазской мысли» (А.Межиров), глубже вникал в истоки абхазской ментальности и народной психологии. Один из эпизодов знакомства Александра Трифоновича с обстановкой сухумского дома патриарха нашей литературы, передан весьма зрелищно и впечатлительно в статье писателя Георгия Гулиа «Дмитрий Гулиа»:

«Однажды Александр Твардовский, отдохавший в Абхазии, попросил меня показать дом, в котором жил Дмитрий Гулиа, тот самый дом, в котором сейчас открыт мемориальный музей. Мы с Твардовским поднялись на второй этаж: здесь все было так, как при жизни поэта – ничего не прибавлено, ничего не убавлено. Твардовский обошел все комнаты, внимательно пригляделся к обстановке. Еще и еще раз прошелся по комнатам в полном молчании. Обстановка, говоря откровенно, была довольно-таки ординарна: ни дорогих гарнитуров, ни дорогих сервизов, ни шикарной кухонной обстановки, ни сносной ванной комнаты. Правда, кабинет просторен, светел, но и он обставлен пестро, без особых претензий...» Георгий Дмитриевич завершает этот рассказ словами Твардовского, составляющими смысловое ядро и философскую основу этого трогательного сюжета: «Когда мы вышли на улицу, Твардовский обернулся, чтобы бросить взгляд на фасад дома, и сказал мне: «Это настоящая квартира именно народного поэта: все просто, без претензий». Слово «народного» он особо подчеркнул интонацией...».

Более подробно об эпизодах знакомства А. Твардовского с домом и семьей основоположника абхазской литературы пишет сам Баграт Васильевич, рассказывающий о том, что Александр Васильевич счел своим долгом посетить загородную дачу, где последние годы жил, работал и где в 1961 г. умер Дмитрий Иосифович. «Он близко познакомился с семьей поэта, а затем посетил дом Д.И. Гулиа в Сухуме, в котором сейчас открыт мемориальный Дом-музей народного поэта Абхазии...»¹.

Далее Баграт Шинкуба раскрывает еще один нюанс, связанный с особым вниманием русского поэта к личности Д. Гулиа. «Как-то раз Александр Трифонович попросил, чтобы я показал ему первую книгу Дмитрия Гулиа «Стихи и частушки», изданную в 1912 г.

¹ Шинкуба Б.В. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 2008. С. 405.

– Нарт Сасрыква, как ты мне говорил недавно, сбил с неба звезду, чтобы согреть своих закоченевших братьев, – сказал Александр Трифонович, взяв из моих рук первый гулиевский сборник. – Также и Дмитрий Гулиа сорвал с неба звезду для своего народа. – Вот она! – Александр Трифонович бережно приподнял на ладонях книгу...»¹. Эти мысли процитированы из статьи Б. Шинкуба «Слово о друге», написанной в 1980 г. по поводу 70-летия со дня рождения А.Твардовского (уже после его смерти).

Переписка, не утратившая актуальность...

В абхазской версии этой же статьи Баграт Шинкуба затрагивает некоторые детали переписки с Александром Трифоновичем, который ознакомившись с полным текстом нового шинкубовского эпического полотна «Песнь о скале» в переводе Риммы Казаковой, делился мыслями и пожеланиями по устранению некоторых погрешностей перевода. Этот роман в стихах готовился к публикации в «Дружбе народов», но, несмотря на это, фрагмент «Кольчуга» Твардовский решил предложить вниманию читателей «Нового мира». В связи с предысторией подготовки «Песни о скале» к печати, думаю, было бы логично, обратиться к письму А. Твардовского Б. Шинкуба от 16 марта 1967 г. Судя по этому документу, Твардовский, после ознакомления со всей рукописью поэмы редактором выбрал для «Нового мира» «Вступление» и «Кольчугу», как наиболее понравившиеся ему. «Но, к сожалению, оказалось, что и «Вступление», которое мне особенно понравилось, печатается в «Дружбе». Придется ограничиться «Кольчугой» с указанием в сноске, что поэма печатается в «Дружбе»². В этом же письме, отправленном в Сухум перед вылетом в Рим, Шинкубе, Александр Три-

¹ Шинкуба Б.В. Собрание сочинений. Т. 6. Сухум, 2008. С. 405.

² Твардовский А.Т. Проза. Статьи. Письма. М., 1974. С.772.

фонович, достаточно обстоятельно затрагивает и некоторые, слабые на его взгляд, стороны поэмы, какими он считал, в частности, «сюжетную усложненность», иногда приобретающую «авантюрно-романтический характер, как, например, в главе «Кабардинский князь». «Такой сюжет, вообще говоря, более под силу прозе..» – отмечал Александр Трифонович¹. В письме затронуты некоторые «странности» перевода, сомнения, вызываемые степенью смыслового соответствия некоторых отрывков перевода оригиналу («Конечно, я не знаю, что тут от оригинала, что от перевода, но вряд ли только от перевода, – однако дело сделано, я не считаю возможным переделывать вещь в основе...»²). В связи с этими штрихами, хотел бы заметить, что в целом перевод романа в стихах, выполненный профессионалом Риммой Казаковой, выдерживает очень высокие стандарты, но сама лиро-эпическая основа, философская концепция произведения настолько глубоки и самобытны в оригинале, что вряд ли переводчик (как бы он ни изощрялся) способен создать на русском или ином языке достойный аналог ассоциативно-аллегорических сцеплений подлинника. В частности, глава «В море» (разговор Нахара и Шабата) – это философский диалог двух абхазских князей, построенный на ярких и глубоких размышлениях о судьбе народа, страны, их истории. Насколько сложна и многопланова беседа двух весьма колоритных персонажей поэмы, настолько прост, в то же время пластичен и живописен язык автора. И видимо, отчасти мотивированы этими нюансами и вопросы Твардовского, касающиеся смысловой взаимозависимости и взаимообусловленности перевода и подлинника.

В вышеупомянутом очерке «Слово о друге» (приуроченном к 70-летию со дня рождения А. Твардовского) Шинкуба цитирует чрезвычайно важный отрывок из

¹ Твардовский А.Т. Проза. Статьи. Письма. М., 1974. С. 771.

² Там же. С. 772.

письма Александра Трифоновича своему абхазскому со-брату: «Дорогой Баграт Васильевич! Спешу уведомить Вас, что Евгений Николаевич Герасимов прочел Вашу вещь (имеется в виду повесть «Чанта приехал», опубликованная в «Новом мире» (1969, №6), ему нравится, и он готов поработать над переводом ...У него есть необходимость встречи с Вами: вопросы, уточнения и т. п. Сообщите, когда вам удобнее было бы принять его в Сухуми в начале января 1969 г...»¹.

Арасадзыхские ритуалы глазами Твардовского...

А теперь в развитие мыслей, связанных с постижением русским поэтом абхазской действительности в ее разных проявлениях, на мой взгляд, было бы логичней и резонней вновь обратиться к «Новомирскому дневнику». В заметках от 30.VI. 69 (Гулрыпш, утро отлета). Александр Трифонович весьма живописно, этнографически восхитительно описывает поездку в горное абхазское село Арасадзых (ореховый родник): «Горная речка, неумолчно воркующая (бежит), извиваясь, внизу под дорогой, повторяющей ее изгибы. Белые факелы пены на камнях, рассекающих быструю неглубокую воду. Угощение – полудикое, преизобильное, но все то же: недоваренное холодное мясо (говядина, телятина, козленок, куры; горячее – мамалыга)... Вино грузинское, терпкое, но несомненное, свое, чача.

Суровая, тонкогубая, смуглая девочка, танцующая в паре со взрослым мужчиной. Девушки с полотенцами у рукомоиника – позы бессознательно грациозные, вроде ангельских в живописи, строгость, опущенные глаза, на спасибо – шепотом: пожалуйста...»².

¹ Твардовский А.Т. Проза. Статьи. Письма. М., 1974. С. 406.

² Твардовский А.Т. «Новомирский дневник. Том 2. М., 2009. С. 341.

На мой взгляд, к описанию меню арасадзыхского застолья, можно было бы в чем-то придрататься, но в изображении девушек с полотенцами у рукомошника – Твардовский весьма точен, язык его на редкость пластичен. Далее Александр Трифонович описывает ритуал вручения традиционных подарков высоким гостям. «Эпизод с посохом и кинжалом (речь шла, что мне подносят посох, я молчу, что у меня уже есть (от Шинкубы), кто-то кому-то мигнул – посох передается Симонову), а мне подносят кинжал – бытовой, в потертых ножнах, сточенный, как хороший нож кухонный...).

Сам по себе сюжет достаточно привлекательный, интригующий изображением дипломатических импровизаций, однако, на мой взгляд, можно усомниться в том, что такой яркой и легендарной личности как Твардовский, изощренные во всем арасадзыхцы могли преподнести «бытовой» кинжал, да еще в присутствии Баграта Шинкубы, Константина Симонова, Георгия Гулиа. А что касается «потертости ножен» – это, наоборот, признак особой антикварности и эксклюзивности изготовления кинжала.

И самое главное во всей этой истории, на мой взгляд, то, что благодаря тончайшей наблюдательности русского поэта скромное, но на редкость самобытное абхазское село и его гостеприимство стали достоянием большой литературной летописи.

Б. Шинкуба в своих дневниковых заметках от 28 июня 1969 г., рассказывая о той же поездке, отмечает, что в с. Арасадзых писатели попробовали вкус родника, дальше пешком поднялись в Клумыр (название округа), где их пригласили во двор уважаемого крестьянина Аламиа. Шинкуба пишет о том, что поневоле избрали его тамадой. Благо, спасло то, что вино было натуральным, чисто абхазским. Это то, что многоопытный Александр Трифонович принял за терпкое грузинское вино. Вот вам и

результат сравнительного текстологического анализа двух дневниковых записей об одном и том же событии.

В заметках от 28 июня 1969 года Александр Трифонович, среди событий дня, описанных им, выделяет отдельным абзацем еще одно абхазское застолье. «Вчерашний вечер в палаццо Григория Чаговича (Ашхаруа – В.З.), директора таксомоторного парка в Сухуме: чудесное блюдо из мелкокрошечного сычуга («требух»), вареный козленок, белое «Изабелла» («самотек»). Еще одна бурка...»¹.

Думаю, следует отметить, что на сей раз выбор пал на Григория Ашхаруа не потому, что он был знатоком литературы и словесности в целом, а управленцем, пользовавшимся огромным уважением в абхазском обществе и особенно среди деятелей культуры, которым он нередко оказывал меценатскую помощь. И он, как раз, входил в обойму влиятельных личностей, к кому в гости можно было смело приглашать таких выдающихся мастеров, как Твардовский, Шинкуба, Симонов. В плане традиционного гостеприимства опыта Григорию Чаговичу было не занимать.

А вот как в записях от 27 июня 1969 г. Баграт Шинкуба описывает встречу у Григория Ашхаруа: «Там были А.Твардовский, К.Симонов, Г.Гулиа – с женами. Мне пришлось поруководить столом. Стол был роскошный. Твардовский поднял стакан и произнес тост в честь Георгия Гулиа. И в связи с этим было сказано не мало мудрых, изысканных слов о Дмитрий Гулиа. На этом застолье я прочитал свой стих «Моим умершим друзьям...» (в переводе С. Куняева – В.З.).

Как видим, сравнительно с тем, что бегло, как бы скорописью, отметил в своих дневниковых новомирских записях об этой встрече Александр Трифонович, Баграт

¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. 1967-1970. М., 2009. Т. 2. С.341.

Васильевич подчеркнул несколько важных, на его взгляд, нюансов этого дружеского застолья. Стихотворение об утрате друзей и о связанных с этой утратой философско-элегических раздумьях, было создано Б.Шинкуба в том же 1969 г.¹.

В записях от 17 июня (1969) Б.Шинкуба сообщает о том, как со своей супругой Тamarой посетил Твардовского и его супругу в Гулрыпше. Здесь были Константин Симонов и Георгий Гулиа тоже со своими супругами. В разговоре за скромным застольем возник разговор о повести «Чанта приехал». Георгий Гулиа сказал, что вещь ему понравилась он и написал о ней статью для «Литературной газеты».

Далее Б. Шинкуба пишет о том, как А.Твардовский как бы в развитие мыслей Г. Гулиа, поделился своим мнением о повести.

– Эта вещь нам всем понравилась (имеется в виду редколлегия журнала) своей глубиной. Конечно, автор мог дать другой конец, но все равно логически повесть завершена. Она щемящая, внутренне богатая. Я не знаю, может ли Баграт Васильевич писать дальше прозу, здесь, кажется, он все выложил...

Автор дневников также сообщает, что А. Твардовский коснулся на этой же встрече творчества Фазилия Искандера.

– Человек, наделенный истинным талантом!...» – сказал он, завершая размышления о писателе. Никто из присутствовавших не стал оспаривать эту оценку.

Следует заметить, что Баграт Васильевич написал после повести «Чанта приехал» знаменитый исторический роман «Последний из ушедших» о трагической судьбе убыхов и др. малочисленных горских народов Кавказа (перевели на русский К.Симонов, Я.Козловский), роман «Рассеченный камень», рассказ «Старуха Расидац» (перевел на русский И.Бехтерев).

¹ Шинкуба Б.В. Дневники. 1967-1978 гг. Сухум, 2020. С. 87.

С повестью «Чанта приехал» связаны еще два интересных эпизода из дневников Б.В. Шинкуба (1967-1978 гг.) и «Новомирского дневника» А.Т. Твардовского. Здесь у нас появляется возможность вновь прибегнуть к сравнительным оценкам одного и того же события, описанного в двух дневниках с разных точек зрения, но без существенной разницы по сути разговора, состоявшегося в Сухуме с участием члена Политбюро А.Н. Шелепина. Встреча с высокопоставленным лицом из Москвы происходила в абхазском селе Мархиаул с участием В. Кобахиа, П. Гиладшвили и др. должностных лиц.

Б. Шинкуба был удивлен чрезмерной откровенностью крупного советского чиновника, вдруг, во время непротокольной беседы заявившего, что автономные республики должны быть преобразованы в союзные республики. Причем А. Шелепин говорил об этой идее, как о своем личном мнении. На вопрос Б. Шинкуба, что мешает реализации этой идеи, член Политбюро отреагировал многозначительным молчанием. Далее в шинкубовских дневниках говорится о том, как во время ужина в мархиаулском ресторане, Шелепин вдруг сообщил коллегам, что недавно он прочитал в «Новом мире» повесть «Чанта приехал», и что она произвела на него хорошее впечатление. Далее последовал достаточно динамичный диалог между Шелепиным и автором упомянутого произведения:

«– Жаль, что такая хорошая повесть появилась в «Новом мире»!

– А другие журналы не напечатали бы!

– Почему?

– Другие меня не знают, и я их не знаю!»

(Баграт Шинкуба. Дневники. 1967–1978 гг. Сухум, 2020 г. С.96).

Затем Б. Шинкуба пишет о том, что участники застолья посвятили немало времени литературе, и после не-

которой паузы, призадумавшись высокий гость, вновь вернул разговор в политическую плоскость:

– Мы почти не занимаемся национальным вопросом. Этот важнейший участок у нас заброшен. Если дальше так продолжится наше государство может развалиться!» Дневниковую запись от 13 августа 1969 г. Шинкуба завершает мыслью, обращенной к самому себе: «Из тех правителей, кто приезжает к нам оттуда, никто с нами никогда не говорил так откровенно. Чем же объясняется такая открытость? А может быть в руководстве державы имеются разногласия? Но что решаем мы? Кто нас спросит?»¹.

(Как известно, было время, когда Шелепину прочили пост генсека, известно, что он публично выступал против привилегий для высшей партийной касты, однако его приверженность к жестким сталинским методам управления настораживала многих представителей кремлевской администрации и вскоре он оказывается в опале – **В.З.**).

Теперь обратимся к записям в «Новомирском дневнике» (Т.2), от 31 августа 1969 г.). Здесь Александр Трифонович сообщает: «Были вчера Симоновы. Рассказ Ларисы Алексеевны со слов Шинкубы о сверхположительном отзыве Шелепина о его «Чанте» на ужине, устроенном по случаю пребывания члена Политбюро на отдыхе, и вопросе последнего: «Почему Вы напечатали свою вещь в «НМ»? Разве, мол, нету у нас других журналов? Шинкуба, только что представленный Шелепину секретарем обкома (В.О. Кобахия – **В.З.**) как автор повести (Шелепин будто бы не знал, что это Шинкуба, присутствующий на вечере), заметил, что, может быть, напечатай он вещь не в «НМ», она бы не была прочитана членом Политбюро. Разве, мол, он успевает читать все журналы? Нет, он читает регулярно лишь «НМ» и «Звезду» (?).

¹ Шинкуба Б.В. Дневники. 1967-1978 гг. Сухум, 2020. С.96-97.

Судя по этим заметкам А.Твардовского и по тому, как он фиксирует (разумеется, интерпретируя по своему) в своем дневнике подробности мархиаулского ужина, он был далеко не безразличен ко всему, что было связано с публикациями на страницах «Нового мира», их различными оценками, отзывами, разноречивыми суждениями.

Примечательно, что в этих же записях Александр Трифонович не оставляет без внимания еще одну тему, вскользь затронутую на упомянутой сухумской встрече с членом Политбюро. Это разговор о статусе Абхазии. «Из общих высказываний, лестных абхазцам, что-то насчет большей самостоятельности Абхазии... Шинкуба на седьмом небе...»¹.

5 ноября 1971 г. Шинкуба отметит в своих дневниках, что был безмерно рад факту присуждения Государственной премии новому лирическому сборнику А.Твардовского. «Это дань справедливости, дело Богу угодное! Сам поэт тяжело болен, может быть приободрит ему душу это событие... Мы с К.Симоновым поздравили его по московскому телевидению, пользуясь обращением журналистов к нам...» Шинкуба вносит эти слова в дневники, упоминая, что в то время он находился на гулрыпшской даче у Симонова.

Кипарисы, застывшие в безмолвии...

Исполнены глубокой печали слова Б.Шинкуба в дневниковых записях от 18 декабря 1971 г. Здесь он пишет о том, что К.Симонов сообщил из Москвы по телефону об уходе из жизни Александра Твардовского.

«Это сообщение глубокой скорбью отозвалось в моей душе... Нет в живых моего большого друга. Нет в живых

¹ Твардовский А.Т. Новомирский дневник. 1967-1970. Т.2. М., 2009. С. 392-393.

одного из лучших современных поэтов России, бесстрашного человека, настоящего правдоруба! Как несправедлива такая судьба?! Увы, мы бессильны перед ней!..»

Далее, размышляя о бессмертии мастера слова, Б.Шинкуба вспоминает: «Когда он приходил к нам домой, громко и от души смеясь, заглядывал ко мне в кабинет, затем, выходя на балкон, долго разглядывал стройные кипарисы!

– Они напоминают свечи, и ночью озаряют все вокруг своим светом! Не хватает только живописца, кто отобразил бы все это на холсте! – говаривал он.

– Когда я порой окидываю взором эти кипарисы, мне кажется будто они застыли в печальном безмолвии, напоминая мне о близком друге...

Встану сейчас с места, позвоню Марие Илларионовне, посочувствую ей, горемычной, затем отправлю ей соболезнование!»¹.

Пицунда. Хрущевская дача.

Читка автором «Теркина на том свете»...

Говоря о связях Александра Твардовского с Абхазией, думаю, следует упомянуть и о том, как в Пицунде, на госдаче, после завершения Всемирного Конгресса писателей, была проинсценирована и отрежиссирована имитация читки обсуждения новой поэмы «Теркин на том свете». Твардовский читал свою вещь, Никита Хрущев слушал ее в присутствии некоторых видных русских и иностранных писателей, лояльных к советской системе. Судя по воспоминаниям Игоря Черноуцана, инструктора отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС, которого литературные генералы окрестили серым кардиналом, публикация новой поэмы Твардовского в «Известиях» и «Новом мире» задерживалась по причине того, что Никита Сергеевич потребовал от своих

¹ Шинкуба Б.В. Дневники. 1967– 1978 гг.). Сухум-2020 г. С. 176.

помощников устранить из произведения «неоправданные и излишние резкости и заострения», хотя Хрущев, как пишет сам Черноуцан, во время читки успел не раз вздремнуть. Кстати, на Пицундской госдаче, по просьбе А.Твардовского, Н.С.Хрущев познакомился и с повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», фактически здесь решалась судьба этой вещи, ставшей символом хрущевской оттепели, длившейся недолго.

И вновь из гульрипшской литературной хроники...

На мой взгляд, историю многолетних связей Александра Твардовского с Абхазией могли бы дополнить еще несколько эпизодов, включенных в воспоминания Константина Симонова:

«В Абхазии Твардовский был уже не впервые. Последние годы его связывали дружеские отношения с абхазским поэтом и прозаиком Багратам Васильевичем Шинкубой, и он, по совету и предложению Шинкубы, уже приезжал сюда, жил в домах отдыха и санаториях. На этот раз им с Марией Илларионовной захотелось пожить «дикарями» здесь, в Гульрипше, у самого моря, на еще нелюдном в начале лета берегу.

Твардовскому нравилось бывать в Абхазии. Он хорошо себя здесь чувствовал, отдыхал и, наверное, в ту меру, в какую это вообще было возможно, отрывался от тяготивших его мыслей. И мне казалось, что здесь это ему удавалось больше, чем где-нибудь в другом месте. Его интересовали поездки по селам Абхазии и неторопливые вечерние беседы с Багратам Васильевичем Шинкубой, который был знатоком истории и быта своего народа; Твардовский любил расспрашивать его об этом и подолгу внимательно и уважительно слушал его рассказы...» Квартуруя в Гульрипше у тети Паши (местная жительница – **В.З.**), Твардовский вставал рано и

сразу, с палочкой в руках, шел к морю. Похаживал там, пошвыривая палочкой гальку, купался, сидел на берегу, глядел на море... Так бывало каждый день, но заставлял я Твардовского на берегу всего два или три раза – в остальные дни обычно просыпал, потому что накануне допоздна работал над книгой «Последнее лето», с которой у меня что-то не ладилось. А что – я не мог понять».

И далее, с этого фрагмента воспоминаний, Константин Симонов приобщает нас к достаточно актуальному и интригующему обсуждению творческой проблемы, суть которой высвечивается сквозь призму открытого и на редкость содержательного диалога двух классиков, которые могли совершенно свободно и откровенно высказать друг другу замечания, касавшиеся психологической аргументированности тех или иных художественно-стилистических решений, образов, мастерства, профессионализма в ходе работы над произведениями.

«Как-то, когда Твардовский заглянул ко мне, зашел разговор о моей работе и я признался, что она не клеится. Уже в третий раз переписываю, как мне кажется, ключевую в первой части романа главу, а она все не выходит.

– А ты дай мне почитать, – сказал Твардовский и усмехнулся: – Знаю, что для «Знамени», а не для нас. Прочту просто так, по-соседски, через два или три дня.

Он прочел и после завтрака зашел ко мне с рукописью. Положив рукопись на стол, отозвался о ней сдержанно-одобрительно, что-то вроде того, что «в общем получается, но многое еще сыровато, хотя, впрочем, ты, наверное, это и сам знаешь».

Что сыровато, я знал и сам и подтвердил это. Но меня мучило не это, а никак не выходившая глава. Это была глава о Сталине, следовавшая в рукописи романа сразу за той главой, в которой генерал-лейтенант Львов пишет свое письмо Сталину.

– А ты выкинь ее, – сказал мне Твардовский об этой главе, уверенно и просто, как о чем-то совершенно ясном для него самого. – Она потому у тебя и не получается, что ее надо выкинуть. А как только выкинешь – сразу без нее все и получится!

Он усмехнулся понравившейся ему самому формулировке и стал после этого серьезно объяснять мне, почему нужно исключить из романа эту, не удавшуюся мне, главу.

– Все, что ты хотел в ней выразить, ты уже выразил в той главе, в том романе. (Речь шла о романе «Солдатами не рождаются».) А тут он у тебя в роман, по сути дела, не введен. Появляется лишь потому, что ему нужно прочесть письмо, которое ему кто-то написал. Недостаточная причина для появления столь серьезной фигуры. С такой серьезной фигурой и обращаться надо по-серьезному. А что касается твоего Львова, то он гораздо отчетливее проявит себя в романе как раз без этой главы. Без нее он больше заставит думать над собой читателя.

Я поблагодарил Твардовского и без колебаний послушался его.

Глава вылетела из романа с той легкостью, с какой высказывают только действительно лишние. Так, словно ее никогда и не было...»

День рождения ...

Далее К. Симонов в своем эссе воспроизводит в памяти достаточно интересную историю, еще одного непротокольного, непринужденного общения за абхазским столом в честь дня рождения А.Твардовского: «В день рождения Твардовского, когда ему исполнилось пятьдесят девять лет, он и Мария Илларионовна вместе с Баграмом Шинкубой, Иваном Тарбой и другими нашими общими друзьями поехали за десять километров от Гульрипша в загородный ресторан. Мы ужинали там под открытым небом, пили легкое

местное красное вино «Изабелла», вкусно и неторопливо ели, наслаждаясь прохладой после дневной жары.

Наши грузинские друзья Нодар Думбадзе и Гульда Каладзе (сын поэта Карло Каладзе – ред.) специально приехали к этому вечеру из Кутаиси и привезли с собой в подарок Твардовскому, на день рождения, чудо кулинарного искусства – целиком приготовленного козленка, внутри которого оказался жареный поросенок, внутри поросенка жареный цыпленок, а внутри цыпленка, шутки ради, было положено вареное яичко. Сначала дружно смеялись над этим сюрпризом, а потом: так же дружно взялись за работу над этим произведением кутаисской кулинарии.

Вечер этот был веселый, дружеский, без натяжек, без долгих тостов. За нашим разноплеменным столом сидели и люди, давно знавшие Твардовского, и люди, лишь недавно, здесь с ним познакомившиеся, но общая атмосфера доброжелательства и уважения к нему объединяла весь стол. И он в тот вечер, за этим согревшим ему сердце столом мне и сам показался каким-то немножко оттаявшим от забот и тревог; выглядел более молодым и менее усталым, чем обычно...».

Судя по этим заметкам, можно уверенно сказать о том, что в Абхазии между классиками, представлявшими ту или иную национальную литературу, происходил не только живой обмен застольными тостами и высокопарными речами, что по большому счету является своеобразным проявлением высокой дипломатии и культуры, но в первую очередь никогда не прерывавшийся диалог по проблемам истории, этики, развития литературы и искусства.

Беседа на теплоходе «Адмирал Нахимов»...

Думаю, следует отметить, что глубокий интерес к личности и творчеству Александра Твардовского проявлял известный абхазский писатель, публицист Джума Ахуба.

Не случаен тот факт, что его роману «Кто бросил камень» (М., 1991) в качестве эпиграфа предпослано философское стихотворение А.Твардовского:

С тропы своей ни в чем не сступая,
Не отступая быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль...

В эссе «Человек и корабль», Джума Ахуба пишет о том, как он и другие абхазские собратья по перу посетили вместе с Константином Симоновым корабль «Адмирал Нахимов» (2 октября 1974 г.). Русский писатель был приглашен командованием теплохода. Воспользовавшись возможностью, решил побеседовать с Константином Михайловичем, на что тот любезно согласился. Одна из тем, затронутых собеседниками, касалась А.Твардовского. Джума благодарил Константина Михайловича за теплые воспоминания об Абхазии и Александре Трифоновиче. Это подтолкнуло Симонова к весьма занимательному рассказу о тете Паше – соседке писателя по Агудзерской даче, в доме которой жили в дни отдыха Твардовский с супругой Марией Илларионовной. Писатель рассказал о том, что, прочитав его воспоминания, она зашла к нему на дачу и преподнесла ему цветы в знак признательности за доброе упоминание ее имени. Но вся интрига заключалась в том, что прочитав очерк Симонова, к ней стали приходить школьники и туристы, прося ее показать комнату Твардовского, его кровать и письменный стол, книги, рукописи, фотоснимки и другие вещи, к которым поэт имел отношение. И тетя Паша посетовала Симонову на то, что ничего у нее не осталось... «Что мне оставалось, – пишет Д.В. Ахуба со слов русского писателя... – пришлось подарить ей на память одну фотографию...На том сним-

ке Твардовский, сидя у окна читает «Литературную газету», а под окном я стою с Багратам Шинкуба...».

И тетя Паша теперь уже всем любознательным показывает этот знаменитый фотоснимок... «Твардовский посвятил всю свою жизнь борьбе за правду, за справедливость... Он был человеком со своими четкими принципами... На литературу работали не только его талант и его произведения, но и сама его личность и человечность...» – вот так высоко отзывался К. Симонов о своем друге, – повествует Джума Ахуба, воскрешая в памяти неординарную беседу на корабле «Адмирал Нахимов»¹.

Вместо эпилога

На мой взгляд, тема взаимосвязей А. Т. Твардовского с Абхазией, с абхазской интеллигенцией, не исчерпывается вышеупомянутыми фактами, дневниковыми записями, перепиской. Не сомневаюсь в том, что в личных архивах выдающегося мастера и его братьев по литературному цеху можно было бы найти не мало и других ценных материалов, требующих тщательного исследования. Можно было бы основательно изучить газетные, журнальные публикации, посвященные пребыванию А. Твардовского в Абхазии, интервью, которые он давал корреспондентам наших республиканских газет, журналов. Однако это дело широкой научной перспективы вопроса.

Считаю, что данное скромное исследование может пополнить хронику литературных взаимосвязей Абхазии и России, обогащая ее малоизвестными и в то же время уникальными по своей историко-фактографической значимости страницами.

¹ Ахуба Д.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Сухум, 2011. С. 541-542).

МИХАИЛ ШОЛОХОВ В АБХАЗО-РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЛЕТОПИСИ

Встреча в сухумском санатории «Азра»

Тема творческих контактов выдающегося русского писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с абхазскими писателями, история его неоднократного пребывания в Абхазии раскрыта, на мой взгляд, весьма скупо, эпизодично, и в общем, недостаточно. Но имеющиеся в широком доступе публикации дают достаточно оснований для дополнительного исследования и систематизации материалов, затронутых в работах абхазских и российских литературоведов, более тщательного изучения фактографии, содержащейся в дневниках и воспоминаниях писателей и журналистов. Серьезным подспорьем могут служить в работе над литературной хроникой, в частности, дневниковые записи Баграта Шинкуба и Александра Твардовского. К ним, я вернусь в процессе сравнительного анализа фактов, связанных с историей посещения Абхазии автором гениального «Тихого Дона».

Первый приезд русского классика в страну души наши ученые и литераторы склонны относить к середине 30-х годов прошлого столетия. Известный абхазский краевед В.П. Пачулиа пишет, что «в Сухуме гостила целая группа русских советских писателей во главе с Михаилом Шолоховым». Встреча состоялась «в доме отдыха «Азра», ныне

в здании, занимаемом Абхазским филиалом института курортологии и физиотерапии»¹. Это уникальное место, в столице Абхазии, в живописнейшем уголке – на Сухумской (Чернявской) горе.

Здесь, в 2013 г., Е.Д. Алферовой (супругой Сухумского епархиального наблюдателя Степана Алферова) было построено 4-х этажное здание с оригинальным фасадом – под санаторий. Новому лечебно-оздоровительному учреждению было присвоено достаточно экзотичное название «Азра». (Имя Азра имеет арабское происхождение и ассоциируется с мифологическим образом небесной нимфы – символом чистоты, гармонии и прекрасного...). Проектированием здания санатория занимался архитектор А. Бамме. Архитектурное решение было выдержано в стиле модерн и весьма оригинально вписывалось в ландшафт города.

В советское время учреждение было преобразовано сначала – в Институт курортологии (в 1950-е годы), а затем (в 1996 г.) – нетрадиционной медицины».

Михаил Шолохов прибыл в нашу республику, будучи достаточно известным писателем – автором «Донских рассказов» (1926), романа-эпопеи «Тихий Дон», романа «Поднятая целина» (1932), позже принесших ему мировую славу. Как известно, тома 1–3-й «Тихого Дона» были написаны с 1925 по 1932 год и опубликованы в журнале «Октябрь» в 1928–1932 годах.

В дружеском обмене мнениями по вопросам развития русской и абхазской литературы, происходившем под сводами санатория «Азра», принял участие известный абхазский драматург, прозаик, поэт, публицист, Председатель ЦИК Абхазии Самсон Чанба. Самсон Яковлевич – один из ярких представителей тогдашней абхазской интеллигенции, был лично знаком с Максимом Горьким, Анри Барбюсом, Владимиром Маяковским, Серге-

¹ Пачулия В.П. Русские писатели в Абхазии. Сухум. 1980. С. 8

ем Есениным и другими выдающимися мастерами художественного слова. На творческой встрече выступили со своими стихами молодые поэты Леварса Квициния и Шалва Цвижба, позже сформировавшиеся, как видные представители абхазской литературы, авторы замечательных стихов и поэм. Ш. Цвижба в 1935 г. будет арестован по ложному обвинению и сослан в Колыму, где вынужден отбывать «наказание» до 1953 г. Л. Квициния, выпускник Литинститута им. Горького, руководивший Союзом писателей Абхазии с 1938 по 1939 г., погибает в первые дни Великой Отечественной войны на границе около г. Белосток, сражаясь против немецких захватчиков.

Пока еще нет сведений о том, каков был формат и характер выступления М. Шолохова перед своими абхазскими собратьями по литературному цеху, однако информацию об этом, на мой взгляд, можно отыскать в архивах тогдашних абхазских и российских газет. Думаю, следует попытаться извлечь из прессы того периода сообщения о возможных контактах М.Шолохова и его близких друзей с Нестором Лакоба и Дмитрием Гулиа. Дело в том, что встречи известных зарубежных писателей и журналистов с руководителем Абхазской республики и основоположником абхазской литературы в те времена были неотъемлемой частью протокольной практики и по идее автор «Тихого Дона» должен был воспользоваться такой возможностью.

Дополнительный импульс выявлению обстоятельств, связанных с пребыванием Шолохова в Абхазии, в 30-х годах, дает монография Руслана Капба о жизни и творчестве Леварсы Квициния. Здесь дана ссылка на воспоминания Ш. Цвижба, зафиксированная автором исследования. Шалва Цвижба, коснувшись близких дружеских отношений и творческих связей с Леварсой Квициния, с которым он некоторое время учился в педагогическом институте в г.Орджоникидзе (ныне Владикавказ), рассказывал: «Мы встретились летом, 1935 г. в Сухуме. Нас по-

звал маститый абхазский писатель С.Я. Чанба и пригласил для участия в литературном вечере в санатории «Азра»... В то время Абхазию посетили всемирно известные писатели: Иоганес Бехер, Антал Гидаш, Николай Браун, Геннадий Фиш, Михаил Шолохов. На встрече Леварса Квициния прочитал отрывок из поэмы «Атэыла ҕеиоит» (Страна растет). Я продекламировал фрагмент поэмы «Кинжал» (тогда она называлась «Большое счастье»). Чувствовалось, с каким трепетом нас слушали высокие гости, которым, по сути, была и посвящена эта встреча. Иоганес Бехер стоя поздравил нас с нашими выступлениями. Как сейчас помню, как он отреагировал на услышанное: «Абхазию в искусстве ждут большие успехи. Об этом свидетельствуют произведения этих двух молодых поэтов... Затем он подошел и приобнял нас...» Судя по воспоминаниям Шалвы Цвижба, взволнованное чтение молодых, но в то время достаточно популярных абхазских авторов вызвало бурное восприятие со стороны членов интернациональной делегации, в том числе и Михаила Шолохова»¹.

Приезду Михаила Шолохова и его друзей в Абхазию предшествовали события, связанные с посещением нашей страны И. Буниным, М. Горьким, А. Белым, В. Каменским, К. Паустовским, Л. Леоновым, К. Фединым, Н. Тихоновым, А. Толстым, С. Есениным, А. Серафимовичем, Н. Асеевым, И.Бабелем и рядом других мастеров слова, воссоздавших в своих рассказах, стихах, очерках, воспоминаниях яркие образы абхазов, абхазской природы.

Михаил Шолохов и Михаил Лакербай

Исследователь М.А. Жбанникова, затрагивая истории первого пребывания М.Шолохова в нашей стране, отмеча-

¹ Капба Р.Х. Леуарса Куцниа (Жизнь и творчество). Сухум, 2008. С. 55-56.

ет: «Шолохов уже хорошо известен в литературных кругах. Знают о нем и в писательской среде в Абхазии. Однако его книги еще не переведены на абхазский язык. Но сам Шолохов уже хорошо знаком с творчеством классика абхазской литературы – Дмитрия Иосифовича Гулиа, чьи произведения издавались большими тиражами в 30-е годы на русском языке. Культурно-просветительская деятельность Дмитрия Гулиа была необычайно широка, именно вокруг него группировались молодые поэты и писатели Абхазии...»¹.

Касаясь дружеских взаимосвязей Михаила Александровича с абхазскими писателями, необходимо отметить факт его личного знакомства с знаменитым абхазским новеллистом, киносценаристом и поэтом Михаилом Лакербай. Абхазский критик, литературовед, документалист Руслан Капба в монографии, посвященной абхазскому прозаику и поэту, делится очень ценной, на мой взгляд, информацией:

«Классик советской литературы Михаил Александрович Шолохов хорошо знал М. Лакербай и зачитывался его новеллами. М. А. Шолохов в те годы был уже широко известным писателем, с его мнением считались, слово, сказанное им о коллегах по перу, значило многое. Именно с его помощью после окончания курсов по кинодраматургии М. Лакербай, как и некоторые его сокурсники, стал работать в «Восток-кино». Что и говорить, для молодого абхазского драматурга это было замечательной школой!»².

Далее ученый, скрупулезно изучавший личный архив классика в Москве, сообщает также о том, что певец «аб-

¹ Жбанникова М.И. Шолохов и Абхазия: исторические аспекты литературных связей и современный культурный обмен// Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Сухум.–М., 2016 г. С. 615.

² Капба Р.Х. Михаил Лакербай. Жизнь и творчество. Сухум, 2008. С. 37-38.

хазского аламыса» – неписаного кодекса чести и рыцарства Михаил Лакербай, при содействии Виктора Шкловского (а, по мнению писателя Джумы Ахуба – и Михаила Шолохова) получает приглашение на 1-й съезд писателей, проходивший в 1934 г., в Москве. А в 1936 г. по рекомендации того же выдающегося российского киноведа, писателя и эссеиста был принят в Союз писателей СССР (1936). Содействие принятию абхазского новеллиста и киносценариста в советскую писательскую организацию, оказывали помимо М.Шолохова, В.Шкловского, еще и Георгий Мдивани и Мате Залка (генерал Лукач), с которыми Михаила Лакербай сближало тесное творческое сотрудничество.

Абхазия (Пицунда): Хрущев – Твардовский – Шолохов и «Теркин на том свете»

Второй приезд М.А. Шолохова в Абхазию был связан с читкой поэмы А.Т. Твардовского «Теркин на том свете» в Пицунде, на госдаче Н.С. Хрущева. И об этом свидетельствуют дневники выдающегося поэта, автора нашумевшей, фактически запрещенной сатирической поэмы, окрещенной кремлевскими идеологами «пасквилом на советскую действительность». Дневниковые заметки об этом событии датированы 18 августа 1963 г. Александр Трифонович достаточно подробно описывает атмосферу непосредственного ознакомления советского генсека с отредактированным (самим автором) текстом своего произведения, на котором с 1954 г. лежала печать политической цензуры. Примечательно, что читка происходила в присутствии некоторых известных зарубежных авторов, участников Европейского писательского форума. Весьма забавны кульминационные моменты пицундской инсценировки, умело разыгранной по воле и замыслу кремлевского вождя:

« – Чтение было хорошее, Никита Сергеевич почти все время улыбался, иногда даже смеялся тихо, по-стариковски (этот смех у него я знаю – очень приятный, простодушный и даже чем-то трогательный). В середине чтения примерно я попросил разрешения сделать две затяжки. – „Конечно, конечно“, хотя никто, кажется, кроме Шолохова и меня, сидевшего с ним (до чтения) на самом конце стола, не курил. Дочитывал в поту от волнения и от взятого темпа, несколько напряженного, – увидел потом, что мятая моя дорожная, накануне еще ношенная весь день рубашка – светло-синяя – на груди потемнела – была мокра. – Кончил, раздались аплодисменты. Никита Сергеевич встал, протянул мне руку: „Поздравляю. Спасибо“. Тут пошли были некоторые реплики похвалы, но Сурков быстро сообразил, что „обсуждения“ не должно быть, и предложил тост за необычный факт прослушивания главой великого государства в присутствии литераторов, в том числе иностранных, нового произведения отечественного поэта! Потом я, решительно не принимавший ничего за столом (как и накануне), попросил у Никиты Сергеевича разрешения (это было довольно смело) „промочить горло“. Он пододвинул мне коньяк, я налил. „Налейте и мне, – сказал он, – пока врача вблизи нету“. Когда я наливал ему, рука так позорно дрожала, что это многие заметили, но, конечно, это могло быть отнесено только за счет волнения. – И, собственно, дело совершилось, – подошел Аджубей с конкретными предложениями, условиями соблюдения всех необходимых условий и т. п.»¹.

Достаточно интересные с психологической и историко-философской точки зрения оценки Пицундской встречи содержатся в исследованиях известного шолохова В.О. Осипова:

«Великий прозаик – великий поэт... Их давно, как всем кажется, мало что связывает. Но вот Хрущев в 1963 году

¹ Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000-2003.

пригласил к себе на дачу, в Абхазии, большую группу именитых писателей, иностранцев, деятелей Европейского сообщества писателей тоже. Было у него намерение произвести впечатление на литературную элиту, мол, партия за единение с вашим братом. Далее В.О. Осипов предлагает нашему вниманию широкий спектр точек зрения на характер и режиссуру «пицундских чтений»:

«Сорок минут шла декламация. Хорошо, что остались воспоминания, как Шолохов воспринимал в этот вечер поэму. Сам он ничего не написал, но стал героем трех записей. Солженицын: «Иностранцы ушами хлопали. Хрущев смеялся, ну, значит, и разрешено... Изворотливый Аджубей (редактор „Известий“ – В.О.) первый же и напечатал, но с таким изумлением: как эту поэму красиво слушал Шолохов (?!)». Твардовский: «Одобрения поэмы от Никиты Сергеевича не было... Никак не реагировало на поэму и общество, там находившееся. Вообще я чувствовал себя там с первой минуты так, будто зря туда попал, что я там чужой человек. Видно, так же себя чувствовал и Шолохов. И несмотря на нашу недружбу в последнее время, мне там самым близким оказался он. Мы и сидели вдвоем на задней скамеечке с краю... Я не надеялся, что встречу тут одобрение у слушателей... Все же с первых же строк чтения я увидел, что есть тут один человек, который не равнодушен к этому. С чем-то он мог быть и не согласен, но слушал всей душой, и я увидел, что написал эту поэму не зря. Более того, в этом зале будто никого и не было, кроме нас двоих, – один читает, другой слушает. Теперь я видел только Шолохова и следил за Хрущевым. Но один замер, будто его и не было со мной рядом, а другой, не обращая внимания ни на кого, от души смеялся там, где было смешно...».

Аджубей, главный редактор «Известий» и зять Хрущева, напечатал в своей газете по горячим следам: «Мне запомнилось особенно, как слушал Михаил Александрович

Шолохов. Я, естественно, не могу предварять его мнение о поэме, но слушал он очень красиво, по-своему. Так и казалось, что он судит-рядит с Теркиным о его необычном путешествии, посмеивается вместе с ним и с хитроватой дальноркой повадкой, по-писательски, для себя оживляет картины поэмы».¹

Вот такова еще одна литературная история с участием Шолохова и Твардовского, происходившая на земле древнего Питиута (Пицунды), в Абхазии.

Шинкуба – Шолохов: финский нож для боев на литературном фронте

Другая интересная страница пребывания М.А.Шолохова в Абхазии датирована августом 1968 г. Она нашла краткое отражение в дневниках Б.В.Шинкуба, народного поэта Абхазии (являвшегося в тот период Председателем Президиума Верховного Совета республики). Отголоски этого события встречаются в дневниках А.Твардовского, а также в переписке самого Шолохова с писателем Николаем Корсуновым.

Б.В. Шинкуба в дневниковых записях от 20 августа 1968 г. делится воспоминаниями о некоторых эпизодах встреч с М.А. Шолоховым в Абхазии. По ряду источников, в том числе и по сообщениям Музея-заповедника Шолохова в Вешенском, известно, что визит в Абхазию проходил в рамках программы пребывания русского классика в Грузии. Разумеется, протокол визита формировало грузинское правительство, и информация о поездке Шолохова в Абхазию в грузинской прессе публиковалась весьма дозированно из вполне понятных политических соображений.

Вначале Баграт Васильевич сообщает о том, что русского классика, прибывшего из Пицунды в Сухум, сопро-

¹ Осипов В.О. Шолохов. М., 2005.

вождало 18 человек. Здесь писателя вместе с Багратам Шинкуба (председателем Президиума Верховного Совета Абхазии) встречал тогдашний первый секретарь обкома В.О. Кобахиа. Они поднялись с гостями в Сухумский Институт экспериментальной патологии и терапии АН СССР (осмотрели обезьяний питомник). Писателю рассказали об исследованиях, проводимых центром изучения приматологии, направленных на борьбу с онкологическими заболеваниями. «Оттуда мы поехали на Синоп. Там сфотографировались с гостями. Пригласили их на обед. Предложили отведать по бокалу нашего вина...»¹ – вспоминает Б.Шинкуба. Далее, автор дневников не скрывает неприятных интриг, с которыми он столкнулся в ходе общения с русским классиком по вине некоторых попутчиков. «Среди гостей, приехавших из Пицунды, находился со своей супругой главный редактор газеты «Коммунист». Как ни странно, супруги не подпускали нас к гостю. Редактор стоял справа от него, супруга – слева. Видимо, такая опека надоела писателю, и он отходил от них и подходил к нам. Momentами мы с ним пытались продолжить беседу, чуть отдалившись от остальных. Но и там супруги не давали нам покоя. До чего же они мелочны...несчастливы!»² (Здесь речь идет, скорее всего, о тбилисской газете «Коммунисти», которая, судя по архиву партийного издания, чуть ли ни монополизировала тему достаточно ангажированных «шолоховских» поездок в Грузию).

Далее, в дневниках Б.В. Шинкуба сообщается о проходах высокого гостя в Сухумском аэропорту и о том, как Шолохов преподнес ему именной подарок – финский нож. «С благодарностью принимая вещь, я произ-

¹ Шинкуба Б.В. Дневники.1967-1978.Сухум.2002. С. 61-62.

² Шинкуба Б.В. Дневники.1967-1978.Сухум.2002. С. 61.

нес: «Имея такое оружие, я сильнее буду действовать на фронтах поэзии!»

«Смелее переходите... – живо отреагировал гость, – и на фронтах прозы, я уверен... Вы и там тоже будете брать победы!...»¹ – воспроизводит в памяти эти незабываемые нюансы абхазский классик. Протягивая руки хозяевам, Михаил Александрович обещал приехать в Абхазию в скором времени, выразив свое восхищение «страной души».

«Счастливого Вам пути! Новых добрых встреч! Уверю Вас, произведения Михаила Шолохова весьма популярны среди абхазского народа и мои соотечественники полны желания непосредственной встречи с Вами!» – на этом мы попрощались с Михаилом Александровичем.² Судя по имеющейся информации, Шолохов мог шире и глубже познать историю, быт и нравы абхазского народа, если бы располагал большим временем, как, допустим, Константин Паустовский, приехавший в Абхазию в 1922 г. и проживавший в Сухуме несколько месяцев, получая обеденные пайки от Союза абхазских кооперативов и написавший замечательные рассказы и очерки о жизни черноморской республики.

Однако шинкубовские дневниковые заметки, на мой взгляд, нуждаются, в небольших комментариях. Дело в том, что некоторые журналисты, освещавшие шолоховский визит в Абхазию, пишут о том, что вручение финского ножа Баграту Шинкуба произошло во время застолья на озере Рица. Этой версии придерживается и Александр Твардовский, находившийся в это время в Сухуме. В своих дневниках знаменитый редактор «Нового мира» по этому поводу, в частности, пишет: «Третьего дня вечером были Шинкубы – он и Тамара Константиновна

¹ Там же. С. 62

² Шинкуба Б.В. Дневники.1967-1978.Сухум.2002. С.61-62.

(супруга абхазского поэта – В.З.). Показал ему вырезку из этой статейки (Имеется в виду статья С. Бардина «Преступления не забываются», опубликованная в газете «Советская Россия» – В.З.)

Он ее прочел раз, другой, изменился лицом. Потом он рассказывал о Шолохове, – смотрю, держит что-то в руке – валидольная трубочка.

Шолохов со свитой в полтора-два десятка человек совершал турне по Грузии, встречаемый с каким-то сверхторжественным почетом. На Рице в Сталинском доме был банкет, куда пригласили и Шинкубу с супругой. Шолохов дважды провозглашал тост в память Сталина («мы находимся в доме, где Он»... и т.д.) в выражениях, которые были возможны только при жизни Сталина: гениальный, мудрый, спаситель отечества и т.п. А.Твардовский неодобрительно отзывается в своих «Рабочих тетрадях» обо всем этом и далее касается еще одного достаточно щепетильного момента:

«Шинкуба, помимо всего, был глубоко задет, что в Абхазии Шолохов «сможет пробыть только полтора часа, осмотреть обезьяний питомник».

– Здесь же есть еще и люди, можно было бы хоть бегло поинтересоваться ими.

Шолохов подарил ему финский нож (должно быть, закупил их в Финляндии партию – на все подобные случаи). Принимая подарок, Шинкуба будто бы намекнул ему что-то насчет обезьян и своего древнего народа.

Шинкуба опять вспомнил о черных бериевских временах в Абхазии, об эшелонах порожняка на запасных путях железной дороги...»¹.

Думаю, все эти дневниковые заметки, эмоциональные оценки событий, происходивших в Сухуме, на озере Рица

¹ Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов. 1968. Август-декабрь. //Знамя. 2003. №10.

и в др. местах нуждаются в более скрупулезном изучении, так как прямо или косвенно они становятся фактами истории литературных взаимосвязей. Судя по тому, как Шолохов немало времени посвятил общению с известными учеными-приматологами Сухумского ИЭПит-а, но при этом нашёл возможность и для обмена традиционными тостами с абхазскими руководителями на протокольном обеде в Синопе (видимо, Шинкуба имеет в виду Сухумскую (Синопскую) Госдачу, он учел многозначительный дипломатический намек абхазского собрата по перу.

Наверное, разобраться в деталях поможет и пресса тех лет, которая, возможно затронула некоторые психологические (протокольные и непротокольные) тонкости общения двух классиков. Лично я не исключаю, что Шинкуба так или иначе смог ознакомить Шолохова с некоторыми трагическими перипетиями абхазской истории, договорив в Сухуме то, что не удалось высказать на шумном Рицинском застолье. Не исключаю, что весьма некорректные попытки тбилисских «кураторов» насколько возможно оградить чародея абхазской словесности от гения русской литературы, были мотивированы намерениями и стремлением ограничить доступ Михаила Александровича Шолохова к фактам национал-шовинистической политики Тбилиси в отношении Сухума. Хотя, можно предположить, что Шолохов, глубоко разбиравшийся в истории в целом, в ее белых пятнах, не мог не знать хотя бы в общих чертах о причинах грузино-абхазского конфликта. Думаю, по крайней мере, о жесточайших сталинских репрессиях в Абхазии, о закрытии абхазских школ, запрете национальной печати и радиовещания, искажении истории и национальной топонимики и других чудовищных беззакониях, русскому классику мог рассказать в свое время Михаил Лакербай, принятый на работу на кинофабрику «Восток-кино» в качестве сценариста и ассистента режиссера именно по рекомендации

М.Шолохова. Общеизвестно, что выдающийся абхазский прозаик и киносценарист сам оказался жертвой сталинско-бериевского произвола, отсидев 8 лет строгого лагерного режима в Воркуте. Я уже не говорю о достаточно известных подробностях готовившегося в 1938 г. ареста Михаила Шолохова, на основании сфабрикованных против него обвинений в причастности к «контрреволюционной» деятельности. Ведь известно, что ему удалось избежать печальной участи благодаря тому же Сталину и, видимо, неудивительно что великий мастер слова мог на Ричинской даче Сталина с некоторым пафосом говорить о «вожде всех народов».

Шолохов в абхазском духовном мире: переводы, статьи, размышления

Думаю, следует отметить, что огромный интерес к творческому наследию М.Шолохова проявляли и проявляют видные представители абхазской творческой интеллигенции разных поколений, в том числе И.Тарба, Ал. Гогуга, Г.Гулиа, М. Ласуриа, Ф.Искандер, Дж. Ахуба, М. Ладариа, Вл. Цвинариа и ряд других крупных мастеров слова и теоретиков литературы. Мне кажется, что заслуживают особого внимания глубокие мысли Фазиля Искандера (создателя современного мифопоэтического образа Абхазии) о романе «Тихий Дон», о его нравственно-психологических, художественно-философских и стилевых особенностях. Этими размышлениями выдающийся русский писатель, называющий себя певцом Абхазии, делится в своем эссе «Воспоминание о романе»: «Идея дома и поэтика литературы дома с огромной силой выплеснулась в «Тихом Доне» Шолохова. Тихий Дон – тихий дом. Горькая ирония. Это во многом еще загадочный роман. Я не знаю в мировой литературе произведения, где было бы описано столько смертей. Каждая смерть выстрада-

на автором, независимо от социального происхождения убитого. Каждый убитый лежит в своей неповторимой позе, потому что автор пристально вглядывается в каждого. Что это – песнь гибели казачества как особой нации внутри русской нации? Не знаю. Может быть.

Отказ от традиционного психологизма русского романа. Психическая жизнь передается только через жест, через сказанное слово, через движение-поступок. При этом бесконечная поэтизация дома, казацкого быта, где каждая вещь ощупывается, рисуется, оплакивается с прощальной любовью.

Григорий Мелехов мечется между красными и белыми, он мучительно всматривается и вслушивается в их речи и каждый раз убеждается, что дом его обречен на гибель. Осознать гибель собственного дома как начало нового, будущего дома он не может и не хочет...»¹.

Я хотел бы вспомнить о том, как студент Литературного института им.А.М. Горького, молодой абхазский литератор и переводчик, Герой Абхазии Аслан Зантариа, с оружием в руках защищавший свою Родину от грузинских агрессоров в 1992-1993 гг., не раз прекрасно декламировал мне наизусть несколько страниц фрагментов «Тихого Дона» и с особым упоением зачитывал эпизод блестяще переданного страстного диалога Григория и Аксиньи на берегу Дона. У Аслана была феноменальная память. Мне казалось, что весьма эрудированный и одаренный абхазский литератор, изучавший тайны ремесла художественного перевода, учась в Литинституте и так сильно увлекавшийся Шолоховым, мог бы осилить в будущем проблему переложения шедевра русской и мировой прозы на абхазский язык. Однако судьбе было угодно, чтобы литератор-воин и боевой командир абхазского ополчения сгорел в вертолете, подбитом грузинскими оккупационными

¹ Искандер Ф. А. Воспоминания о романе. *Ласточкино гнездо*. Проза. Поэзия. Публицистика. М., 1999. (440 с.)

войсками над высокогорным с. Лата (в Абхазии). Аслан Зантария был по настоящему влюблен в русскую классику, в свои 19–20 лет он успел прочитать чуть ли ни всего Достоевского. Думаю, что и такие истории чрезвычайно важны для более полноценного представления картины русско-абхазских творческих взаимосвязей.

Интерес и внимание к творчеству великого русского писателя в Абхазии не ослабевали, начиная с 20-30-х годов. Частью родной литературы стал перевод повести «Судьба человека». Вещь была опубликована в первом номере литературно-художественного журнала «Алашара» («Свет») в 1958 г. и вышла отдельной книжкой в государственном издательстве Абхазии в том же году. Блестящий перевод был выполнен видным абхазским поэтом, прозаиком, публицистом, участником ВОВ 1941–1945 гг. Алексеем Джонуа. Примечательно, что судьба самого Алексея Несторовича, бежавшего из немецкого плена, во многом схожа с судьбой главного героя одного из лучших произведений о войне. Поэт-фронтовик также достойно озвучил на абхазском языке достаточно объемистый отрывок из первой книги романа «Тихий Дон» и опубликовал его на страницах журнала «Алашара» (1975, №5.). В разное время были опубликованы в переводе на абхазский язык рассказы М.Шолохова «Нахаленок» («Алашара», 1975, №8), «Жеребенок», «Кривая стежка» («Алашара», 1985, №5). Перевод был осуществлен известным абхазским прозаиком, превосходным стилистом Джумой Ахуба. Отрывок из 3-й книги «Тихого Дона» был также опубликован поэтом, прозаиком, переводчиком Владимиром Зантария на страницах национальной газеты «Апсны Капш».

В 1975 году журнал «Алашара» в 5-м номере разместил редакционную статью «Сила великого таланта», посвященную 70-летию со дня рождения М.А. Шолохова.

Музей-заповедник Шолохова в Вешенском и Абхазский университет: продолжение диалога

Хроника событий, связанных с жизнью и многогранным талантом Михаила Шолохова, пополняется новыми фактами и деталями уже в наши дни. Знаменательным событием в культурной жизни Абхазии и Юга России стала встреча в Абхазском государственном университете по случаю визита в нашу республику директора Государственного музея – заповедника М.А. Шолохова Ольги Анистратенко. Она состоялась по инициативе известного абазинского писателя, профессора и общественного деятеля Олега Этлухова в сентябре 2019 г. Здесь были заключены Договоры о сотрудничестве, посвященные развитию культурных, научно-образовательных и просветительских связей. Документ подписали ректор Абхазского университета, академик Алеко Гварамия, директор крупнейшего Шолоховского центра (музея) в Вешенском – Ольга Анистратенко, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, доцент, чл.-корр. АМАН Арда Ашуба, руководитель Национальной библиотеки РА Борис Чолария. Одним из приоритетных направлений планируемого взаимодействия станет популяризация великого творческого наследия Шолохова, дальнейшее углубление процесса художественного перевода лучших произведений русского классика на абхазский язык, приобщение к реализации этих задач писательских сообществ Абхазии и России, студенческой молодежи. На мой взгляд, весомым вкладом в современное шолоховедение могло бы стать проведение совместных научных конференций на тему: «Шолохов и проблемы литературных взаимосвязей» с привлечением российских и абхазских специалистов, писателей и культурологов. Под названием «Крепнет дружба Музея Шолохова с Абхазией» на сайте музея была опубликована корреспонденция Та-

тьяны Нектовой (от 30.09.2019 г.). Информация о встрече тиражировалась в различных СМИ и социальных сетях.

Я считал своим гражданским долгом внести некоторую ясность в документалистику, связанную с историей взаимоотношений М.А. Шолохова с Абхазией, ее творческой элитой. Работа над темой убедила меня в пунктирности, поверхностности ее прежнего освещения. Очень надеюсь, что пробелы будут восполнены в результате дальнейших научных поисков.

ТЕМА АБХАЗИИ В ПОЭЗИИ, ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ НИКОЛАЯ ТИХОНОВА

Прежде чем приступить к обсуждению произведений крупного мастера художественного слова, посвященных Абхазии, я хотел бы поделиться с вами мыслями о том, как процесс переоценки ценностей отразился на судьбе писателей, приверженных идеологическим трансформациям советской эпохи. К категории таких поэтов постмодернистская культурология и литературоведение склонны относить Николая Тихонова – автора некогда знаковых поэтических сборников «Орда», «Брага», поэмы «Сами», последователя Н. Гумилева, участника «Серапионовых братьев» (1921), считавших, что русская литература тех дней «удивительно чинна, чопорна, однообразна...». О заслугах Н. Тихонова в реформировании и возрождении жанра баллады писал в свое время писатель, профессор, литературовед и критик Юрий Тынянов, который, в частности, отмечал, что «впечатление, произведенное тихоновской балладой, было большое. Никто еще так вплотную не поставил вопроса о жанре, не осознал стиховое слово как точку сюжетного движения...»¹. Видный представитель русского формализма, также заметил, что «Тихонов довел до предела в балладе то направление стихового слова, которое можно назвать гумилевским, обнаружил жанр, к которому оно стремилось...»².

¹ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С.575.

² Там же. С.575.

Думаю, также было бы уместно вспомнить здесь слова писателя, публициста, автора культового романа-антиутопии «Мы» Евгения Замятина, который писал: «...К этому времени созрели два новых первоклассных поэта: Б.Пастернак – в Москве и Н.Тихонов – в Петербурге...»¹.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что к мастерам, жившим и творившим «на жестком сквозняке времен и событий», критика предъявляет ныне новые оценочные критерии. Но, видимо, при этом, на мой взгляд, разумнее было бы избегать слишком опрометчивого «сбрасывания классиков с парохода современности...», ведь истинный талант при всей его идеологической ангажированности, не перестает быть талантом. Хотел бы в этой связи процитировать мысли исследовательницы из Карачаево-Черкесии Алимат Эркеновой:

«Но сейчас настает время, когда необходимо, как говорится, отделить зерна от плевел. И из этого огромного советского литературного наследия, выделяются произведения, имеющие определенную высокохудожественную ценность. М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, несмотря на коммунистическую матрицу, применяемую ими в жизни и творчестве, навсегда останутся в истории российской и мировой литературы как великие художники слова. Наверняка, этот процесс будет продолжительным, и время отшлифует еще некоторые имена советских писателей, которые займут почетные места в новейшей литературной истории России. В свете этой тенденции творчество Н. Тихонова может претерпеть новый этап переосмысления читателем, новую литературную реинкарнацию...».

А теперь я хотел бы коснуться конкретных вопросов, связанных с кавказской (в частности, абхазской) тематикой классика.

В творчестве Николая Тихонова занимает значительное место – Кавказ с его драматичной, но в то же время

¹ Замятин Е. Собр. соч. в 5 томах. М., 2010. Т. 4. С.252.

героической историей, восхитительной роскошью природы, древней, глубоко самобытной и полифонической культурой, богатыми духовными истоками, яркими и на редкость многовариативными эпосами. Крупный мастер художественного слова, известный публицист, переводчик строил свои представления о горцах не на умозрительных представлениях о их традиционных ценностях, а на непосредственном опыте долгого общения с ними, с видными представителями интеллигенции кавказских республик. В тридцатых годах прошлого столетия Н.Тихонов, посетив Дагестан, объездил всю страну, под впечатлением увиденного и услышанного создал ряд ярких и колоритных образов. Чего стоят, например, такие живописные зарисовки: «Кони дружно шли по берегу Самура. Я оглянулся на маленький городок, домики которого стояли на плечах друг у друга, они были какие-то одинаково серые, с маленькими балконами, висевшими над серыми скалами...».

В корпус замечательных текстов о Кавказе входят и рассказ «Пламя Осетии» (1963), и циклы «Стихов о Кахетии», и сборник «Грузинская весна», и множество других поэтических и прозаических произведений Николая Тихонова. Его путевые заметки «Дни открытий» посвящены Армении. Признанный мастер перевода превосходно озвучил на русском языке наиболее яркие произведения видных армянских поэтов.

Примечательно, что знакомство русского поэта с Арменией началось со «Сборника армянской литературы» Максима Горького и «Поэзии Армении» Валерия Брюсова.

Особую нишу в этнохудожественных изысканиях поэта, посвященных Кавказу, занимают переводы классического литературного наследия горских народов. Они могли бы составить полноценную переводную антологию «Перлы кавказской художественной словесности...». Примечательно, что Николай Тихонов не только блестя-

ще перевел на русский язык образцы осетинской детской поэзии, но и издал их отдельной книгой.

Если рассматривать вещи, созданные Николаем Тихоновым на тему Абхазии, ее природы, истории, этнографии, культуры в сравнении с тем, что он успел написать о других уголках седого и многообразного Кавказа, то они незначительны по своим объемам. Но весьма содержательны, высокохудожественны, проникновенны, и на редкость ценны для исследования и восприятия психологии и характера нашего народа, понимания его ментальности, духовного стержня. К сожалению, Абхазию обошли вниманием, не коснулись энергичные усилия литературных бригад, созданных по инициативе Горького, хотя Алексей Максимович не раз бывал в «Стране души», оставил замечательные тексты, посвященные абхазскому миру, словесности и народной философии.

Николай Тихонов впервые приезжает в Абхазию в 1928 году. Эта дата отмечена самим писателем в очерке «Беседы в стране души». В книге известного абхазского краеведа Вианора Пачулиа «Русские писатели в Абхазии» подробно описано достаточно экзотичное путешествие русского советского поэта и его спутниц из Гудауты в Пицунду. Одной из спутниц в походе, сопряженном с немалыми трудностями и препятствиями, была супруга поэта, художница Мария Неслуховская, работавшая в Ленинграде режиссером кукольного театра.

«... А берег над нами начинает возвышаться все круче. И камни в воде все больше. Но я вспомнил, что по дороге должно быть такое живописное место – Мюссера... И тут началось. Отвесный «берег подошел «к самому морю. Голову закинешь – высоко, высота метров шестьдесят, не меньше, видна листва, и оттуда сыплются камни, то маленькие, то довольно увесистые, – вспоминает Николай Тихонов. – Каждый мыс надо обходить по суше, потому что по воде нельзя: скала отвесная, не всюду пройдешь. А

в воде такие скользкие камни, что по ним с трудом можно передвигаться. Руки на камень кладешь, чуть опустив в воду, и крабы бегут к ним со всех сторон...»¹. Далее поэт достаточно рельефно вплетает в художественную ткань своего повествования, сюжет об орле, обитателе Мюссерского лесного массива, вдруг неожиданно и властно продемонстрировавшего непрошеным гостям свое господство над этим пустынным и полудиким побережьем.

«Наша спутница шла впереди меня по скальному карнизу и должна была обогнуть очередной мыс. Но вдруг она так стремительно отскочила от поворота скалы, что чуть не сшибла меня в море. Над ней в воздухе я увидел нечто вроде коричневого старого войлока. Я бросился вперед, – пишет Николай Тихонов, – надо мной висел огромный бурый орел. В жизни я не видел так близко от себя разъяренную птицу. У него так злобно горели глаза, что я пустил в него обломком подвернувшегося под руку камня. Перед нами лежала туша дельфина, которую терзал стервятник. Он думал, что мы собираемся отнять ее у него. Но мы перешагнули через дельфина и пошли дальше. Орел, продолжая злобно клёкотать, опять принялся за свое.

Мы продолжали свой головоломный путь. По дороге в углублении между скал была вбита целая шхуна. Надпись на корме «Ураган». Вот уж действительно по капризу урагана она оказалась над нами. Я взобрался на скалу, посидел на борту шхуны, покурил папиросу, и мы отправились дальше, спеша до темноты выбраться из этого хаоса скал и волн»².

Историк, краевед, кандидат исторических наук В.П. Пачулиа дополняет весьма занимательный рассказ русского писателя об экспедиции в сторону Пицунды малоизвестной информацией о том, почему он так стремился попасть на территорию знаменитого абхазского городища, до начала I в. до н.э. входившего в Понтийское царство:

¹ Тихонов Николай. О времени и о себе. «Знамя», №8, 1977. С. 104.

² Там же. С. 104.

«На заповедном мысу Николай Тихонов осмотрел руины древнего города Питиуса и средневековый величественный православный храм. Следует заметить, что этим выдающимся архитектурным сооружением с начала XIX века интересовались многие деятели русской культуры, а в 1845 году за его реставрацию взялся талантливый русский архитектор Петр Петрович Норов, который в труднейших условиях приступил к составлению проекта восстановления Пицундского храма. «Причем не кое-как, а с полным сохранением стиля этого сооружения...К сожалению, старания Норева не получили поддержку, и он 18 ноября 1858 года скончался вдали от родных мест в Тифлисе...»¹.

Начиная с 1944 года Н.С. Тихонов неоднократно посещает Абхазию. Посвящает ей стихотворения «Абхазский пейзаж», «Сосны Пицунды», «Санчарский перевал» и др. Встречается здесь с простыми людьми, с представителями абхазской интеллигенции.

Стихотворение «Сосны Пицунды» увидело свет в 1972 году на страницах журнала «Смена» (№15). Отмечу, что тема реликтовой Пицундской сосны нашла яркое воплощение в произведениях многих абхазских и русских авторов. Так, например, в свое время достаточно эмоционально и экспрессивно воспроизводил в памяти поэт-имажинист Анатолий Мариенгоф впечатления от соприкосновения с неповторимой пицундской природой:

«...Рядом с ними наши подмосковные вековые сосны казались тонкими юными деревцами. Я был так увлечен Пицундой, что даже перестал читать газеты. А у себя дома, в Ленинграде, они мне казались столь же необходимы, как две утренние чашки крепкого кофе.

Мы с Никритиной ходили и ходили по толстым мягким коврам из желтой хвои. До войны в царскосельских дворцах лежали почти такие же роскошные ковры...»².

¹ Пачулия В.П. Русские писатели об Абхазии. Сухум, 1980.

² Мариенгоф А. «Это вам, потомки!». Из-во «Вагриус». 1998.

В стихотворении «Сосны Пицунды» Н. Тихонов производит великолепный пейзаж достаточно живописно, картинно, пространственно. И этой картинной зрелищности придают особую значимость метафорические сцепления, подсказанные поэту историей и мифологией:

Пицундские сосны, я видел вас
Во всей первозданной красе,
Когда вы стояли, в полдневный час,
На пустой, песчаной косе.
И чёрный буйвол – древний убых –
Из моря, прям и высок,
Словно Юпитер, из пен голубых,
Выходил на белый песок...

Здесь мифопоэтическое восприятие буйвола, ассоциирующегося с образом древнего убыха, подспудно несет в себе мысль о неразрывности, внутренней духовной слитности природы и человека, пронесшего через века очистительную первозданную красоту. И дальше Николай Тихонов броскими сюрреалистическими мазками дает читателю возможность соприкоснуться с таинственностью магической связи человека с землей, в недрах которой продолжает бурлить волны великих исторических потрясений.

И солнце он нёс на рогах, и мне
Казался мира отцом,
А белые лилии в тишине
Вокруг стояли кольцом.
И тишина звенела в ушах;
Казалось, место нашли,
Чтоб здесь человечья встречалась душа
С бессмертной душой земли.

А в заключительной части стихотворения, где мастер вновь возвращает нас к соснам, как стержневому обра-

зу, ощутиее субъективное начало, стремление поэта стать символическим олицетворением стойкости и величия духа, воплощенного в образе реликтовых, самовозрождающихся пицундских сосен:

А дни, как волны, теряют след,
За вестью уносят весть,
Не счесть вам реликтовых ваших лет,
И мне своих лет не счесть.
Что ж, сосны Пицунды, в далёкий час
Шумела и наша весна,
И буйвол и лилии были у нас,
Была и своя тишина.
В стране же, что старостью мы зовём,
Живёт со мной моря кусок,
Те дни, куда мы в сновиденьях идём,
То солнце, те сосны, песок...

Совмещение образов и буйвола, и лилий, и воображаемого «куска пицундского моря» в одном ассоциативном ряду, на мой взгляд, отнюдь не случайно, тем более что, они внесены в диковинную палитру стиха не ради экзотики, традиционно используемой разными поэтами при описании черноморского ландшафта. Эти символы, несут в себе и архаику, и первозданность абхазской природы, и внутреннюю духовную связь между ними.

Много тепла, энергии, вдохновения вложено в еще одно стихотворение поэта, носящее название «Абхазский пейзаж». Здесь в каждой строке присутствует ощущение пережитого, прочувствованного знакомства с абхазскими горами, лесами, с ущельями, реками, чудотворно оживающими под пером мастера:

Впадавшую в море увидел ее,
Гумисту, текущую плавно.

К ногам положила мне сердце свое
Из крепкого, смуглого камня.
Другого не может и быть у реки,
Рожденной на каменном ложе
И с детства зажатой в такие тиски,
Что вспомнить без гнева не может...

Думается, что в подтексте последних двух строк процитированной строфы («и с детства зажатой в такие тиски, что вспомнить без гнева не может...») сокрыт переносный аллегорический смысл, косвенно раскрывающий атмосферу неволи, чужеземного владычества и кабалы, от которых долгое время стремилась освободиться Абхазия. И Николай Тихонов, не раз посещавший нашу страну, не мог не знать о трагических перипетиях древней абхазской истории. Далее поэт еще ярче, экспрессивнее представит нам всю роскошь абхазского пейзажа, очень тонкими и значительными штрихами уместая в одном художественном пространстве и «бессердечие гор, с головою покрытых льдом» и «пенистый взмет черноморской волны». И в этой картине невозможно найти ни одного фальшивого мазка, потому что вся она навеяна вдохновением и трепетным восприятием не блекнувшей красоты кавказской природы.

А горы, что шли, громоздясь, над рекой,
Громадою леса покрыты,
И сердце зеленой громады такой
Из лучшего было самшита.

А леса повыше, за Бзыбским хребтом,
Взобравшись на каменный ворох,
Стоят, с головою покрытые льдом,
Совсем бессердечные горы.

От края до края отсюда видны
Абхазские выси и доли,
И пенистый взмет черноморской волны,
И свет винограда веселый.

Сады и поля и дороги струна...
Гляжу – не могу наглядеться,
– И все это вместе согрето сполна
Большим человеческим сердцем!

Наиболее значительным, ярким из прозаических и публицистических произведений Н.Тихонова, посвященных Абхазии, безусловно, является эссе «Беседы в Стране души». Он опубликован в 1964 г. в журнале «Знамя». К этому времени классик, часто посещавший наш край, и, по всей вероятности, знакомившийся с серьезными исследованиями по ее истории и этнографии, с заметными произведениями крупных мастеров абхазского художественного слова, успел накопить достаточно информации о тернистых и драматичных путях развития Абхазской республики. Тем более, что он не мог не знать посвященных Абхазии замечательные стихи, рассказы, очерки, зарисовки А. Чехова, М. Горького, В. Каменского, В. Соллогуба, Н. Асеева, О. Мандельштама, И. Бабеля, А. Толстого, К. Паустовского, К. Федина, Л. Леонова, М. Шагинян, А. Белого, А. Чивилихина, С. Кирсанова и многих других мастеров слова. Вместе с тем, автор «Беседы в стране души» по стилю, слогу, манере письма, умению не только мастерски отобразить великолепие абхазской природы, но и заглянуть в душу ее древних обитателей, на мой взгляд, не уступает своим предшественникам, открывшим миру эту землю, овеянную легендами. И эти особенности мироощущения Н. Тихонова, дают знать о себе уже с первых строк:

«Когда после дремучих, оглушающих безмолвием хвойных лесов северного склона, после снежных полей,

серых гранитных морщинистых громад великого хребта вы ступите в ярко-зеленые абхазские пределы, вас не только поразит обилие зелени и влаги, но вы почувствуете рядом присутствие этой солнечной, вольной, гордой абхазской души, по имени которой названа страна....».

Я не буду цитировать фрагменты очерка, в которых писатель чуть ли ни с придыханием рассказывает нам об уникальной абхазской флоре с ее знаменитыми эндемиками. Предложу вашему вниманию лишь те сюжеты, сквозь магическую призму которых узнаете о некоторых привлекательных нюансах весьма самобытного и уникального абхазского быта: «В скромных жилищах, стоящих на высоких склонах в окружении патриархальных ореховых деревьев, над виноградниками, стенами кукурузы, табачными плантациями, в этих так называемых «пацхах», где перед домом на палках – лошадиные черепа, вы познакомитесь с мирным, трудолюбивым народом, со всем своеобразием абхазской жизни, никак не похожей на жизнь больших городов севера... Вечером после ужина вы будете сидеть под семейным ореховым великаном и слушать абхазские песни, которые поет хозяин, пощипывая струны апхиярцы – абхазской двухструнной скрипки...».

Далее Николай Тихонов плавно спускает нас с казалось бы безмятежного царства сказочных холмов на шумную и многоголосую сухумскую набережную, где было достаточно ощутимо и осязаемо, что волны всемирной цивилизации и своевольной истории норвеят внести свои существенные поправки в автохтонность устоявшейся культуры абхазского Причерноморья. Он делится с нами мыслями и ощущениями:

«Морской ветер наполняет паруса воспоминаний. Какие только корабли не бросали свои якоря у этих берегов, какие только человеческие судьбы не решались в городах, куда приплывали из Рима, из Афин, из Византии!

Здесь, сойдя с корабля, шли по горным тропам со своими товарами купцы из Генуи и философы, изгнанные с берегов Босфора. Бури времен и морские бури с одинаковой силой старались смыть прошлое, память о людях, живших когда-то в этих местах. В хорошую погоду в море просматриваются темные очертания стен, волны выбрасывают предметы далеких веков к ногам современных сухумцев. Сегодня аквалангисты смело бродят по морскому дну, наступая на плиты, обработанные мастерами древности...».

Затем поэт мысленно возвращается к событиям тридцатипятилетней давности, и сравнивает тогдашний Сухум с сегодняшним, отмечая разительные социальные и цивилизационные перемены, произошедшие с того времени: «Тридцать пять лет назад я впервые пришел с гор в Сухуми. Нет, он не был похож на сегодняшний, залитый электрическим светом, асфальтово-пальмовый, сверкающий зеркальными окнами, полный пестрых машин и людей в белых костюмах, приморский, новый, современный город. После тишины и горных троп я окунулся в водоворот жаркой пестроты, был оглушен многозвучием Сухуми, как будто в городе была непрерывная ярмарка. Все гудело, звенело, ошеломляло своей новизной...». Изощренный слух и наметанный глаз мастера позволяют ему мгновенно улавливать и импульсивно реагировать на открывающееся перед ним зрелище: «...Лязг якорных цепей, шум лавок, гортанные голоса, стук подков, звон стаканов, пронзительный вопль неожиданной пляски, крики грузчиков – все сливалось в какой-то гимн морю, неистовой жизни, азарту, городу. В кофейнях играли в нарды, пили из крошечных чашек тяжелый густой напиток, курили кальян, как во времена султанов. Какие-то люди в пестрых лохмотьях, с независимым видом грелись на солнце, похожие и на морских пиратов и на статистов из экзотического фильма. Легконогие, гибкие, до костей прожженные солнцем абхазцы окружали меня.

В них жила дикая гордость вольности, они были, несмотря на бедность своего существования, жизнерадостны и внимательны к бедствиям соседа. Язык их был звучен и дышал драматичностью...».

За этим достаточно утонченным (моментами стереоскопичным) описанием следует портретная характеристика, укрупнение образов, динамизм подачи которых исходит преимущественно от наблюдательности писателя и его страстного стремления познать внутренний мир людей, их психологию, скрытую за их привлекательной фактурностью: «Даже когда простой всадник, не слезая с лошади, вступал в разговор с обступившими его горожанами, нельзя было понять со стороны, обмен ли это любезностями или новостями, или шумная ссора, и сейчас пойдут в ход кинжалы или даже пистолеты. Но всадник проезжал дальше, и народ расходился. Ничего не происходило. На набережной было много гуляющих, и тут уже заметны были приезжие. Там же под пальмами прогуливались два старика-абхазца. Они шагали медленно, изредка перекидываясь короткими фразами. Их длинные миндалевидные глаза были полны безмятежного высокомерия. С таким же высокомерным изяществом они показывали свои совершенно одинаковые дымчато-голубого цвета черкески. На тончайшем сукне остро выделялись тяжелые посеребренные газыри. Легчайшего белого сукна башлыки с золотыми шнурами были щегольски обмотаны вокруг головы...».

На мой взгляд, контрастность образов абхазских долгожителей и дворян, пытавшихся сохранить свое честолюбие даже при утрате своих прежних регалий и высокого социального статуса, не просто подмечена Николаем Тихоновым отдельными мазками, но и великолепно разыграна: «Ястребиные профили и руки стариков цвета старой слоновой кости были великолепно своей откровенностью от окружающей их городской суеты. Ка-

залось, что они посланцы из какого-то другого мира. И хотя их руки картинно лежали на узких, прямых кинжалах, покоившихся в ножнах филигранной работы, не верилось, что в этих тонких, прозрачных пальцах может за сверкать старая сталь. Мне сказали, что эти старики принадлежат к очень старинным известным фамилиям, но их гордость сегодня равна их безвластию. Это были владыки вчерашнего дня: им уже ничего не принадлежало в совершенно изменившемся мире. Но они делали вид, что не замечают других людей, что набережная принадлежит только им, и редко кого они приветствовали, притом таким легким, почти, неуловимым жестом, что со стороны казалось: они просто смахивают комара со щеки...».

И на фоне подобного картинно-скульптурного описания абхазов, архетипичность характеров которых Н.Тихонов пытался постичь не только созерцая их внешне, но и изнутри, в эссе «Беседы в Стране души» еще больше художественно-познавательного интереса вызывает образ великого поэта, мыслителя, исполина национального духа Дмитрия Гулиа. И здесь во имя достижения яркой пластичности портрета своего героя русский писатель пускает в ход широкий арсенал своих эпитетов, сравнений и метафор, при этом не допуская их перебора:

«Неподалеку от старой крепости стоял и смотрел в море человек невысокого роста, с очень выразительным лицом, с гладкими седыми волосами, с крепкими белыми усами, спокойный, задумчивый, строгий. Он был похож на ученого, размышляющего над сложной проблемой и вышедшего подышать вечерней прохладой из кабинета, заваленного книгами и рукописями. Если абхазцы в дымчато-голубых черкесках явно принадлежали прошлому, то этот, как бы выточенный из смуглого самшита, стройный человек с профилем морской птицы, с добрым глубоким взглядом, был вполне современен, хотя мог бы, улыбаясь, сказать, что этих старых гордецов с кинжала-

ми он научил в свое время читать и писать, дав им первую абхазскую азбуку, и не только азбуку. Его называли Кириллом и Мефодием абхазского народа. Это был Дмитрий Гулиа, основоположник абхазской литературы... Сколько я ни виделся и ни говорил потом с Дмитрием Гулиа, я всякий раз с наивным удивлением смотрел на него и никак не мог понять, откуда берет он столько энергии и силы, столько веры в жизнь, столько уверенности и мужества...».

Николай Тихонов посвящает немало проникновенных строк титаническим усилиям абхазского патриарха, стоявшего у истоков создания родной письменности, национальной литературы, театра, абхазской школы, краеведения, историографии, национальной печати. Но вновь искусно переходя от частных, конкретик, неизбежной фактографии к абстрагированию, обобщению образа Д.Гулиа, блестящий эссеист отмечает: «Но все, что он сделал для родного народа, досталось ему с великим трудом. Обиды и гонения преследовали его со всей несправедливостью, на которую способна слепая и безумная злоба. Но он выстоял и не ожесточился. Его вера в будущее спасла его от отчаяния, в которое неизбежно впал бы человек слабее его духом. Дмитрий Гулиа поднял такие труды, какие под силу плечам великана, какого-нибудь горного дэва, и, думая о нем, я всегда проникался особым чувством уважения и восхищения, потому что сделанное им для своего маленького народа невероятно велико для одного человека. Я люблю, когда человек много берет на себя, не жалея сил, но такая щедрость ума и такая доброта характера – откуда они берутся? Как будто сам народ взял и создал по своему подобию выразительных своих чувств и чаяний...».

Н. Тихоновым в подробностях переданы тонкости его неоднократных непринужденных дружеских встреч и бесед с Дмитрием Гулиа. Здесь писатель рассказывает о муках и мытарствах семьи Дмитрия Иосифовича,

связанных с махаджирством (массовой депортацией абхазов на турецкую чужбину), о его романе «Камачич» и драме «Призраки», которые Николай Семенович оценивает высоко. Русский писатель ссылается на мысли Д. Гулиа об абхазском Прометее-Абрыскиле, об украинском поэте Тарасе Шевченко, на могиле которого он когда-то побывал. Н.Тихонов цитирует слова абхазского мудреца о том, что «...абхазский народ – древней культуры. Еще летописец Нестор говорит об «обезах», абхазцах, приходивших в Киев участвовать в построении церкви святой Софии при князе Владимире...».

В одном из фрагментов очерка, Николай Тихонов делится со старшим собратом по перу, впечатлениями об абхазских скачках... Мудрец реагирует на эмоции русского собеседника достаточно сдержанно, но разговор об абхазских жокеях наталкивает его на философские мысли о великих прашурах и мифических богатырях. В словах Гулиа узнаваемы нотки неприятия технического прогресса:

«Все можно сделать для того, чтобы юноши и девушки росли крепкими и сильными. Но увы! Все меньше всадников, все больше машин. Возьмите наши древние легенды – сколько богатырей, какая сила и храбрость! Даже античные писатели, которые видели Эльбрус с моря от Сухуми, признали, что Прометей был прикован к вершине на Кавказе. Прометей – ведь это наш Абласкир, свой человек, абхазец. Но теперь другие времена. Молодых людей влечет техника, они хотят летать, и летать высоко. Это их право. Их отцы слишком долго ходили по земле. Дети хотят испытать свои крылья...» Этот диалог происходил в ту эпоху, когда в Абхазии было очень мало машин. Мне кажется, что если бы великий абхазский поэт и прорицатель стал бы вдруг очевидцем страшных последствий современной технократии и автомобильного суицида, то он не так мягко выражал бы свой протест против машин...».

Значимость и художественно-философское воздействие эссе весьма эффектно усиливаются за счет неожиданных переходов от интерпретации вполне реалистичных сюжетов к притчам: «Он посмотрел в окно на горы, по которым ползли низкие облака. – Когда-то я был один, как это странно! Такая судьба! Иногда судьба мне кажется медведем... – Медведем, – спросил я, – почему медведем?».

Седовласый абхазский мудрец и философ отвечает на вопрос русского писателя воспоминаниями об одном достаточно анекдотичном, но нравоучительном случае в своей жизни: «– А вот послушайте. Один старый охотник сел в засаду ночью на медведя на той тропе, по которой тот приходил ломать кукурузу. Охотник положил ружье себе на колени да и задремал. Вдруг просонья чувствует он, что кто-то его взял, поднял и понес. Смотрит, а это медведь подкрался неслышно, облапил, да и куда-то несет. Охотник не дышит, не шевелится. Было это недалеко от моря. А там была большая песчаная яма, и в эту яму медведь и бросил охотника. Но тот упал на выступ и лежит, голоса не подает. Медведь сломал его ружье и бросил в яму. Оно шлепнулось в воду на дне ямы. Медведь прислушался. Стал кидать камни, ветки. Кинет – и слушает. Охотник прижался к стенке и молчит как мертвый. Надоело медведю кидать, решил, что кончил врага, и пошел в лес косолапый. А охотник, как рассвело, вылез и, к своему удивлению, увидел, что жив и здоров, и даже может радоваться солнцу, что над морем встает... Вот мне кажется, что судьба не раз бросала меня, как тот медведь охотника, в яму, но, пошвыряв в меня всем, чем попало, удалялась, а я благословлял жизнь и приветствовал светило нового дня!..».

Завершая анализ тихоновского эссе об Абхазии, ее истории и культуре, следует отметить, что оно не лишено некоторых погрешностей, вызванных попытками авто-

ра совместить высокий стиль повествования с некоторой пропагандистской патетикой языка произведения. Однако незначительные отпечатки тогдашних идеологических стереотипов и клише ничуть не принижают, на мой взгляд, художественного достоинства очерка, пополнившего литературную антологию, посвященную Абхазии.

На мой взгляд, весьма оригинально описана и поездка Н. Тихонова на Кодор вместе с сыном и дочерью патриарха абхазской литературы – Георгием и Татьяной Гулиа. Здесь русский поэт знакомится с родными пенатами Дмитрия Иосифовича и по возвращению оттуда делится с ним своими впечатлениями. В будущем Георгий Гулиа становится известным писателем и не раз судьба сведет его с Николаем Тихоновым на литературных перекрестках.

Недавно я нашел на просторах Интернета уникальную фотографию, запечатлевшую встречу Георгия Гулиа и Николая Тихонова с отдыхающими Сухумского военного санатория ЗакВО. Творческая встреча состоялась в октябре 1949 г. Фотография свидетельствует о том, что на литературный вечер с участием классиков советской литературы пришло множество офицеров Советской Армии. Это были нелегкие для Георгия Гулиа времена, когда ищейки бериевского НКВД пытались пришить автору «Весны в Сакене» («Водоворота» и «Черных гостей») антисоветчину, национализм и прочие сфабрикованные обвинения. И на мой взгляд, его личные связи с Н. Тихоновым, К. Симоновым и др. видными мастерами слова, возможно, и предостерегали тех, кто навешивал ярлыки на абхазского писателя, от принятия еще более опасных решений. В этой связи, я хотел бы процитировать фрагмент из воспоминаний о Г. Гулиа писателя, публициста Юрия Изюмова: «В 1947 году написал первое крупное произведение – повесть «Весна в Сакене», чистую романтическую вещь о послевоенной жизни абхазской молодежи. В том же году судьба сводит

его с Константином Симоновым, главным редактором «Нового мира». Прочтя повесть, Симонов взял её для публикации в журнале и в 1949 году напечатал, после чего над автором нависли чёрные тучи. Грузинские власти, третировавшие абхазов, обвинили его в национализме, что грозило не чем-нибудь, а 58-й, грозной политической статьёй. Положение усугублялось тем, что как раз в это время Берия готовил выселение абхазов с их родных мест и заселение Черноморского побережья грузинами. Он родился в мингрельском селе неподалёку от Абхазии. В тех местах, где все всё про всех знают, известно было, что в школе Берия ни с кем не дружил, был замкнут и странен, а став главой НКВД, уничтожил всех одноклассников. По его указанию в «Правде» была подготовлена разгромная рецензия на «Весну в Сакене», предназначенная навсегда вывести Гулиа из литературы, а, возможно, и из жизни...». Не менее важны и привлекательны с моей точки зрения и другие факты, о которых рассказывает Юрий Изюмов: «Но «судьба Онегина хранила». Повесть прочитал Сталин. Вызвал Поскрёбышева и, возвращая журнал, промолвил: «Талантливая книга. Я знаю Гулиа (он действительно неплохо знал его ещё с 30-х годов, их познакомил Лакоба), но видно, что писал молодой человек. Кто он?» На следующий же день в «Правде» появилась панегирическая рецензия. Однако Симонов, зная нрав Берии и грузинские порядки, немедленно вызвал Георгия Дмитриевича в Москву и сделал членом редколлегии «Литературной газеты», которую с 1950 года редактировал. Поступок вроде бы неожиданный, но, сам одарённый многими талантами, Константин Михайлович не раз сюрпризом приводил в редакцию перспективную молодёжь...».

Думаю, что Николай Тихонов, как и Константин Симонов, поддерживавший тесные контакты с Дмитрием Гулиа и его семьей, не мог оставаться равнодушным к

событиям, предопределявшим дальнейшую судьбу Георгия Гулиа. На мой взгляд, эти моменты нуждаются в дальнейшем исследовании с использованием для этого архива, переписки писателей, публикации газет и журналов того периода.

Занимаясь изучением данной темы, я успел освежить в своей памяти информацию о переводах произведений Н. Тихонова, выполненных в разное время абхазскими писателями. И в этом мне помогла библиография журнала «Алашара» (Свет), составленная доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником ИМЛИ, членом-корреспондентом АНА, В.А. Бигуаа. Блестящий перевод очерка «Беседы в стране души» был осуществлен крупным мастером абхазской прозы Алексеем Гогуа. Перевод поэмы «Киров с нами» принадлежит перу известного поэта Кумфа Ломиа. Им же переложена на абхазский язык знаменитая «Баллада о гвоздях». В абхазской периодике разбросаны также переводы других произведений Н. Тихонова, в том числе, посвященных Абхазии.

Сам Николай Тихонов также внес свой значительный вклад в процесс переложения на русский язык некоторых лирических произведений абхазских авторов. Да, в них достаточно ощутимы отголоски декларативности манеры, некоторой искусственности пафоса, воспринимаемых как издержки идеологизации литературы той эпохи. Но, к сожалению, и оригиналы страдали излишней риторичностью.

На просторах Интернета часто появляются фотографии, запечатлевшие Назыма Хикмета с абхазскими классиками Багратом Шинкуба, Иваном Тарба, Кумфом Ломиа в одном из парков Сухума. Фотоснимок датирован 4 апреля 1955 г. Есть информация о том, что накануне при-

езда турецкого поэта –диссидента в Абхазию, абхазские писатели издали его книгу стихов в переводе на абхазский язык. Видимо, не все знают о том, что знаменитый поэт-вольнодумец, революционный романтик Назым Хикмет, бежавший в СССР от преследования турецких властей, некоторое время находился и в Абхазии. Эта тема нашла интересное отражение в абхазской поэзии, в частности, в стихах Алексея Ласуриа, Ивана Тарба и других маститых авторов. Не исключено, что Н. С. Тихонов содействовал налаживанию этих контактов.

Как известно, Николай Тихонов, Константин Симонов, Илья Эренбург, встречавшие в 1951г. в аэропорту Внуково турецкого коммуниста-эмигранта, поэта-диссидента Хикмета (по поручению высшего политического руководства советской державы), к тому времени поддерживали тесные связи с абхазскими классиками, в частности, с народным поэтом Абхазии Багратом Шинкуба, председателем Союза писателей Абхазии Иваном Тарба, у которого позже завязались личные дружеские отношения с турецким собратом по перу. Думаю, не случаен тот факт, что в число стихотворений, превосходно переведенных Николаем Тихоновым с абхазского на русский язык, вошло и посвящение И. Тарба – Хикмету. В переводе сохранены и некоторые психологические моменты. Прочитую лишь первые две строфы:

Мы стояли с тобой на вершине Сухумской горы,
И плескалось море внизу синевой на камнях,
И какая-то сила держала твой тайный порыв,
И какое-то горе таил ты в душе от меня.

Говорил ты, как будто не думая сам ни о чем,
Но в душе ждал вестей, и о них была дума строга,
И глаза тосковали, тоска эта была ключом,
И твой слух устремлен был к далеким от нас берегам...

Примечательно, что народный поэт Абхазии, академик Мушни Ласуриа, будучи в 60-е годы студентом Московского литературного института им. А.М. Горького, имел возможность вживую услышать яркую речь Н.Тихонова на юбилее туркменского поэта Махтумкули в Центральном доме литераторов. В памяти абхазского поэта русский поэт остался непревзойденным оратором, виртуозом художественного слова.

Мушни Ласуриа рассказал мне еще об одном интересном факте. В 1948 г. Николай Тихонов приехал в Абхазию вместе с Сергеем Михалковым. Знакомство классиков с нашей страной по традиции начиналось с посещения дома Дмитрия Гулиа. Это были тяжелые для Абхазии годы, когда она крайне нуждалась в моральной поддержке русской интеллигенции. С 1946 по 1954 гг. были закрыты абхазские школы, из учебной программы исключены абхазские предметы, насильственно внедрялся грузинский язык, преподавание методом палочной системы велось грузинскими учителями, специально переселенными из районов Западной Грузии. Были запрещены национальная печать и радиовещание. Шла сплошная вивисекция абхазской историографии и топонимики. И для Дмитрия Гулиа, стоявшего у истоков возрождения абхазской письменности, историографии, краеведения, национальной литературы, православных традиций, любые такие контакты с представителями русской интеллектуальной элиты, становились надежной опорой в процессе выживания и самосохранения абхазского этноса, его культуры. Мушни Ласуриа владеет информацией и о других нюансах общения Н.Тихонова и С. Михалкова с абхазской интеллигенцией. Диалог продолжился в гостеприимном доме родственников Дмитрия Иосифовича – Темура и Гача Барганджия в с. Тамыш. Здесь по традиции застольные ритуалы плавно и естественно перетекали в задушевные литературные беседы.

В книге, посвященной жизни и творчеству Д. Гулиа, Хухут Бгажба и Корнелий Зелинский, значительное внимание уделили образу первопроходца абхазской литературы, созданному Н.Тихоновым. «И я уже знал о нем многое, – цитируют русского поэта соавторы вышеупомянутого исследования, – правда, тогда не было книг, подобных той, что написал Георгий Гулиа, с большим талантом и не меньшим тактом рассказавший мучительную и убедительную жизнь своего отца – великого просветителя абхазского народа...»¹

Следует коснуться хотя бы вкратце еще одной страницы взаимосвязей русского поэта с абхазскими писателями.

Достаточной известностью пользуется в нашей стране статья Николая Тихонова, предпосланная сборнику стихов видного абхазского поэта Ивана Тарба, – «Дорога, которой нет конца»². И в этой публикации, посвященной характерным особенностям творчества абхазского классика, русский поэт вновь возвращает читателя к теме самой Абхазии, ее духовного богатства:

«В Абхазии с древности человека окружает огромный, богатый мир всевозможных красот: морские волны набегают на берега, которые были известны еще легендарным аргонавтам, горы снежными шапками окружают ущелья и долины, полные запахов первобытных лесов и роскошных лугов. Сегодня Абхазия край тропического богатства, белых санаториев, бесконечных плантаций чая, табака, цветов, цитрусовых... Но она полна еще иным богатством, оправдывая свое имя – «Страна души». Она полна народными песнями, сказаниями, преданиями, сказками и стихами...»³.

¹ Бгажба Х., Зелинский К. Д. Гулиа. Сухум, 1965. С. 158.

² Тарба Иван. Дорога, которой нет конца... М., 1976. С. 3-4.

³ Тарба Иван. Дорога, которой нет конца... М., 1976. С. 3-4.

АБХАЗСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Кавказ издревле славился своими великими мыслителями, мудрецами, поэтами, философами. В этом прекрасном многоголосье особое место занимает выдающийся мастер слова Расул Гамзатов, покоровший во второй половине XX в. весь мир своими яркими художественными образами и афоризмами. Его глубокие размышления о человеке и природе, о жизни и смерти, любви и ненависти, мужестве и трусости, о времени и вечности сопутствуют нам на протяжении всей жизни. Порой они помогают нам осмыслить свою собственную сущность, противоречивую суть земного бытия, преодолеть психологические сложности и неурядицы, возвыситься над серой обыденностью. Проникновенные гамзатовские строки вселяют в нас уверенность и вдохновение, ободряют нас «в минуты душевной невзгоды». Поражает изысканность слога, неповторимое сочетание глубины мысли и гармонии ее яркого художественного воплощения. Эти перлы кавказского духа блестяще переложены на русский язык и языки многих народов мира.

Расул Гамзатов оказался одним из тех виртуозов кавказской словесности, кто не только удачно трансформировал философские идеи Хайяма, Рудаки и других титанов древневосточной поэзии, но в чем-то и превзошел своих духовных предшественников. И наиболее ярко, зримо и выпукло это проявилось в освещении темы извечного противоборства добра и зла.

Не может не восхищать соперничество мастеров художественного перевода Якова Козловского и Наума Гребнева с непревзойденным автором. Так тонко, колоритно, живописно и афористично воспроизводят они смысловую и художественную ткань гамзатовского стиха! Также отмечены высоким знаком качества и профессионализма переводы Роберта Рождественского и Якова Хелемского. Ведь многие тексты чародея аварского слова легли в основу лучших песен советской эпохи. Это и бессмертные «Журавли» и «Вдвоем с тобой», «С любовью к женщине», «Есть глаза у цветов», «Колыбельная», «Дай мне руку, друг!» и др. Думаю, по прекрасным вещам, созданным композитором Оскаром Фельцманом на слова Гамзатова, мы будем испытывать ностальгию еще долго, потому что они рождались в результате удивительного плодотворного сотворчества истинных жрецов высокого искусства. Разве можно забыть, как великолепно, одухотворенно и задушевно исполнял эти замечательные произведения один из ярчайших баритонов прошлого столетия Муслим Магомаев?

Расул Гамзатов дорог нам, абхазам, не только своим глубоко самобытным творчеством, неподражаемым остроумием, незаурядным художественным дарованием. Его связывали очень близкие отношения с нашими классиками: Дмитрием Гулиа, Багротом Шинкуба, Георгием Гулиа, Иваном Тарба, Киршалом Чачхалиа, Мушни Ласуриа. Посещение Расулом Абхазии датировано 1954 г. В Абхазском театре чествовали народного поэта Абхазии Д.И. Гулиа по случаю его 80-летия. Мушни Ласуриа вспоминает о том, что молодой, но уже известный и достаточно популярный поэт из Дагестана прибыл в Сухум с некоторым опозданием. Но организаторы юбилейного торжества дали гостю возможность поздравить юбиляра.

И эта недолгая, но волнительная встреча аварского поэта с патриархом абхазской литературы послужила поводом для создания воистину классического стиха, ставшего не только фактом истории абхазо-дагестанских литературных взаимосвязей, но и неотъемлемой страницей многообразной поэтической антологии Кавказа.

Смысловым и событийным стержнем произведения стал эпизод пребывания Расула Гамзатова в гостеприимном доме Дмитрия Гулиа, порог которого в разное время переступали многие маститые писатели.

Мой добрый хозяин, проститься позволь,
Тебе поклониться за хлеб и за соль,
Мои старший кунак, как отец, разреши
Тебя по-сыновьи обнять от души
За взгляд твой, исполненный к людям любви,
За добрые, мудрые руки твои!
Я жму твою руку, поэт дорогой!
Впервые ты вывел вот этой рукой
Абхазский алфавит – чтоб буквы цвели
И пели о солнце абхазской земли.

Начав с этой прекрасной, завораживающей прелюдии, аварский поэт обогащает образ старейшины абхазской и советской литературы еще более колоритными символами, эпитетами и сравнениями, благодаря которым седовласый и мудрый Дмитрий Гулиа предстает перед нами в некоем скульптурном слиянии с родной абхазской природой:

Девятый десяток – без малого век –
Живёшь ты, красивой души человек!
Хоть был я недолго в абхазском краю,
В глазах твоих видел всю землю твою:
Сухумского неба разлёт голубой

И солнечным полднем зажжённый прибор...
И вот, в Дагестан возвращаясь опять,
Хочу на прощанье тебе пожелать:
Пусть в дом твой дороги не знает беда,
Пусть друг на пороге стучится всегда
И пусть не посмеет встревожить твой сон
Недоброе карканье чёрных ворон.
Пусть щедро горит в твоём доме очаг,
Пусть пламя не гаснет в стихах и в очах!
Пусть гордо усы твои кверху глядят,
Закручены лихо – как годы назад!..
Пускай не сползёт по морщинам слеза,
Пусть зорче, чем в юности видят глаза!
Кунак дорогой, как отец, разреши
Тебя на прощанье обнять от души,
А дома тебя, мой любимый поэт,
Напомнит не раз мне отцовский портрет.

Это посвящение вошло в художественную летопись не только дагестанской, абхазской, но и всей многоголосой советской поэзии. Блестящий перевод стихотворения на абхазский язык был выполнен Мушни Ласуриа – народным поэтом Абхазии, одним из лучших мастеров художественного перевода.

Одной из знаменательных страниц абхазо-дагестанского литературного диалога стали личное знакомство и творческие связи Расула Гамзатова и Баграта Шинкуба. Эта тема пока еще не до конца исследована нашими литературоведами. Но, на мой взгляд, она заслуживает скрупулезного анализа. Ее актуальность не подлежит сомнению, так как встречи и общение выдающихся мастеров затрагивали острейшие проблемы не только развития братских литератур, но и характера, форм художественного отображения драматической судьбы горских народов Кавказа.

Особые братские отношения связывали Расула Гамзатова с классиком русской советской литературы Георгием Гулиа. Бывая в Москве, знаменитый аварец часто заходил в гости к Георгию Дмитриевичу вместе с женой Патимат. Судя по воспоминаниям Валентины Григорьевны Княгининой – супруги Георгия Гулиа и его дочери, известной журналистки и театроведа Татьяны Георгиевны, здесь также бывали знаменитые писатели Константин Федин, Сергей Баруздин, Назым Хикмет, летчик-космонавт Владимир Шаталов, художник Яр-Кравченко и другие известные личности.

«Этот московский, но по-кавказски гостеприимный и шумный дом всегда был полон гостей. «На огонек» к известному советскому писателю и художнику Георгию Гулиа слетались родственники и друзья из Абхазии, столичные писатели, журналисты: даже за огромным круглым столом в гостиной часто не хватало места. Зато всегда было вдосталь знаменитого абхазского вина, блестящих тостов и искреннего веселья – ведь мало кто умел так светло и непосредственно радоваться жизни, как Георгий Дмитриевич и его близкие...»¹.

На этих замечательных литературных посиделках особое место занимал юмор Расула Гамзатова, его тосты, стихи, исполненные истинно кавказского аромата. Остроумие и чувство юмора, настоянные на высокой культуре абхазской застольной дипломатии, были в не меньшей степени присущи незаурядной творческой натуре самого Георгия Дмитриевича Гулиа – автора выдающихся романов, повестей, рассказов, эссе.

«Гамзатов дружил с моим отцом, писателем Георгием Гулиа, и не раз бывал в Абхазии, а также у нас дома в Москве. Гамзатов – человек невероятного обаяния и неиссякаемого юмора...» – пишет на своей странице в Фейсбуке Татьяна Гулиа, выкладывая уникальную фотографию из

¹ «Аргументы и факты». 26. 11. 2004 г.

архива своего отца, запечатлевшую эпизод дружеской встречи Расула Гамзатова, Юрия Мелентьева, Георгия Гулиа и Георгия Холопова.

Я думаю, можно оценить как своеобразную литературную реликвию, автограф на книге, поднесенной Расулом Гамзатовым Георгию Гулиа:

Мы – сыновья прославленных поэтов,
Которые, чеканя горский стих,
Не разряжали в воздух пистолетов,
И нам, Георгий, далеко до них.
Давай с тобой друг друга на досуге
Мы перечтем, чтоб наших дорогих
Отцов еще раз оценить заслуги
И вновь понять: нам далеко до них.
Читают нас, но мы отцам не пара:
Слегка содвинув шапки набекрень,
Они, как в праздник, держат путь с базара,
А мы – из магазина в будний день.

Сегодня очень ценно каждое слово, сказанное в свое время о Расуле Гамзатове, о его творческой индивидуальности, о художественно-стилистических особенностях его высокого дарования. Видимо, не все помнят о том, как тепло отозвался выдающийся писатель современности Фазиль Искандер, когда не стало его старшего собрата по литературному цеху:

«– Мы с Расулом Гамзатовым были знакомы очень давно, хотя он поколением старше меня. Было доброжелательное отношение друг к другу. Мы обменивались приветами и шутками. Он был в России популярнее многих русских известных поэтов. Я неоднократно это наблюдал: многие простые читатели восхищались его стихами, его благодарили за лиризм, за юмор и за демократическую доступность его поэзии. Но – кроме всего прочего – он

написал замечательные стихи о наших погибших на войне солдатах. Его «Журавли» останутся с нами и после нас, останутся надолго. У него, как и у всех, бывали немалые сложности в жизни. Вспомнить хотя бы официальное отношение к Шамилю – для него, знатока и патриота Кавказа, это было непросто. Но в целом это был редкий случай счастливой и гармоничной писательской судьбы на нашей Земле. Все, что он хотел сказать, он сказал...».

Народный поэт Абхазии Мушни Ласуриа в годы учебы в Москве не раз общался с Расулом Гамзатовым. Одна из таких незабываемых встреч состоялась в Центральном Доме литераторов. «Мы с моим другом Владимиром Ацнариа решили посидеть и почаевничать в буфете ЦДЛ (не в ресторане, а в буфете, где было более уютно и спокойно). Но вдруг, совершенно неожиданно, мы оказались рядом с Расулом, с которым я был знаком давно. Мы, блюда горский обычай, любезно поздоровались с ним. И потом, по просьбе и настоянию моего друга Кости Ацнариа, пригласили его к нашему столу. Классик согласился и приобщился к нашей компании. Первый, о ком он спрашивал, встречая абхазов, был Баграт Шинкуба. Он тепло говорил о наших абхазо-дагестанских духовных связях, о нашей общей истории, культуре. Не успели мы поговорить с ним вдоволь, как люди, заметив широко популярного и любимого автора, своего литературного кумира, классика, стали как бы стихийно, спонтанно подходить к нашему столу, и нам ничего не оставалось, кроме как расширить свой застольный круг, тратя свои скромные аспирантские сбережения на напитки и закуски... Но зато этот эпизод запомнился нам навсегда... Непосредственное общение с легендарным автором – дорогого стоило...».

Мушни Ласуриа в романе в стихах «Отчизна» вновь вернулся к теме творческого содружества Расула Гамзатова и Баграта Шинкуба и раскрыл их некоторые детали:

Расул, случалось, спрашивал когда-то:
«Ну, как там муза нашего Баграта?
Не встретить в мире равного ему
По знаниям, таланту и уму...»
Так хороши беседы их бывали,
Что в целом мире сыщется едва ли
Подобный юмор и такая речь!
Кто слышал – будет в памяти беречь...
Сомненья нет, Баграт с Расулом оба,
Поэты от рожденья и до гроба,
Как две вершины высятся меж нас,
По праву горд обоими Кавказ!
(Перевод – Натальи Ванханен).

В стихотворении (я б сказал – элегии) «Памяти Кайсына Кулиева», Расул Гамзатов вкладывает в уста волшебника балкарского слова, уходящего в мир иной, имена своих друзей – истинных служителей высокого искусства.

Кайсын устал и крикнул медсестру,
Сжав сердце побледневшею ладонью,
Но усмехнулся вновь: «Я не умру
Покуда всех друзей своих не вспомню...».

И обращая свои сокровенные чувства и симпатии к выдающимся национальным авторам, тончайший лирик из горного Чегема, не забывает и нашего духовного кумира Баграта:

И не поеду больше в горный край
Взглянуть на море со скалы высокой.
Как поживает там кунак Аткай?
Шинкуба где теперь, абхазский сокол?
(Перевод с аварского – М. Ахмедовой – Колубакиной)

Теме любви, глубокого взаимоуважения и творческих контактов Гамзатова, Шинкуба и Кулиева, на мой взгляд, можно было бы посвятить отдельную работу, обратившись, в частности, и к их уникальному эпистолярному наследию и дневникам. Это три столпа художественной культуры горских народов Кавказа, над произведениями которых не властны ни время, ни политическая конъюнктура.

Произвел на меня сильное впечатление рассказ крупного мастера слова, публициста и общественного деятеля Геннадия Аламира о том, как во время грузино-абхазской войны с Багратором Шинкуба, находившимся в Нальчике (и уже удостоенным звания народного писателя КБР), он ездил в гости к Расулу Гамзатову в Махачкалу. Геннадий говорит, что Баграт, одоблив его идею, стал готовиться к поездке. Это был визит в Дагестан не ради того, чтобы два великих человека просто пообщались за чаркой вина: шла жесточайшая война, стоял вопрос «быть или не быть» абхазскому народу. И необходимо было широко и обстоятельно проинформировать весьма влиятельного дагестанца о подлинных причинах кровавой вакханалии, развязанной Шеварднадзе и его приспешниками. Деньга Халидов и другие видные представители Конфедерации народов Кавказа заранее были оповещены их соратником по КНК Геннадием Аламом и они посочувствовали этой встрече, своевременно поставив в известность своего духовного предводителя. Геннадий Шаликович при поддержке своих друзей смог добиться, чтобы его вместе с Багратором Васильевичем отправили в Дагестан на вертолете, учитывая, что нашему патриарху нелегко будет преодолеть на автомашине достаточно сложный и долгий горный путь между Нальчиком и Махачкалой.

Встреча кунаков состоялась. Из продолжительной дружеской беседы Расул Гамзатов извлек немало дополни-

тельной информации об абхазской трагедии. И он обещал своим братьям по перу, что скажет свое слово в защиту братьев-абхазов, подвергшихся вероломной агрессии. И, наверное, реакция народного поэта нашла отражение не только в дагестанской прессе, но и в российских сми в целом. Думаю, нашим историкам и литературоведам стоит серьезно поработать над подшивками газет 30-летней давности. Геннадий Аламир также затронул историю, связанную с возвращением легендарных добровольцев на Северный Кавказ. Наш поэт был очевидцем того, как Расул Гамзатов лично принимал участие в этой незабываемой, трогательной массовой акции, когда во всех столицах братских республик, в том числе и в Махачкале, родственные нам народы воодушевленно и восторженно встречали героев Кавказа, отстаивших честь и достоинство не только абхазов, но и всех свободолюбивых и непокорных горцев.

Обрастают новыми деталями и нюансами дружественные отношения Расула Гамзатова и Ивана Тарба. Эту историю следует изучить более подробно. Приводимые ниже строки свидетельствуют о том, что связи абхазского и дагестанского классика строились не только на взаимных личных симпатиях, но и в первую очередь на их бережном, заботливом отношении к общекавказским нравственным и духовным ценностям:

И удачно завершеною строкою
Нам открылся изумительный Хунзах,
Что скрывался за извилюстой тропею,
Как олень, красу скрывающий в горах.
И дорога наша круто вниз свернула
Серебром аэродромной полосы.
Приглашали нас к себе стихи Расула,
И ворота открывались Цадасы.

1963 (Иван Тарба. Из стихотворения «Хунзах»)

Лучшие образцы поэзии Расула Гамзатова переведены на абхазский язык. Они вошли в лирические сборники наших классиков, опубликованы в разное время на страницах нашей национальной печати. В числе тех, кто на высоком уровне озвучил произведения Гамзатова на абхазском языке: Ч. Джонуа, Ш. Цвижба, М. Ласуриа, П. Бебиа, Г. Гублиа, Н. Квициния, В. Амаршан и другие признанные мастера художественного слова. Стихотворение «Журавли», облетевшее всю планету, переложено на абхазский язык Николаем Квициния. Известны послания Баграта Шинкуба и Ивана Тарба Расулу Гамзатову.

В свое время имели возможность общаться с великим поэтом профессор, академик АНА и АМАН, ректор АГУ Алеко Гварамиа, известные абхазские правоведа Якуб Лакоба и Вахтанг Кецба. Интересными воспоминаниями о Р. Гамзатове делятся поэты Денис Чачхалиа, Гунда Саканиа.

Денис Чачхалиа рассказал мне о том, как выдающийся поэт-сатирик Киршал Чачхалиа в советскую эпоху, посетив с семьей братский Дагестан, вместе с еще одним прославленным поэтом, близким другом Аджаматом Аткаем постучался в двери гостеприимного дома их общего кунака Расула, который в те дни отсутствовал. Но супруга Гамзатова устроила им роскошный прием, после чего завязалась переписка между Патимат и Ниной Чачхалиа, совершавшей турне по Северному Кавказу вместе с мужем. И письма эти хранятся в драгоценном архиве незабвенного Киршала.

В Абхазии к личности и творчеству Расула Гамзатова проявляют неослабный интерес и внимание не только писатели, ученые, деятели культуры, но и видные общественные и государственные деятели.

Президент России Владимир Путин назвал стихи Расула Гамзатова учебником жизни. Такую оценку российский лидер дал творчеству выдающегося мастера на торжественном концерте, в честь его 100-летнего юбилея в Москве.

Хорошо помню, как часто цитировал Первый Президент Абхазии, академик Владислав Ардзинба заключительные строки из стихотворения великого дагестанца «Много родников в моих горах...» (из книги «Песни гор»):

Ярко светят звезды в темноте,
Друг на друга все они похожи.
Но одна – не знаю почему,
Самых ярких в небе мне дороже!

В братской Адыгее отметили 85-летие со дня рождения великого адыгского поэта, прозаика, драматурга Нальбий Юнусовича Куюка, чей роман «Вино мертвых», написанный в стиле «магического реализма», по праву стал ярким культовым произведением не только в адыго-абхазском мире, но и в общероссийском культурном пространстве. Своими свободными размышлениями о творчестве крупного представителя адыгской художественной словесности, я решил внести скромный вклад в популяризацию бесценного наследия Н. Куюка.

Его поэзия, проза, драматургия – бесценное достояние не только адыгской, но и абхазской, а по большому счету – и общекавказской культуры. Мне лично, чрезвычайно близки и духовно родственны смелые ассоциативные и метафорические сцепления поэта, давшие возможность по-новому взглянуть на свою историю, на окружающий мир, осмыслить ее извечные таинства. Лирический герой философских стихов Куюка предстает нашему взору в некоем магическом слиянии со Вселенной. «Во мне растут земля и облака...» – скажет он, как бы отрываясь от привычной обыденности и виртуально углубляясь в стихию своего глобального мироощущения. Частью его напряженного чувственно-эмоционального состояния становятся такие планетарные образы, как «земной шар вращается в сердце моем...». Художественно-философ-

ские рефлексии поэта, характер и сам процесс самопостижения основаны на поиске изначальных истоков космоса, духовности, ее первозданной гармонии. Исследуя мир сквозь призму собственных, достаточно противоречивых субъективных ощущений, поэт сохраняет свою внутреннюю бдительность, чутко прислушивается к зову генетической памяти. Он ни на йоту не отрывается от родных корней, от глубоких пластов древней адыгской культуры, от мифологизированного мирозерцания. Развернутые метафоры Нальби Куюка – это, образно говоря, своеобразная азбука Морзе, способ знакового кодирования, гравитационные волны, обеспечивающие постоянную связь поэта с звездной галактикой. И в поисках извечной истины, поэт все время ведет разговор с самим собой. На свои же часто повторяющиеся риторические вопросы, Куюк не всегда дает однозначный ответ: он предлагает и нам, сопереживающим попытаться найти разгадки его сложных философских дилемм:

Никто из нас не опознает Сердца.
Взметнет и камнем падает обратно,
Рождает ночь и гонит безвозвратно –
Все не найдет себе единоверца.
Никто из нас не опознает Неба.
Деревья, что всегда ночуют в звездах,
Ложатся насмерть, расцарапав воздух –
Самоубийство смене на потребу.
Никто из нас не опознает Дома.
Река бежит – она была бы птицей,
Когда б ни берегов крутых граница,
Когда б ни путь неведомый, искомый.
Как тьму вселенной развести лучами,
В каком из направлений от порога –
Здесь или там – искать разумнее Бога?
Что в доме нашем? Мы не знаем сами.

И человек – венец или калека?
Когда к себе оборотимся ликом –
Мы все равны в прозрении великом:
Никто не опознает Человека.
Сколько птиц из своей головы
Подарил я лазури бездонной!
Упорхнули. Я ждал их. Увы!
Возвратилась назад лишь ворона.

И уже в поэтических текстах, в семантическом ядре свободных размышлений поэта о таинственном взаимопроникновении человека и Вселенной, начинают вырваться первые симптомы мифопоэтического мировосприятия Нальбий Куека-прозаика. Говоря об особенностях литературной стилизации Нартского эпоса и адыгского фольклора в целом, с которыми мы сталкиваемся в рассказах, повестях и романах Куека, доктор филологических наук Магина Хакуашева, отмечает, что в них в результате значительных трансформаций мыслей «художественное пространство обретает особое свойство многомерности».

В романе «Вино мертвых» – достаточно зримы и явственные примеры сквозного взаимодействия и взаимопроникновения обыденной, привычной реальности с художественно-мифологической. Но автор достигает яркой пластичности и зрелищности подобного уникального синтеза, плавного перехода литературного и фольклорного начал, путем собственного психологического вживания в изображаемую ситуацию и естественного, совершенно нерукотворного преодоления пространственно-временных границ.

«Нарт не думает о пространстве и времени: место, где он сражается, – это Земля, время, в котором он погибает, – вечность...» – этот смысловой и интонационный курсив, подчеркнутый автором, как бы ненавязчиво, исподволь

подводит нас к пониманию, что роман «Вино мертвых» – это вещь, несущая в себе, в своей структурной основе элементы антиромана, свойственные прозе модерна, отвещающего стереотипы привычного повествования.

Хотелось бы проиллюстрировать эту мысль одним из таких ярких примеров из романа-мифа «Вино мертвых»: «Один витязь, видя, что не успеет закончить бой до захода солнца, умчался в небо, чтобы остановить светило, но, ослепленный лучами его, споткнулся об один рог луны, а об другой зацепился своим плащом и провисел там семь дней и ночей...».

Куек не сковывает себя канонами устоявшихся литературных традиций, и как бы косвенно пародируя их, дает своему творческому воображению возможность еще ярче раскрыться волшебству сказки, притчи, и для воплощения своей сверхзадачи достаточно умело и искусно манипулирует (в позитивном смысле этого слова) гиперболами:

«А когда тесемки плаща порвались и он отцепился от луны, спокойно спустился с небес на своем коне, которого удерживал все это время между колен, а плащ оставил на луне, и теперь местный чабан каждый день щеголяет в нем...» В подобных трансформациях художественно-мифологического мировосприятия и некоторой внешней эксцентричности образов Куека мы улавливаем отдаленное ассоциативное созвучие с манерой письма, со стилем, который, оценивая новаторство Рабле, Сервантеса и других классиков мировой литературы, Бахтин как бы условно называл «гротескным реализмом...».

Думаю, следует обратить внимание на достаточно интересный и скрупулезный сравнительный анализ, сделанный доктором филологических наук Кутас Паранук. Он посвящен поиску созвучий и сходств знаковых произведений Габриеля Маркеса и Нальбий Куека. Работа опубликована под названием «Особенности мифологизма в романах Г. Маркеса «Сто лет одиночества» и Н.Куека

«Вино мертвых». Для того, чтобы глубже понять, на чем построены смысловая и логическая доминанта и суть оценочных критериев адыгской исследовательницы, обратимся к ее конкретным аргументам и доводам:

«Итак, проведенный анализ позволяет заключить, что и Г. Маркес в романе «Сто лет одиночества», и Н. Куек в романе «Вино мертвых» не только широко используют различные способы мифологизирования, но и строят свои романы по законам мифа. Мифологизм в них присутствует как на уровне внешних приемов, так и имплицитно, в глубинных, самых потаенных пластах художественного текста. Мифопоэтика становится важнейшим средством семантической и структурной организации текста, сказываясь на авторском миромоделировании, обретающем характер вселенского универсума...».

Для того чтобы автор цитируемой работы смогла смело и уверенно проводить столь убедительные параллели и аналогии между писателями, не связанными ни историческими, ни литературными традициями, она сочла необходимым прибегнуть к разному аспектному исследованию типологической схожести персонажей упомянутых романов, ставших яркими образцами современного неомифологизма, как формы и метода нового художественного мышления.

Профессор К. Паранук преподносит свои концептуально выстроенные мысли в развитии, в динамике. Она, в частности, интерпретирует свой тезис об опосредованном и объективном «духовном родстве» двух национальных писателей-реформаторов, следующим образом: «Оба автора в названных романах, воспроизводя реалистически историю своего народа, одновременно широчайшим образом опираются на народное мироощущение, фольклор и мифологию. Рассказ об истории семьи Буэндия в романе «Сто лет одиночества» и истории рода Хаткоесов в романе «Вино мертвых» выливается в гран-

диозное повествование об истории колумбийского народа у Г. Маркеса и истории адыгов у Н. Куека. Опираясь на опыт реалистического «семейного» романа XIX – XX вв., Г. Маркес и Н. Куек создают глубокие многогранные характеры героев, которые в конечном итоге воссоздают исторические образы своих народов...» Далее адыгский литературовед предлагает еще более детальную расшировку своих суждений.

«И. Г. Маркес и Н. Куек создают всеобъемлющие, тотальные, синтетические по жанру романы, в которых органично переплетаются реалистическое и мифологическое начала, образуя причудливые, многомерные хронотопы, характерные для «магического реализма», – завершает свою мысль К. Паранук.

Как я уже отметил, под пером мастера один за другим оживают мифологические сюжеты, раскрывающие парадоксальные качества героев-богатырей, наделенных недюжинной физической силой и способностями. Лично для меня не важно: сконструированы эти образы самим художником или взяты в видоизмененной форме из адыгского (или скажем абхазского фольклора) и искусно и мастерски встроены в художественную структуру романа. Главное для меня: это то, что нереальные образы обретают черты реальных, и эти метаморфозы художественных стилей и форм Нальбий Куека, дают мне, как читателю, возможность иносказательно, гротескно-аллегорически переосмыслить духовную историю адыгов и абхазов, со всеми ее превратностями, взглянуть на пройденный путь не с точки зрения «розовой ретроспекции», а своего рода «изнаночного взгляда» (самоиронии). Моментами мастер изощряется в постижении и свободном владении секретами карнавального стиля. В новелле «Дэдэр и его сыновья» автор пишет: «Он жил – как мог и как хотелось, и в нем было столько сил и энергии, что не один раз его одолевало желание жениться на одиноко

торчащей скале или даже целой горе, которые часто попадались ему в пути. Будь его воля, он бы каждый день приводил домой заросшие высокими травами и цветами лесные поляны, дубовые рощи и звонкие речки и устраивал свадебные игры...».

В текстах Куека эти неожиданные, непривычные для традиционного литературного мышления, художественные импровизации становятся атрибутами не только обыденной жизни его героев, но непростых ситуаций, как, например, в случае с соколиной охотой и с предстоящей битвой с врагами: «Пять сыновей было у Дэдэра, когда он выехал со двора на свежем коне, с соколом на плече, сопровождаемый голодным псом. Он отправлялся на охоту, но держал в уме строгий наказ бабушки, который, как он считал, особых хлопот ему не доставит: нужно перекрыть дорогу зарвавшемуся врагу, который решил отсечь адыгов от большой воды, от моря, захватив прилегающие к нему земли. «Сделай это, – сказала она, сверля его своим ужасным взглядом, – даже если похоронят тебя живым или вернешься мертвым...» Вот так выражается она, сама, наверное, не понимая смысла своих слов, потому что выходило так, что он должен дело сделать, но при этом его ждет смерть...».

Но это всего лишь интрига предвкушения, зачин-предвестие к легенде о войне Дэдэра и его пяти сыновей с врагами. А сколько в этой легенде мистицизма, фантастических событий, сколько трагикомизма в действиях Хаткоесов? Образ Гошанды, чьи проклятия обладают чудодейственной силой, ассоциируется с типажом великой Сатаней Гуаши, героини Нартского эпоса, предчувствия и заклинания которой также могли оказать сверхъестественное воздействие на то или иное событие в силу того, что Всевышний наделил ее таинствами Адоуха.

Вспомним хотя бы один фрагмент ее заклинания, обращенного к мужу: «...Я вымету из нашей комнаты са-

мым старым веником все ночи, проведенные с тобой, и сожгу, как гниющий мусор, все дни, прожитые нами вместе. Если тебе захотелось вдали от меня, в неизвестных местах, отдать свои кости шакалам, тогда пусть тебе, для спасения которого я пожертвовала большим, чем жизнью своей – сыновьями, саваном будут мои последние проклятия!» И это еще один яркий пример столь гармоничного сосуществования фольклорной и литературно-художественной образности!

Секреты мастерства Куека, в своих новеллах с моцартианской легкостью преображающего знаменитых нартских героев в их пародийных двойников или антиподов, достаточно убедительно раскрыты в исследовании М. А. Хакуашевой «Особенности композиции и поэтики романа Нальбий Куека «Вино мертвых»: «Ведь стоит только «перевернуться», как, по словам «три-бабушки», герой Нартского эпоса Шебатнуко может превратиться в романе в своего антагониста – Кунтабеша, а Радед – в свой семантический прообраз Дэдэре. Вид художественного оборотничества – метафора, которая содержит элемент духовной инициации...».

Примечательно, что в освоении и совершенствовании подобной модели художественного мышления адыгейской и адыго-черкесской литературой в целом, Куек не одинок. Значительную новаторскую роль сыграли в этом процессе крупные мастера адыгского художественного слова Ю. Чужако, Д. Кошубаев, М. Емкуж, Х. Бештоков, А. Макоев, М. Хакуашева и др. Результатом их плодотворных мифотворческих исканий стали такие знаковые явления, как «Сказание о Железном Волке», «Абраг», «Всемирный потоп», «Каменный век», «Возвращенное небо», «Дорога домой» и др. Дегероизация обозначилась, как тенденция, как один из типов литературной традиции. Наверное, можно смело утверждать, что Нальбий Куек в своем романе в новеллах «Вино мертвых», в повестях

«Черная гора», «Превосходный конь Бечкан», «Лес одиночества» и др. крупных прозаических произведениях достаточно масштабно, рельефно и самобытно отобразил мощное духотворческое начало в эпическом мирозерцании адыгов, уверенно идя по пути неомифологизации национального художественного мышления.

Роман «Вино мертвых» насыщен лирическими и символическими отступлениями, в которых постепенное постижение подсознательного мира персонажей происходит, порой, через их импрессионистические мироощущения. На мой взгляд, это можно проиллюстрировать эпизодом, где Ляшин, которого «три-бабушки», называют, сорняком (символ духовного упадка, измельчания эпохи богатырей) головой погруженный в восхитительное многообразие загадочных голосов и звуков природы, вдруг, как бы прозрев, произносит свои откровения, словно бы продиктованные волшебством осенившего его наития: «Голоса и звуки всегда свободны, это пришло ему в голову вот сейчас. Они живые, со своим характером. Только надо слышать их такими, какие они есть, и слышать добрым сердцем. Злой человек не может вырастить цветы, растения слышат человека...».

Эти новые стилеобразующие приемы, как и в целом сам процесс углубления синтетичности художественного мироощущения объективно не могли не коснуться развития абхазской литературы, ее различных жанров, и в особенности прозы. В качестве примеров подобных художественно-психологических трансформаций можно было бы привести, в частности, роман Алексея Гогуга «Ас ду» (Большой Снег), его же повесть «Мшагу Большой и Мшагу маленький», повести – притчи Фазиля Искандера «Джамхух-сын Оленя или Евангелие по-чегемски», «Кролики и удавы», роман Даура Зантария «Золотое колесо» и др. Во всех перечисленных произведениях сильны отголоски мифопоэтического мироощущения авторов, в

них ощутим эффект поэтики двойного действия. Развитие некоторых сюжетов и образов происходит в условно-мифологическом пространстве. Так, в романе «Золотое колесо» великий Абхазский князь (из средневековой эпохи), тот самый Архонт Леон, изображен автором литературным персонажем, «толковавшим народу Святую правду, нередко пользуясь мечом как указкой...».

В целом же соотношение реального и вымышленного в прозе Д. Зантария построено по принципу некоего зеркального взаимоотражения: «В отличие от земных владычиц, которые сначала бывали милыми детьми, наливающимися девицами и только потом становились грозными и сладострастными женщинами, у Владычицы Вод судьба оказалась вывернутой, как ступни. Ей пришлось пережить обратное: она сперва была величественной царицей, а затем превратилась в ребячливую и похотливую русалку».

Однако это тема – для отдельного философского исследования.

Нальбий Куек – один из крупнейших представителей адыго-абхазского художественного мира, обеспечивших мощный прорыв в становлении и развитии нового стилевого направления (вобравшего в себя лучшие качества современного «магического реализма»), выйдя на его необъятные просторы путем собственных художественных исканий.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЧИНГИЗУ АЙТМАТОВУ

(Выступление на Московском форуме (2016)

писателей и интеллектуалов

«Айтматовские чтения за диалог культур»)

Дорогие друзья, коллеги, участники Международного форума! Как и многие из вас, я принадлежу к числу тех, кто трепетно и бережно относится ко всему, что связано с именем, жизнью и творчеством, художественными достижениями выдающегося писателя современности Чингиза Торекуловича Айтматова. Он мне дорог не только как писатель, блестяще справившийся с задачей качественно нового переосмысления устоявшейся шкалы ценностей, но и как автор, сумевший посредством неповторимого притчево-метафорического мировосприятия, обнажить скрытую суть извечного противоборства технократической цивилизации и самобытной народной культуры.

Как абхазский писатель, глубоко осознающий опасность угасания национально-освободительной энергии, высокого импульса пассионарности (по Льву Гумилеву), обезличивания выстраданного веками духовного опыта, нахожу в философских подтекстах произведений Айтматова, в его великой мифопоэтике и ассоциативных рядах, развернутых метафорах – ответы на множество сложных вопросов, постоянно будоражащих генетическую память моих соотечественников. В этом смысле еще более актуальными становятся в наши дни

повести «Белый пароход», «Джамиля», романы «Буранный полустанок («И дольше века длится день»), «Плаха», «Когда падают горы» и другие крупные художественные полотна писателя.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что, сталкиваясь время от времени с проблемами кризиса национального самосознания, достаточно симптоматических изменений традиционной ментальности, представители многих этносов, и в особенности, малочисленных, нередко обращаются к сюжетам Айтматова, подхлестывающим бдительность народов, могущих оказаться на грани утери исторической памяти, духовного самоуничтожения. В этом смысле давно уже стало нарицательным понятие «манкурт», характеризующее мифический образ человека, превращенного в безропотное существо, лишенное всякой памяти, – человека доведенного до такого страшного состояния, что он убивает свою родную мать Найман-Ану, тщетно пытавшуюся вернуть сыну потерянный рассудок.

Благодаря силе сквозного воздействия художественно-мифотворческого начала в прозе Айтматова, понятие «манкуртизм» приобрело общечеловеческое звучание, предостерегая народы от опасности нравственной деградации.

В Абхазии, где в интеллектуальной среде стало внутренне мотивированной нормой обсуждение проблем самосохранения и самоидентификации нации, поиска возможностей возрождения родного языка, культуры, традиций, зачастую раздаются голоса людей, глубоко встревоженных своим будущим. И в такой достаточно напряженной атмосфере становится вполне привычным обращение к лексеме «манкуртизация», как к некоему неологизму, обозначающему тенденцию утраты этнопсихологической идентичности. «Чингиз Айтматов иманкуртцэа» хреипшхар алшоит, абас ханца...» – подобные сетования можно услышать из уст видных литераторов, ученых, актеров и других представителей духовной

сферы, способных предчувствовать пагубную разрушительность последствий глобализационных процессов. Слова, озвученные мной на абхазском языке, означают: «Если мы и дальше пойдем таким путем, то можем уподобиться манкуртам Чингиза Айтматова». Эти размышления ассоциативно напоминают нам строки другого выдающегося мастера: «Так волны всемирной халтуры, Бушуют у наших корней...» – этот риторический возглас из стихотворения Фазиля Искандера «Абхазская свадьба» звучит как своеобразное упреждение того чужеродного, наносного, деструктивного, что может в конечном итоге лишит национальную культуру ее изначальной сути и смыслового ядра.

Иносказательно, посредством достаточно колоритного вплетения легенд и мифов в художественную ткань своих произведений, затрагивая тем самым проблемы исторической памяти народа, великий прозаик представил своим читателям уникальную возможность для глубокого художественного самопознания, постижения своего внутреннего мира, образно говоря, алгоритма души. «Историческая память, по мнению Николая Бердяева – это «величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности... Память есть основа истории... Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами и есть связь настоящего и будущего с прошлым...»

Нравственно-гуманистические проблемы, поднимаемые Айтматовым, во многом перекликаются с положениями и мотивациями неписаного нравственного кодекса «апсуара», вобравшего в себя незыблемые правила абхазского поведенческого этикета, формировавшегося на протяжении многих веков. И это не удивительно, ибо Абхазия испокон веков находилась на перекрестке цивилизаций, одна из ветвей Великого шелкового пути, проходила через ее исконную территорию. Так, напри-

мер, знакома мне до слез, характеристика, данная писателем в романе «Буранный полустанок» сыну покойного Казангапа-Сабитжану, приезжающему не хоронить отца как положено по национальному ритуалу и обычаю, «а только отделаться, прикопать как-нибудь и побыстрей уехать». «Что за люди пошли, что за народ! – Для них все важно на свете, кроме смерти!» – это слова другого персонажа романа, Едигея, фронтовика, – друга Казангапа, – носителя высоких нравственных качеств, человека, умудренного большим житейским опытом.

В современной Абхазии давно уже нет фетишизированного отношения к похоронному ритуалу, однако никто не потерпит пренебрежения к нему. Да, многое утрачено в иерархии тех ценностей, той строгой обрядовой культуры, однако проявление дани уважения к памяти умершего, следование традициям – это не просто устоявшееся священнодействие, но еще и образ жизни, способствующий сохранению своего лица и своей самобытности в мире, где духовные основы национальной культуры и психологии, к сожалению, подвержены размыванию и разрушению как извне, так и изнутри.

В «Буранном полустанке» также весьма привлекателен с точки зрения достаточно противоречивой взаимосвязи этики, техногенной цивилизации и традиционной культуры, сюжет о долгих и мучительных поисках места предания земле покойного Казангапа. Изгородь из колючей проволоки вокруг космодрома Сары-Озеки, жесткая пропускная система, препятствующая прохождению людей к кладбищу, разговоры о том, что кладбище Ана-Бейт подлежит ликвидации и на его месте будет новый микрорайон – все это мрачная картина той пугающей реальности и той угрозы существованию этносов и их устоев, которую несет в себе противоборство сильных мира сего.

Отдаленно этот эпизод напоминает мне частые споры моих абхазских соплеменников, испытывающих воздей-

ствие усиливающейся урбанизации, по поводу того, где и как похоронить умершего, как сохранить связь между городом и селом. В наших, казалось бы, небольших по масштабам прибрежных городах, вопрос выбора места для кладбищ, порой становится крайне проблематичным. Отношение к могилам предков издревле наполнено у абхазов, как и у многих других народов, неким сакрально-мистическим смыслом. Примечательно, что нередко причиной сложностей возвращения турецких, иорданских и сирийских абхазов на историческую Родину, становилась их психологическая неготовность оставлять без присмотра могилы родителей. Так, что описанная Айтматовым история с похоронами Казангапа, и оцениваемая в романе сквозь призму взыскательного отношения к ней прозорливого Едигея, по большому счету затрагивает ущемленные чувства различных наций и народностей. Когда я читаю и перечитываю повести «Белый пароход», «Прощай Гульсары» и «Джамиля» и другие айтматовские вещи, вживаюсь в образы их персонажей, мной овладевает некое подспудное ощущение, будто я не раз соприкасался с ними в своей абхазской действительности. Немало схожих черт доброго и отзывчивого старика Момуна, «кому поручено резать скот, встречать почетных гостей, помогать им сходить с седла» – я нахожу порой в поведении и нравах своих седовласых абхазских старцев – таких же скромных, но на редкость благородных, умудренных большим житейским опытом. В умении глубоко раскрывать таинства подобных психологических созвучий разных культур, я думаю, следует искать силу мощного сквозного воздействия айтматовского миропонимания.

В одном из своих интервью, касаясь проблемы культурной идентичности народов, Айтматов, предлагает нам следующую интерпретацию: «Современное обще-

ство очень уязвимо. В эпоху глобализации, когда идет всеобщая универсализация, национальные культуры во многом утрачивают свои возможности, и это может привести к манкуртизму. Все вместе взятые национальные культуры могут оказаться под одним колпаком тоталитарной массовой культуры. Я надеюсь все же, что демократические тенденции будут вести нас к прогрессу и не допустят зловещего развития событий...».

В связи с размышлениями об айтматовской трактовке вопросов взаимоотношения и взаимовлияния национального и общечеловеческого, я вспоминаю эпизод моей личной беседы с Чингизом Торекуловичем в кулуарах Верховного Совета СССР в 1989 году, где мне, как парламентскому корреспонденту Абхазского телевидения, благодаря нашему выдающемуся лидеру Владиславу Ардзинба, была предоставлена соответствующая аккредитация, дававшая возможность спокойно обсуждать с народными депутатами наиболее актуальные для той эпохи социокультурные и иные проблемы. Меня, как и многих моих соотечественников, волновали вопросы восстановления искаженных топонимических и гидронимических названий. В Абхазии, как и в ряде других республик бывшего СССР, в годы тоталитарного режима топонимика была подвергнута самой настоящей вивисекции, сотни исконно абхазских названий были грубейшим образом искажены. Для меня, разумеется, было приятной неожиданностью, когда, вдруг, выдающийся мастер слова, один из видных представителей интеллектуальной элиты советской державы достаточно компетентно стал выражать свое отношение к данной проблематике, к тому же удивив своей широкой информированностью о состоянии не только абхазской топонимики, но и о белых пятнах истории Абхазии в целом. И доминантой его мыслей по вышеупомянутой теме была идея освобождения истории, языка, культуры от любой

фальши, от любых случайных наслоений и любой политической конъюнктуры. Приблизительно в тот же период мне удалось зафиксировать беседу с еще одним крупным представителем среднеазиатского культурного мира Олжасом Сулейменовым, всколыхнувшим процесс художественных исканий 60–70-х годов.

Весьма содержателен и оригинален концептуальный взгляд киргизского советского писателя на пути и способы сохранения своих корней и постижения общемировых ценностей. В связи с этим он, в частности, пишет: «Мое поколение постепенно уходит. Новое поколение должно влиться в глобализацию, от нее никто не уйдет. Но новому поколению нельзя забывать свои корни. Мы обязаны поддерживать нашу культуру, наши традиции и язык. Наша задача – открыть для себя мир и сохранить свое родное...».

Я не могу не сказать о теплых дружеских взаимоотношениях между известным абхазским поэтом, публицистом Киршалом Чачхалиа и Чингизом Айтматовым. В 50-е годы вместе с Кайсыном Кулиевым они учились на Высших литературных курсах при московском Литературном институте им. А.М. Горького. Об этом мне рассказал сын классика абхазской литературы, поэт, переводчик, историк Денис Чачхалиа. Судя по общительности, редкому человеколюбию, ярко выраженной импульсивности характера Киршала Чачхалиа и незаурядности мышления его коллег, я думаю, можно предположить какие интересные, глубокие и доверительные беседы о судьбах своих народов и культур происходили между тремя признанными и весьма уважаемыми представителями киргизской, абхазской и балкарской литературы. История этих личных контактов, несомненно, заслуживает отдельного исследовательского внимания. Не исключено, что какие-то нюансы этого творческого общения можно будет обнаружить в личных архивах вы-

шеупомянутых мастеров слова. Недавно я пополнил свои знания о связях мэтра киргизской и русской литературы с представителями абхазской словесности очень ценной, на мой взгляд, информацией, услышанной непосредственно из уст народного поэта Абхазии, академика, первого переводчика «Евгения Онегина» на абхазский язык – Мушни Ласуриа. Он был лично знаком с Чингизом Торекуловичем. В 80-е годы, будучи председателем Союза писателей Абхазии нередко встречался и общался с ним. Встречи эти происходили в основном в Москве, на съездах писателей, на пленумах и других творческих форумах. «Чувствовалось, что Чингиз Торекулович, проявлял к Абхазии, к новшествам абхазской литературы, к нашей истории и культуре в целом, большой интерес. И я, конечно, старался дать киргизскому коллеге, пользовавшемуся широкой популярностью и в нашей республике, достаточно полное представление об истории и этнографии Абхазии, достижениях родной литературы, о писателях, делавших погоду в ней, о их произведениях» – делится своими воспоминаниями классик абхазской литературы.

Теплые дружеские отношения связывали Чингиза Айтматова с крупными мастерами абхазского художественного слова Иваном Тарба и Алексеем Гогуа. Алексей Ночевич рассказал мне о том, как общался в Москве с Чингизом Торекуловичем, делясь с ним своими личными впечатлениями о «Белом пароходе», который по мнению абхазского классика является наиболее ярким и глубоко самобытным произведением Айтматова.

Хочу подчеркнуть важность вхождения Айтматова в художественное сознание абхазов через превосходные переводы ряда его произведений на абхазский язык. В разные годы были опубликованы известные произведения Айтматова: «Материнское поле» (1968) в переводе поэта Константина Ломия, «Джамиля» (1971), «Встреча» (1975), «Сын бойца» (1984) («Султанмурат едет в город...»

в переводе поэта, прозаика Платона Бебиа. Эти переводы дополнили уникальный национальный фонд переводной литературы, представленной именами русских классиков, крупных мастеров мировой литературы. Сборник рассказов и повестей Айтматова на абхазском языке вышел в свет в 1981 году в государственном издательстве «Алашара». Редактором книги является известный абхазский литературовед, доцент Абхазского госуниверситета Руслан Капба.

Меня как абхазского литературоведа всегда интересовал фактор личных взаимоотношений Фазиля Искандера и Чингиза Айтматова – двух ярких представителей русской литературы 20-го века, внесших в ее развитие свой самобытный стиль, свое видение национальных и общечеловеческих проблем. В беседах с Фазилом Абдуловичем я убеждался в его очень добром, дружеском, уважительном отношении к личности Айтматова, его таланту и высокому мастерству.

Вот какую оценку дал Фазиль Искандер, который считал себя певцом Абхазии, своему киргизскому собрату по перу, в интервью корреспонденту радио «Свобода» (11 июня 2008 г.) по случаю его ухода из жизни: «Чингиз Айтматов был один из лучших наших прозаиков. Достаточно долгое время он писал и имел огромную аудиторию. Такие его произведения, как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Первый учитель», они читались буквально всей читающей страной, и он был один из самых любимых писателей. Он сочетал в себе прекрасное знание среднеазиатской жизни и соединил это с русским языком, достаточно свободно и достаточно уверенно. Насколько я знаю, его произведения переводились и на европейские языки и были и там любимыми. В общем, умер один из самых замечательных писателей нашей страны...».

Достаточно своеобразную характеристику творчеству Айтматова дал Георгий Гачев, называвший его писате-

лем «Евразии». «Его Киргизия – писал Гачев – мировой перекресток народов и культурных влияний...».

Смерть Айтматова была воспринята в Абхазии как невосполнимая утрата части своего духовного мира, настолько он был близок нам по характеру исследуемых психологических проблем, да и в целом по образу и культуре мышления. 11 июня 2008 года главное информационное агентство нашей республики «Апсныпресс» опубликовало текст телеграммы соболезнования Союзу писателей Кыргызстана, подписанной представителем Союза писателей Абхазии в России и странах СНГ Денисом Чачхалиа. Телеграмма гласила: «Писатели Абхазии с глубоким прискорбием восприняли весть о смерти выдающегося прозаика современности Чингиза Торекуловича Айтматова. Поистине всемирный гуманизм его глубокомысленных произведений повлиял на умы и души миллионов людей разных культур, подтолкнув их к доброте и совершенству... Писатель Айтматов обрел бессмертие задолго до своего ухода из жизни». Текст этот также был опубликован в Интернете, в портале «Новое время» от 16 июня 2008 г.

Судя даже по кратким, но очень содержательным высказываниям по проблемам Абхазии, историко-языковой ситуации в ней, можно было понять, что Ч. Айтматов не равнодушен к ее судьбе.

О Чингизе Торекуловиче тепло вспоминают сотрудники Пицундского Дома творчества им. Д.И. Гулиа. Так, работница библиотеки знаменитого пансионата Литфонда СССР Заринат Магомедовна Мустафаева рассказала мне о том, что Чингиз Айтматов приезжал сюда в творческую командировку, пользовался услугами библиотеки. Все, кто помнит его, общался с ним, были в восторге от скромности, интеллигентности и великого человеколюбия знаменитого писателя. «В то время сюда приезжали Юрий Нагибин, Булат Окуджава, Федор Абрамов и другие известные авторы. Работники пансионата проявляли

большой интерес к их творчеству, – вспоминает Заринат Магомедовна, живущая ныне в г. Пицунде.

Думаю, привлекателен еще один факт, связанный с знакомством известного и уважаемого в Абхазии человека, государственного деятеля Ризабя Кичевича Гулиа с Чингизом Айтматовым. По словам сына Ризабя, кандидата экономических наук Александра Гулиа, это знакомство состоялось благодаря писателю Георгию Гулиа. Александр помнит о переписке его отца с Чингизом Торекуловичем. Все это достойно более углубленного изучения.

Известный абхазский поэт Терентий Чаниа недавно опубликовал перечень книг, которые, по его мнению, должен прочитать каждый. В этом списке, среди произведений Хемингуэя, Шолохова, Мопассана, Цвейга, О. Генри значатся повести Чингиза Айтматова. «Примечательно, что в последние годы к личности и творческому наследию Айтматова стали проявлять глубокий интерес молодые исследователи. Так, в абхазском журнале «Акуа-Сухум» (2018, №1-2) опубликована статья молодого востоковеда, кандидата исторических наук Эланы Эшба под названием «Чингиз Айтматов – общее наследие России и исламского мира». Автор публикации выражает свою точку зрения на роль билингвизма в творчестве писателя и пытается найти в его двуязычии тайну философского взаимовлияния и симбиоза двух культур, духовно-эстетические истоки соприкосновения евразийских ценностей. «В творчестве Ч. Айтматова органически сливаются киргизские фольклорные и литературные традиции с опытом классической и современной русской литературы. Киргиз по национальности, двуязычный писатель, Айтматов не просто входит в мировую литературу, но и вносит в общий литературный процесс свои открытия, сделанные на почве сочетания национального с интернациональным. В этом, на мой взгляд, и кроется особая привлекательность и глубина его произведений» – отмечает Э. Эшба.

Хотел бы провести еще одну параллель. На мой взгляд, прослеживается определенная подспудная связь между миром художественных исканий Айтматова, рефлексивным воздействием его прозы и характером исследования духовных субстанций в многоплановом творчестве абхазского писателя-психолога Алексея Гогуа.

Оба автора стремятся представить на обозрение окружающему миру чрезвычайно актуальные нравственные и гуманистические проблемы сквозь призму мировосприятия своих соотечественников. То есть, они смогли создать художественный феномен, совмещающий в себе особенности национального мировоззрения и духовных пластов современной общемировой цивилизации.

Уверен, что диалог культур, в основе которого лежит айсберг под названием «Чингиз Айтматов» получит в перспективе еще больший размах и актуальность проблем, поднимаемых в бессмертных произведениях классика мировой литературы, будет возрастать.

В 70-е годы прошлого столетия, учась на филфаке Сухумского госпединститута, я, как и мои друзья по студенческому литкружку «Арџаш» («Поток»), проявлял большой интерес не только к классике, но и к творчеству популярных русских и зарубежных писателей того периода. Не сходили с уст стихотворения «шестидесятников». Запоем читали мы лирику Евтушенко, Вознесенского, Окуджавы, Ахмадулиной, Искандера, Высоцкого, Сулейменова. Редко, но попадались и стихотворения Иосифа Бродского. В Сухуме в те времена было немало хороших книжных магазинов и среди литературных новинок спокойно можно было отыскать сборники кумиров молодежи той поры, жаждавшей перемен и воздуха свободы. Кое-что попадало нам и в рукописном виде.

«Шестидесятники» заражали миллионы современников смелостью творческого самовыражения, яркой метафоричностью и броскостью образов, и долгие годы они оставались истинными властителями дум. Кстати, это литературное течение прямо или косвенно повлияло на творческие процессы, происходившие и в Абхазии. У нас появились свои «шестидесятники», поэты, формально подражавшие Евтушенко, Вознесенскому.

Было время, когда я страстно заучивал наизусть отдельные фрагменты поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС», строки из стихотворения «Казнь Стеньки Разина», на-

писанные, как говорится, на одном дыхании, в одном ритмическом ключе. Воссозданные поэтом действия, я воспринимал как сценические, настолько глубоко они впечатляли меня не только сменой декорации, но и новизной и притягательностью рифм:

...Над Москвой колокола гудут.
 К месту Лобному
 Стеньку ведут.
 Перед Стенькой,
 на ветру полоща,
 бьется кожаный передник палача,
 а в руках у палача
 над толпой
 голубой топор,
 как Волга, голубой.
 И плывут, серебрясь,
 по топору
 струги,
 струги,
 будто чайки поутру...

Я и сейчас с огромным удовольствием перечитываю эти строки...

Лекции по абхазскому языку и лирика Евтушенко

Что общего?

Еще больший интерес к поэзии Е. Евтушенко вызывали рассказы моей преподавательницы Екатерины Платоновны Шакрыл, которая перед завершением своих лекций по грамматике абхазского языка, успевала как-то незаметно окунуть нас, студентов филфака, в бурлящий поток поэзии «шестидесятников». Помню, читала она, без пафоса, внушительным, запоминающимся тоном

сухумской комнаты, где он поселился с Беллой Ахмадулиной. Этому периоду поэт посвятил немало проникновенных строк.

Я завидую белой завистью тем, кто не понаслышке знал о личных дружеских взаимоотношениях темпераментного, на редкость талантливого абхазского поэта Алексея Ласуриа и еще более энергичного, масштабного русского поэта Евгения Евтушенко.

В предисловии к книге «Абхазия – в русской литературе» Евгений Александрович небольшими штрихами, но очень емко раскрывает историю постижения страны, давшей новый импульс его творческим исканиям. «Когда-то безвременно ушедший абхазский талантливейший поэт Алексей Ласуриа открыл мне свой народ, свою страну. Мне повезло, потому что моим первым гидом по Абхазии был человек, у которого ничего не было от гида. Он мне много рассказывал и о трагедиях абхазского народа. А понять какой-либо народ, не зная его трагедий, невозможно...»

Первая поездка поэта в Абхазию, состоявшаяся, судя по его воспоминаниям, благодаря Фазилю Искандеру, описана в романе «Не умирай прежде смерти...» Увы, так распорядились судьба и время, что Евгений Евтушенко был, пожалуй, единственным крупным представителем «шестидесятников», кому довелось произносить слово на прощании с Искандером в Центральном Доме литераторов в Москве. И здесь из его уст прозвучали строки, посвященные памяти автора непревзойденного «Сандро из Чегема»:

Есть преджизнь.
И она не мгновенна.
Нас, Фазиль, вместе обнял Кавказ.
Все мы, люди, единогенны.
Ибо общий Господь у нас...

Мгудзырхское вино, мандарины, беседа у камина....

Вспоминается, на мой взгляд, еще один достаточно интересный эпизод. Было это приблизительно во второй половине 80-х. Алексей Гогуа, являвшийся тогда председателем Союза писателей Абхазии, как-то сказал мне, что Евгений Евтушенко находится у себя на агудзерской даче и просит зайти на чашку кофе. Они были друзьями по Литинституту и Алеша частенько рассказывал о нем, о их московских литературных «посиделках».

Алексей намекнул, что было бы неплохо и мне с ним поехать в гости. Было это осенью, помню, мандарины уродились на славу, и я решил съездить в Мгудзырху к тестю, чтобы взять у него бочонок домашнего красного вина и мандарины. Думаю, «не поедешь же в гости к знаменитому поэту с пустыми руками...», тем более, что он прекрасно разбирался в винах... Когда я рассказал, к кому мы собираемся ехать с такими подарками, мой тесть Тач Еснатович Пилиа, как бы забегаая вперед, заметил, что вино отличного приготовления и крепкую, тщательно отфильтрованную древесным углем чачу он даст из своего собственного погреба. А вот мандарины он посоветовал взять у близкого, на редкость гостеприимного соседа Уды Лейба, потому что они у него особые: очень сочные, вкусные и крупные. Так и сделали. Мой тесть, работавший лет тридцать директором местной школы, пользовался на селе большим уважением и мог постучаться в двери к любому односельчанину по любому поводу.

Уда счел за честь передать замечательному русскому поэту «частицу» своего урожая: он положил нам в багажник целый «акалат» (корзину) ярко-оранжевых абхазских мандаринов и настойчиво пригласил нас в свою амацурту, где мы подняли по рюмочке крепкой виноградной чачи, взбодрившей нас, затем искренне поблагодарив

радушного хозяина, отправились в Сухум. Алексей Ночевич был безмерно рад такому щедрому жесту мгудзырхвцев, и мы со своими «гостинцами» поторопились в Агудзеру, в гости к поэту....

Дом поэта на Гулрыпшском побережье

Дом с участком, приобретенный Евтушенко в начале 70-х годов прошлого столетия, располагался в Гулрыпшском районе, на очень красивой и престижной береговой линии. В советскую эпоху это было излюбленное место отдыха многих известных писателей. Здесь отдыхали и создавали свои произведения Константин Симонов, Георгий Гулия, Натали Саррот, другие видные мастера слова.

Я помню, как поэт, приступив к строительству нового дома, немало хлопотал, занимаясь поиском стройматериалов. Нередко обращался за помощью и к нашим чиновникам, которые, кстати, не пропускали ни одной литературной встречи с участием Е. Евтушенко.

Известно, что поэт останавливался на агудзерской даче с женой Джан Батлер, молодой симпатичной англичанкой, и их двумя детьми – Александром и Антоном. Интересен рассказ Евгения Александровича о том, как встретившись с очаровательной Джан в ресторане, он спросил ее: «Вы американка?», на что будущая супруга ответила довольно хлестко и утонченно: «Англия пока не входит в число Соединенных Штатов...».

Дом Евтушенко всегда отличался открытостью, гостеприимством. Поэт поддерживал теплые отношения с соседями, хозяевами этого прекрасного уголка земли. Неугасающая искорка этого близкого сродства с ними достаточно ощутима и в стихотворении «Нанду» («С абхазской бабушкой – нанду Мы рядом тохаем в саду...»), надолго запомнившимся многим абхазским читателям.

Война прошла смерчем и по этому живописнейшему побережью, как и по всей Абхазии. От роскошного дома, под сводами которого некогда кипела жизнь и творческие страсти, остался лишь каркас, обросший плющом и колючкой. Я не исключаю, что когда-нибудь дачи Константина Симонова, Евгения Евтушенко будут восстановлены, в них будут созданы музеи, и они станут частью не только русской, но и абхазской культуры.

Теплая беседа у камина

Было это вечером. Евтушенко завел нас в свою рабочую комнату. По тому, как были разложены книги и рукописи, нетрудно было догадаться, что он здесь не отдыхает, а работает. Здесь я впервые увидел компьютер, которым поэт пользовался, умело и достаточно технологично. Он печатал какую-то новую поэму. Не спеша показал нам, какими шрифтами он пользуется и посвятил нас в таинства процесса, которые у нас в Абхазии начинали едва осваивать только единицы. Мы, пишущие, пока еще были привязаны к своим пишущим машинкам (умышленно допускаемая мной тавтология) советского образца. Поэт заинтриговал еще и умением редактировать на компьютере напечатанный текст, выделять курсивом отдельные мысли, да и в целом дизайном подачи материала.

Затем он по-братски пригласил нас к камину, достаточно оригинально выложенному из декоративных камней. Весело потрескивали дубовые и грабовые поленья. Мы стали доставать свои подарки, Алешин водитель помог мне выгрузить «акалат» с лейбовскими мандаринами и бочонок с настоящей абхазской изабеллой. Хозяин достаточно эмоционально и благодарственно отреагировал на нашу предусмотрительность. Он достал несколько бутылок, по привлекательным этикеткам было видно,

что это были какие-то изысканные фирменные вина. Рядом с ними он поставил графин, наполненный нашим ароматным мгудзырхуским розливом, не уступавшим, как нам казалось, по своим дегустационным качествам, никаким другим сортам. Были тосты, звучали стихи, я получил огромное удовольствие от живой и насыщенной литературной беседы двух мэтров. В промежутке между тостами мы как-то плавно переходили на тему виноделия. Мне удавалось вставить стихи абхазских и русских классиков, насколько помнится, прочитал наизусть и небольшое стихотворение Бориса Пастернака «Монолог актера». Я знал, что Евтушенко любил Пастернака, считал его своим наставником, не зря ведь он оставил завещание похоронить его рядом с могилой Пастернака в Переделкино.

Вскоре после этой теплой встречи Евтушенко уехал в Америку, на какой-то большой литературный конгресс. Он пригласил туда Алексея Гогоа. Вернувшись оттуда, Алеша вручил мне новый фирменный галстук красного цвета с какими-то едва выделявшимися на красном фоне причудливыми узорами. Это был личный подарок от Евтушенко, который я носил по каким-то торжественным дням. Помню, несколько раз пришел в этом галстуке в первый Парламент Абхазии, депутатом которого я оставался весь срок. Показывал даже Владиславу Ардзинба, который, кстати, носил очень колоритные галстуки с восточными тонами (видимо, это объяснялось неким профессиональным пристрастием).

В Абхазии, как и в России, отношение к Евгению Евтушенко – разное, можно сказать, крайне противоречивое. И я не из категории тех, кто идеализирует поэта. Можно по-разному оценивать его личностные качества, но вряд ли можно отрицать силу его мощного творческого дарования, многогранного таланта. Ведь, Евтушенко успел поработать и в прозе, написав несколько романов. Мы

не можем замалчивать его весомый вклад в популяризацию истории Абхазии. Несмотря на политическую цензуру, фальсификации, запреты, введенные тбилисской метрополией в отношении Абхазии, Евтушенко написал большое предисловие к книге «Абхазия в русской литературе» (Сост. И.И. Квициния) под названием «С душою о Стране Души». Он успел побывать и на раскопках Цебельдинской (цабалской) крепости, проводившихся под руководством профессора Ю.Н. Воронова, и написать экспромтом небольшое стихотворение про древний «Цибилеум», которое наши археологи помнили наизусть. Думаю, интересен и тот факт, что Евтушенко, сблизившись с Юрием Николаевичем и его друзьями, помогал им в расчистке грунтовой дороги к археологическому полю. Видимо, поэт настолько глубоко проникся легендарной историей этого края, что решил отметить свое 50-летие в Цебельде, по горячим следам выступления в Московском спорткомплексе «Олимпийский». По этому поводу автор книги «Евтушенко: Love Story» (история любви) Илья Фаликов, пишет: «Концерт в спорткомплексе «Олимпийский»... Гигантский объем зала заполнили 12 тысяч зрителей... Евтушенко работал три часа, несколько раз менял насквозь пропотевшие рубашки. Мама сидела в первом ряду...

Отдыхавшись от «Олимпийского», он отправляется в Абхазию. Там его встречают как вельможу. Двадцать второго июля (1983) газета «Советская Абхазия» сообщала: «...В эти дни Евгений Евтушенко у нас, в Абхазии. Недавно он побывал в Новом Афоне, затем совершил поездку в колхоз имени XXIV партсъезда села Лыхны Гудаутского района, осмотрел новостройки и исторические памятники села, встретился с тружениками этого передового хозяйства... На следующий день Е. Евтушенко чествовали труженики Цебельдинского животноводческого совхоза Гулрипшского района. В просторном зале 1-й

средней школы состоялся большой вечер поэта... Участники вечера осмотрели место раскопок древнего Цибилиума... О славной истории главной крепости древней Апсилии рассказывали руководители археологической экспедиции Ю. Воронов, О. Бгажба. В ходе осмотра было высказано пожелание об усилении внимания к сохранению и популяризации уникальных памятников Цебельды и организации на их базе современного историко-архивного музея-заповедника...».

Как видим, информация подана в привычном стиле тогдашней официальной советской журналистики, но главное – факты, хроника событий и их актуальность и ценность в плане дальнейшего исследования биографии поэта, в которой Абхазия оставалась маленьким культурным оазисом.

«Жаль, что сегодня Евгений Евтушенко так далек от наших проблем... – пишет Светлана Хочолава-Воронова в книге воспоминаний о своем супруге Ю.Н.Воронове. – А я вспоминаю, как однажды мы вместе отправились на озеро Амткел, он с нашей дочкой Тamarой сидел в кабине самосвала, а его очаровательная английская жена Джан, я, Юра и другие гости – в кузове, едва не вываливаясь на ухабах горной дороги...»

«С душою о Стране души...»

В нашумевшем предисловии к этой книге Евтушенко коснулся таких пластов абхазской истории, этнологии, культуры, которые на протяжении многих десятилетий подвергались сомнению грузинскими историками. Он написал все, как было на самом деле. «И среди народов Кавказа – один из самых интереснейших, неповторимых и генеалогически сложнейших – это абхазский народ. Абхазский язык метафоричен, музыкален...» Он написал

тепло, откровенно и беспристрастно о нашей культуре, о русско-абхазском культурном феномене, о нашей литературе. Краткое, но очень содержательное предисловие придавало изданию, включавшему в себя уникальные произведения русских классиков об Абхазии и абхазах, еще большую значимость и весомость. Казалось бы, сигнальный экземпляр книги вышел, но тираж был остановлен. Позже, Слава Богу, все-таки удалось издать эту редкую книгу, ставшую теперь уже библиографической редкостью.

В историю абхазской культуры достаточно органично вписались воспоминания русских писателей об основоположнике абхазской литературы, великом мыслителе Дмитриии Гулиа. Вот каким запомнился народный поэт Абхазии Евгению Евтушенко:

«Знакомство с природой Абхазии, с ее людьми дало мне столько, сколько, пожалуй, дала только сибирская земля родная. И само понятие Абхазии неотделимо от имени Дмитриии Гулиа. Я был счастлив быть в его доме, говорить с ним, пить вино, мешая эту струю с мудростью и величием ума. Каждый будущий поэт Абхазии будет навсегда обязан Дмитриии Гулиа, потому, что он будет писать на основе его азбуки. Жизнь Гулиа – это корни настоящего и будущего абхазского народа».

Е. Евтушенко блестяще перевел на русский язык ряд стихотворений абхазских поэтов: Б. Шинкуба, И. Тарба, А. Ласуриа, Г. Гублиа и других. Он написал предисловие к роману Ивана Тарба «Глаза моей матери». Достаточно колоритно озвучены на абхазском языке и стихотворения самого Евтушенко – в исполнении Платона Бебиа, Николая Квициния, Константина Герхелия и других признанных мастеров абхазского слова. Е.Евтушенко высоко ценил незаурядное дарование русского писателя из Гагры Константина Гердова, был редактором его книги «Лицо встречи». В предисловии к данному изданию поэт

отмечал: «Гердов прекрасно чувствует не только море, но и землю Абхазии, и главное – руки людей, возделывающих эту землю, дарящих ей свой труд, свою любовь. Именно таких людей Гердов называет «Опорой земли»...

Свое отношение к личности и творчеству Е. Евтушенко выразил в интервью агентству «Спутник» поэт, литературовед, академик Мушни Ласуриа: «– Я помню, когда проводили Дни советской литературы в Абхазии, в середине 80-х годов, он был руководителем и душой этого огромного мероприятия.... В Агудзере он принимал высоких гостей, русских и зарубежных писателей, поэтов Кавказа. И мы, местные поэты, принимали в этом участие. Это были незабываемые встречи. Евтушенко был яркой личностью. Его знаменитые слова «поэт в России больше, чем поэт» говорили о том, что он осуществлял и представлял великую Россию не только как поэт, но и как общественный деятель, государственный человек... Под влиянием молодых Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского, Рождественского и других развивалась поэзия и вся литература оттепели.

«Я учился в московском Литературном в 60-е годы и лично ощущал, был свидетелем его огромной популярности. Бывал на его творческих вечерах на стадионах, на площади Пушкина, Маяковского, где он ярко выступал и как чтец, и как оратор, он, пожалуй, не имел себе равного», – подчеркнул М. Ласуриа, оценивая колоссальный творческий потенциал Евтушенко.

На одном из Всесоюзных семинаров молодых писателей в Москве (в 70-е годы) Е.Евтушенко дал высокую оценку лирике тогда еще молодого абхазского поэта, ныне – признанного мастера слова Рушбея Смыр. В обсуждении также принимал участие известный поэт Яков Хелемский. Рушбеи хорошо помнит, как в гости в его отцовский двор в с. Аацы Гудаутского района вместе с Иваном Тарба приезжал Евгений Александрович.

Я хорошо помню фотовыставку Евгения Евтушенко в Центральном выставочном зале Союза художников Абхазии, в Сухуме. Она стала настоящим событием в культурной жизни страны. Уникальные фотографии, их привлекательные сюжеты лишней раз подчеркивали наблюдательность и интуицию поэта, улавливавшего нечто сиюминутное, неповторимое, мгновенное.

«Единственная справедливость – это борьба за справедливость...»

Трогательно описаны в эссе «Под кожей статуи свободы» эпизоды пребывания Евгения Евтушенко и кубинского писателя, диссидента Эберто Падили в доме знатного абхазского крестьянина, мудреца Хусина Пилия (отца Шамиля Пилия) в высокогорном селе Гарп.

«Эберто первый раз попал в абхазский дом, и для него всё было внове: и копченые турьи ребра, которые надо было обмакивать в жгучий коричневый ткемали с плававшей в нём крошеной зеленью, и шлепнутая прямо на дощатый стол дымящаяся мамалыга с кусками сулугуни, уже начавшего плакать в ней чистыми, детскими слезами, и скользившие за нашими спинами безмолвные, как тени, женщины в черном, и гортанные песни мужчин, и особенно мудрость тамады – старика Пилии...» – так колоритно, так живописно воссоздает Евтушенко абхазский быт и дух гостеприимства. Единственная неточность в описании меню в том, что абхазы называют острую подливу из алычи не «ткемали» (это грузинский аналог), а «абхуаса-сыдзбал». Но это, я думаю, не трагично и не умаляет достоинств абхазской кухни...

– А что, если я у него спрошу кое-что? – наклонился ко мне Эберто. – Это не будет бестактно? – Давай, – улыбнулся я. Я хорошо знал абхазских крестьян и потому не сомневался в старике Пилии. Эберто поправил очки

и сказал: – Я хочу спросить у вас о самом главном, что меня мучает: существует ли полная справедливость, и если существует, то как за неё бороться? Старик Пилия ответил так: – Хорошо, если это тебя мучает, гость с далекого острова, где, как я слышал, хотят бороться за справедливость. Конечно, даже горы молоды для того, чтобы ответить на этот вопрос, а я моложе гор. Но все-таки скажу то, что думаю. Единственная справедливость, которая существует, – это борьба за справедливость. Ты спрашиваешь, как за неё надо бороться, гость с далекого острова? За справедливость не всегда надо бороться со слишком открытой грудью потому, что тогда сделают хуже и тебе, и справедливости. За справедливость надо бороться с умом, но и не слишком хитро, потому что тогда твоя борьба за справедливость может превратиться только в борьбу за твоё собственное существование...».

Таким философским умозаключением, достойным глубины и уровня древневосточных сентенций, заканчивается рассказ, в котором гениально совмещены мысли простого абхазского крестьянина и знаменитого кубинского поэта.

В творчестве Евтушенко немало ярких, неповторимых художественных вкраплений на абхазскую тему. Да, немало среди абхазов лиц, считающих, что Евтушенко, поэт с мировым именем, мог бы выразить свое принципиальное и более определенное отношение к грузино-абхазской проблеме, к войне, к грузинской вооруженной агрессии, ее страшным трагическим последствиям. Но, видимо, все это не так просто. Евтушенко не скрывал своей симпатии к грузинской культуре. Но при этом, поэт сохранил свое доброе, дружеское отношение к Абхазии. К ее истории и древней культуре, не смешивал ее с грузинской, как это делали хитро-мудро другие видные зарубежные писатели и ученые. Думаю, стоит вспомнить, что после войны он все-таки приехал не в Грузию,

а в нашу страну и встретился с Первым Президентом Абхазии В.Г. Ардзинба. И этого не могли простить ему грузинские коллеги, как не прощали никому, кто осмелился хоть как-то оспорить их взгляд на историю, на политическую ситуацию. Не простили академику Андрею Сахарову, Булату Окуджаве, Андрею Битову и многим другим.

Затрагивая тему приезда Евтушенко в Абхазию в 2010 году, «Тбилисское интернет-издание «Наша Абхазия» опубликовало информацию под заголовком «Евгений Евтушенко плюнул в лицо». Переводчица Анаиды Беставашили в своей скандальной публикации «В поисках утраченного имущества» также не могла скрыть своего возмущения в связи с тем, что поэт посетил Абхазию, как бы в обход Тбилиси: «На мой вопрос, как могло получиться, что человек, которого в Грузии более полувека называли своим братом, в такой тяжелый момент оказался не в Тбилиси, а совсем наоборот, – в зоне, оккупированной российскими войсками, он раздраженно ответил, что никто не имеет права за ним следить и что, разговаривая со мной, он чувствует себя как на допросе у Берия». Более подробно пишет об этом Виталий Шария в своей публикации «Евтушенко и Абхазия».

Да, много чего можно было бы рассказать о выдающемся писателе современности. Но как бы не отзывались о нем, и поклонники, и ненавистники, – он, на мой взгляд, остается великим поэтом, ярким символом переломной, в чем-то и судьбоносной эпохи, ее знаменем, одним из реформаторов современного русского стиха. Не сомневаюсь, что мы еще долго будем находить в его стихах, поэмах отзвуки своих переживаний, тревожных раздумий о настоящем и будущем... Слова и строки Евгения Евтушенко, неповторимая палитра его красок, дадут нам возможность вновь окунуться в стихию родной природы, насладиться ароматом ее великих даров: «Мы блаженно пробовали на рынке землянично-душистую

«Изабеллу» цвета заката при хорошей погоде, которую нам щедро наливали из сиреневых шлангов в липкие граненые стаканчики...» Складывается ощущение, будто в этих живописнейших образах, их ярком южном колорите присутствуют отголоски великих творений мастеров эпохи Ренессанса...

«Правители поработали Кавказ, писатели влюбились в него...». Думаю, эта замечательная фраза, произнесенная когда-то Евгением Евтушенко, вполне характеризует и его личное отношение к Кавказу, к Абхазии, ставшей частью его творческой судьбы.

КУЛЬТУРНЫЙ ОАЗИС ПИЦУНДСКОГО ЛИТФОНДА *(из истории литературных взаимосвязей)*

Истории, воспроизведенные в данном исследовании известным абхазским писателем, эссеистом, доктором филологических наук, академиком АНА Владимиром Зантариа, возвращают к советской эпохе, когда в знаменитом Пицундском Доме творчества им. Д.И. Гулиа происходили встречи и беседы многих крупных мастеров художественного слова. Здесь создавались произведения, которые затем публиковались на страницах элитных литературных журналов, выходили отдельными книгами, становясь бестселлерами, пользовавшимися широкой популярностью.

Автору удалось совместить хронику реализации уникального проекта «Пансионат Литфонд со свободной интерпретацией тем, дискутировавшихся на пицундских литературных «посиделках», творческих семинарах, симпозиумах. Параллельно в книге есть сюжеты о малоизвестной закулисной жизни абхазских и российских писателей, обогащающие представления о их характерах и взаимоотношениях.

«С бессмертной душой земли...»

Пицунда – воистину сказочный уголок знаменитого Абхазского Причерноморья. По данным некоторых письменных источников, история происхождения Пицунды, овеянная древними мифами и легендами, уходит корнями во II тысячелетие до н.э. Еще Страбон называл этот общепризнанный центр древней цивилизации Великим Питиунтом.

Завораживает глубокая и звучная тишина тысячелетних реликтовых сосен. Пленяет взор буйство красок природы, сочетающей в себе колорит таинственного взаимопроникновения дымчатой пейзажности лдзаавских холмов, самобытно-экзотичной диковинности долины оз. Инкит. Непривычна и привлекательна лапидарно-классическая очерченность ландшафта пицундского морского побережья.

Неповторимый образ пицундских реликтовых сосен – удивительных абхазских эндемиков, не мог остаться вне поля зрения выдающихся мастеров слова. Наблюдательный и утонченный во всем Александр Твардовский, впервые ступив на пицундскую землю в 1962 году, на мой взгляд, достаточно метафорично и емко выразил в своих дневниках философское отношение к судьбе редкостных деревьев, символизирующих стойкость и непокорность духа:

«...Сосны той породы, которая, говорят, на всей земле вымерла лет 30 000 тому назад. У них нет родни ни в этих горах Кавказа, от которых они отодвинуты к самому морю, ни на Урале, ни на Дальнем Востоке, ни в Канаде, нигде. Одинокое, отчужденное племя сосен, как будто знающих что-то свое, но и живущих уже, как во сне, за чертой своего века. Как выразительно, что они сбились у самого моря, сливают шум с его шумом и «жаханьем», – им есть, должно быть, о чем поговорить: у моря век еще куда более древний...».

Восхитительная пицундская природа, пленительная роскошь знаменитой пицундской сосны не осталась незамеченной и известными абхазскими авторами. В своем стихотворении «Сосны и люди» Юрий Лакербай придал им яркую, незабываемую загадочно-аллегорическую окраску:

Мыс Пицундский...
Здесь город растет,

Новый город, заложенный нами,
Добрый город с большими домами,
Яркий, словно гранатовый плод!
Город будет на тысячи лет.
Только сосны рубить мы не будем,
Это давние, давние люди
Нам послали зеленый привет!

В не менее ярком и самобытном художественно-философском и медитативном преломлении предстает символ пицундской сосны в стихотворении Дениса Чачалиа «Неистребимость»:

Сосны. Пицундские сосны
На полукруглом мысу
Словно забыли, что осень
Красит деревья в лесу.

Рощи, сосновые рощи,
Вы перед нами правы:
Вам умереть было проще,
Только не вымерли вы.

С ветром и бурями споря,
Вам не давала упасть
В землю влюбленного корня
Вечнозеленая страсть...

Одним из первых русских писателей, вступивших на благодатную и гостеприимную абхазскую землю, был русский поэт, дипломат, видный представитель пушкинского окружения Е. П. Зайцевский, который еще в 1823 году в проникновенном стихотворении «Абазия» высоким и достаточно возвышенным слогом выразил свое

отношение к поразившей его творческое воображение природе древней Апсны:

Забуду ли тебя, страна очарований!
Где дикой красотой пленялся юный ум,
Где сердце силою пленительных мечтаний
Узнало первые порывы смелых дум
И в даль несло восторг живейших удивлений!

«Марш-бросок» в историю Пицундского Литфонда

На первый взгляд это высотное здание не отличается ничем особенным от соседних корпусов курортных пансионатов советского образца, символизировавших облик брутализма с подчеркнутой массивностью форм и конструкций.

Однако за 40 с лишним лет «Пицундский Литфонд» (такое название закрепилось за комплексом и среди отдыхающих, и среди местных жителей) занял достойную нишу, как в архитектурном ансамбле новой Пицунды, так и в многообразной художественно-публицистической летописи российско-абхазских литературных взаимосвязей.

Предыстория и история его создания, крайне скупо освещенная в прессе, во многом перекликается с уникальной, пока еще не до конца исследованной документальной хроникой культурного сотрудничества Абхазии со странами бывшего СССР.

Между тем, это – маленькое окно, распахнутое в большой, многоликий и многоголосый мир художественного творчества, в котором абхазская культура изначально занимала свое скромное место. Многие представители творческой элиты бывшего СССР писали и продолжают писать интересно и увлекательно о днях своего пребывания в Пансионате Литфонд г. Пицунда. Некоторые из

них откровенно признаются в том, что благотворная аура Пицунды (Абхазии и ее культуры) как бы изнутри подтолкнули их к созданию своих новых произведений. Думаю, и в наши дни каждый, кто приедет в Пицунду на отдых, с удовольствием пополнит свои познания информацией о том, что под сводами Дома творчества в разное время звучали стихотворения Б. Шинкуба, Ф. Искандера, Р. Гамзатова, К. Кулиева, И. Тарба, М. Ласурия, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Р. Рождественского, О. Чухонцева, А. Дементьева, В. Солоухина и других знаменитостей. Пансионат помнит голоса известных абхазских авторов Т. Аджба, Н. Квициния, П. Бебиа, Н. Тарба, В. Амаршана, Р. Смыр, Г. Аламиа, Д. Чачхалиа, И. Хашба, А. Лагулаа, Н. Патулиди, Н. Венедиктовой. В свое время здесь кипели литературные страсти, шли жаркие споры и дискуссии по проблемам развития жанров, творческого обмена, тенденций становления и совершенствования художественного перевода.

Вследствие распада СССР, и вызванных им катаклизмов, пицундские интеллектуальные беседы и семинары стали редкими и эпизодическими. Однако ностальгия по нормальному творческому общению заметно усиливается.

Люди искусства по-прежнему живут упованиями на то, что рано или поздно усилия дипломатов и политиков приведут к восстановлению и возрождению некогда утраченного культурно-информационного пространства. Удастся ли вернуться к пицундским «чтениям» и «литературным чаепитиям» – покажут время, характер и векторы развития событий бурного и малопредсказуемого 21-го века.

На фоне этих политических потрясений следует отметить, что во время Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 гг.), когда многие крупные курортно-туристические и культурные объекты были разрушены или значительно пострадали в ходе боевых действий, знаменитый

Пицундский Литфонд удалось уберечь во многом благодаря усилиям Союза писателей Абхазии, Администрации творческого комплекса, его коллективу (во главе с Д.К. Пилия). А для того, чтобы пансионат вновь стал функционировать после войны, в тяжелейших условиях экономической блокады Абхазии, понадобились значительные усилия опять-таки достаточно многочисленной Абхазской писательской организации, которая смогла, собравшись с силами, уверенно выступить в качестве правопреемницы писательского сообщества бывшей советской державы (и его Литфонда). И здесь, конечно, резонно и логично подчеркнуть личный вклад таких маститых писателей, как Баграг Шинкуба, Иван Тарба, Алексей Гогуа, Мушни Ласуриа, Борис Гургулиа, Николай Квициния, Терентий Чаниа, Геннади Аламиа и др., которые, в разные годы возглавляли писательскую организацию. Они последовательно и принципиально добивались сохранения не только творческих, но и правовых отношений с пицундским Домом творчества писателей им. Д.И. Гулиа.

В этом нелегком, в чем-то и конфликтном, процессе значительна роль известного поэта, переводчика, историка, лауреата Государственной премии им. Д.И. Гулиа, почетного доктора Академии наук Абхазии Дениса Чачалиа. Совместно с Союзом писателей нашей республики, он энергично возглавил работу национального Литфонда, учрежденного в экстремальных блокадных условиях.

Были предприняты первые шаги по налаживанию связей Дома творчества в Пицунде с писателями дружественной России. В то же время абхазские литераторы, несмотря на отсутствие в ту пору достаточно комфортабельных условий, продолжали прерванную войной творческую деятельность. Здесь, в писательском пансионате, ими было создано немало вдохновенных строк. Из личной беседы со многими абхазскими авторами мне известно, что они работали здесь не только над рукопи-

сиями довоенных незавершенных произведений, но и над новыми вещами, начатыми или завершенными в дни пребывания в Пицунде.

Интересные предпосылки

Как зарождался Литфонд в России?

Сегодня, в эпоху бурного вторжения технократической цивилизации в жизнь человека, в сферу культуры, видимо, многие не имеют полноценного представления об истории возникновения такого историко-культурного и духовного феномена, как Литературный фонд. И поэтому, вижу целесообразность изложения краткой исторической справки.

На стадии своего зарождения это общественное объединение заявило о себе как «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Оно было учреждено в 1859 году в Санкт-Петербурге. Идея создания Литфонда по подобию английского *Literary fund* принадлежала писателю Александру Дружинину. Она была воспринята с сочувствием и одобрением братьями по литературному цеху Иваном Тургеневым, Николаем Чернышевским, Николаем Некрасовым, Константином Кавелиным, Павлом Анненковым и др. Её изначально поддержал Лев Толстой. Проект устава общества был составлен Заблочким-Десятковским и Кавелиным и «высочайше утверждён 7 августа 1859 года». Первое общее собрание учредителей состоялось 8 ноября того же года на квартире министра народного просвещения Евграфа Петровича Ковалевского. Литфонд России продолжал свою деятельность до революции 1917 г. Прерванная Гражданской войной и другими политическими потрясениями работа Литфонда была возобновлена с 1923 г.

Средства Литфонда складывались из членских взносов и пожертвований энтузиастов.

«Чтения, лекции и спектакли Литературного фонда имели шумный успех. Это были встречи писателей с читателями, на которых публика видела впервые своих любимых авторов. Выступали Островский и Писемский, Тургенев и Гончаров, Достоевский и Некрасов, Полонский и Майков и др.» (Литературному фонду СССР – 125 лет. Внешторгиздат. Изд. №К1297. С.5.). Средства, заработанные на таких акциях, шли на пожертвования и помощь нуждавшимся (осиротевшим) литераторам, ученым и их семьям, а также на издание литературных и научных изысканий авторов, которые не были в состоянии издать их своими силами и возможностями. Литфонд практиковал в соответствии со своим Уставом выдачу ссуд писателям и ученым.

Примечательно, что известный писатель-публицист В.О.Михневич завещал Литфонду еще при жизни собственную усадьбу, а инженер В.Ф. Голубев – 150 тыс. руб. Благодаря этим пожертвованиям впервые в России был создан «Дом писателя» из 12 комнат – с библиотекой, читальным залом, прачечной и столовой (из книги «Литературному фонду СССР-125 лет». С.11).

Уже в советскую эпоху новая страница в истории крупного объединения открывается с «Постановления СНК СССР об образовании Литературного фонда СССР, вышедшего 28 июля 1934 года. Согласно новому документу, «членам ССП полагались следующие виды помощи: специальные пособия начинающим авторам, возвратные пособия, безвозвратные пособия в случаях тяжелого материального положения. Была установлена выдача пособий всем членам Литфонда в случае нетрудоспособности в размере от 200 до 600 рублей в месяц, причём для членов ССП – до 1 тысячи рублей. Пособие не могло превышать 6 тысяч рублей в течение года для членов ССП и 3 тысяч рублей – для остальных членов Литфонда. Созданный в соответствии с Законом (издан

28 июля 1934 г.) Литфонд СССР получил название в честь существовавшего с 1859 г. (до Гражданской войны) общественного объединения, выполнявшего некоторые функции писательского профсоюза. До развала СССР Литфонд был подотчетен СП СССР.

Таков нелегкий путь поэтапного становления профессионального сообщества, сыгравшего значительную роль в судьбе многих писателей и их семей. И для абхазских писателей (для абхазской литературы в целом) имеет особое значение сохранение прочных традиционных связей с Домом творчества им. Дмитрия Гулиа.

Процесс реконструкции российско-абхазского Литфонда набирает обороты. Знаменитый Дом творчества, где в свое время отдыхали и создавали свои выдающиеся произведения классики мировой литературы находится сейчас на этапе своего кардинального обновления. Госкорпорация «РОСАТОМ» вкладывает значительные финансовые средства в модернизацию комплекса. Напротив фасадной части основного корпуса воздвигнут новый бюст патриарха абхазской литературы Дмитрия Гулиа, с именем которого ассоциируется зарождение и развитие российско-абхазских культурных взаимосвязей. Скульптурный портрет выполнен народным художником Абхазии Амираном Адлейба. Этот вопрос давно волновал абхазскую интеллигенцию, исполнительный директор пансионата А.Е. Авидзба лично содействовал реальному воплощению проекта. Памятник стал своеобразным (и знаковым) жестом уважительного отношения к культурным традициям.

Абхазские классики продолжают выступать за возрождение традиций и проведение под сводами уникального пицундского дворца – российско-абхазских

литературных семинаров и симпозиумов. Это придало бы значительный импульс многовековому культурному симбиозу двух дружественных государств. Традиции, духовный обмен – это та ценностная основа, на которой можно выстроить реальную перспективу творческого содружества и взаимодействия, широкого российско-абхазского литературного диалога.

На мой взгляд, следует актуализировать при непосредственном участии абхазских и российских писателей идею создания на базе Дома творчества им. Д.И. Гулиа литературного музея истории литературных взаимосвязей. Пансионат в разное время посещали многие крупные деятели литературы и искусства, оставившие здесь множество воспоминаний, дневниковых (путевых) заметок. В их личных архивах хранятся уникальные фотодокументы, связанные с Пицундским Домом творчества и литературными встречами. Все это может стать частью редких музейных экспозиций.

«Как сказать по-абхазски: «Люблю!»»

Недавно мои поиски сообщений об абхазо-российских литературных взаимосвязях пополнились новыми находками. Директор Национальной библиотеки им. И.Папаскир в г. Сухуме Борис Чолариа любезно предоставил мне рукописи стихов об Абхазии и Пицунде, созданных поэтами (прозаиками), переводчиками, останавливавшимися в разное время в Пицундском Литфонде. Эти посвящения вошли в рукописный сборник «У самого синего моря». Забегая вперед, хотел бы процитировать одно из проникновенных стихотворений, автором которого является поэт из Ангарска Валерий Алексеев: «Слышу моря космический гул, Вижу смуглые девичьи лица... По дороге на озеро Рица наш автобус сюда завернул. Ветер яростно волны полощет у застенчивых пальм

на виду. Я от них по реликтовой роще в кайнозойскую эру иду. Это время мне кажется сказкой, но поняв, что оно не мое, Я знакомлюсь с прекрасной абхазкой и, как мальчик, влюбляюсь в нее. Притворяюсь равнодушным для вида, Каждый взгляд ее сердцем ловлю, и шепчу тихо на ухо гиду: – Как сказать по-абхазски: «Люблю!»»

Казалось бы, это строки, написанные экспромтом, легким росчерком пера, навеянные сиюминутными эмоциями и впечатлениями. Однако и они, на мой взгляд, представляют определенную ценность для тех, кто интересуется психологической атмосферой, царившей в замечательном писательском доме. И эти отнюдь не претенциозные стихи могут стать частицей литературной хроники, запечатлевшей отношение русской интеллигенции к абхазской культуре. В найденном сборнике я встретил стихи Михаила Курганцева, замечательного московского поэта-переводчика, которого я знал лично, а также – Василия Соколова из Новгорода, ленинградского поэта Владислава Шошина и многих других авторов. Все они прямо или косвенно причастны к тем интересным литературным событиям, которые происходили в Доме творчества им. Д.И. Гулиа. Уезжая, писатели мысленно возвращались к Дому на берегу лазурного моря, к которому успели природниться, почувствовав здесь новые источники творческой энергии и вдохновения.

Я еще вернусь к некоторым из поэтических посвящений, ставших частью вышеупомянутого сборника. Но для полноты и достоверности информации о литературных взаимосвязях, обратимся к их краткой истории.

Ретроспективный взгляд

В XIX и XX столетиях Абхазию, которую сами абхазы – коренные жители этой земли – издревле называют Апсны – страной (землей) души, – посетили Е. Зайцевский,

А. Чехов, В. Немирович-Данченко, Д. Мордовцев, А. Бестужев-Марлинский, В. Каменский, М. Горький, Н.Тихонов, А.Толстой, Н. Асеев, К. Федин, К. Паустовский, И. Бабель, В. Соллогуб, А. Белый, и др. В последние годы события, связанные с их пребыванием в нашей стране, пополнились новыми документами и фактами. Созданные русскими писателями художественные и публицистические произведения об Абхазии – богатый и на редкость ценный пласт культуры, заслуживающий многогранного исследования. Время от времени мы обращаемся к разножанровым публикациям, проникнутым большой симпатией к нашему народу, его традициям, религии, ритуальной культуре. Лелея мысль о возвращении в нашу страну, Владимир Соллогуб мечтал вновь побывать в храмах «которыми так богата Абхазия и в чудных ее ущельях и горах», «прислушаться к народным поверьям, где язычество смешивается с христианским учением». Он писал об этом восторженно в своих ярких путевых заметках: «Тогда я представлю не беглый путевой очерк, а целую картину страны, которой нет подобной в Европе...».

Примечательно, что творческая судьба авторов стихотворений, рассказов, повестей и поэм о нашей стране во многом перекликается с историей Абхазии, прямо или косвенно связана с ее переломными и судьбоносными вехами. В произведениях на абхазскую тему заметно стремление мастеров слова постичь таинства неуядаемой и неповторимой красоты нашей природы, древние духовные истоки народной культуры и эстетики. Я думаю, не менее привлекательна в контексте художественно-познавательных и эстетических исканий абхазская тематика в творчестве ряда русских классиков, посетивших Абхазию уже в советскую эпоху. Зарубежных авторов (писателей, путешественников, ученых, дипломатов) интересовала не только внешняя, или, образно говоря, приглаженная фасадная сторона абхазской дей-

ствительности, но в первую очередь история, ее драма, окутанная таинственностью, быт и нравы, национальные характеры, архетипы, особенности мышления и мировидения народа. И это, вполне естественно, такие редкостные проявления национальной ментальности составляют, на мой взгляд, суть и сердцевину абхазской народной философии.

И вновь обратимся к истории литературных взаимосвязей, характеризующихся некоторой закономерной цикличностью. Чьими же именами отмечен процесс культурного-философского освоения, осмысления нашей страны уже в советскую эпоху, в более близкие и доступные для нашего восприятия срезы новой и новейшей истории?

В Абхазию, начиная с 20-х годов в творческую командировку, на отдых или в силу различных обстоятельств, приезжали достаточно влиятельные творческие личности: А. Твардовский, М. Шолохов, К. Симонов, А. Фадеев, О. Мандельштам, С. Маршак, В.Шершеневич, В. Стражев, Л. Леонов, В. Шкловский, Д. Голубков, М. Шагинян, Ф. Гладков, В. Дудинцев, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов, К. Кулиев, Ф. Искандер, В. Солоухин, М. Дудин, М. Светлов, А. Первенцев, Д. Гранин, Ф. Абрамов, В. Гроссман, В. Быков, А. Рыбаков, А. Приставкин, Е. Рейн, Г. Гулиа, Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, А.Кушнер, В. Высоцкий, Р. Казакова, М. Алигер, Ю. Мориц, О. Чухонцев, А. Дементьев, Ю. Семенов, И. Драч, П. Мовчан, Л. Талалай, А. Адамович, И. Машбаш, А. Кешоков, Э. Радзиньский, Ю. Покальчук и др. Как видим, перечень авторов весьма внушительен и масштабен. И каждый из них отметил свое пребывание в абхазской ривьере новыми стихами, рассказами, новеллами, повестями, очерками, воспоминаниями, записями в дневниках.

Это писатели с совершенно разным мироощущением, убеждениями, взглядами, творческой манерой, почерком, стилем, но интересно, на мой взгляд, то, что достаточно заметно в их произведениях, посвященных Абхазии, некоторое, пусть даже отдаленное символическое (образно-ассоциативное) созвучие, в частности, в раскрытии национальных черт, особенностей образа жизни, характера мышления литературных персонажей. Лучшие произведения, принадлежащие перу русских или других национальных писателей, могли бы составить отличную литературную антологию, и войти в фонд своеобразной художественной истории нашей страны. И я бы назвал этот проект условно: «Абхазия – сквозь призму творческих раздумий зарубежных писателей».

Известный кавказовед, абхазский историк, поэт, публицист Станислав Лакоба, в своей книге «Крылились дни в Сухум-кале» (Сухум, 1988), касаясь пребывания Осипа Мандельштама в Абхазии и его восприятия абхазской речи, отмечает: «Воздушную мысль Белого о «будущей речи» более четко определил Мандельштам. Конечно, независимо от Белого. Осип Мандельштам относился к абхазскому языку, как к «будущей речи» человечества. В 1930 году он был в Сухуме: «Отсюда следует начинать изучение азбуки Кавказа, здесь каждое слово начинается на «а». Язык абхазский мощен и полногласен, но изобилует верхне- и нижнегортанными слитными звуками, затрудняющими произношение; можно сказать, что он вырывается из гортани, заросшей волосами. Боюсь еще не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку «абсны» – хотя в отдаленном будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару. Фонетическая руда Европы и Америки иссякает. Залежи ее имеют пределы...»

Невольно возникает вопрос: что же общего между классическим духовным наследием об Абхазии, оставленным русскими (советскими) литераторами, и идеей создания Пицундского Дома творчества писателей им. Д.И. Гулиа? Я думаю, что замысел проектирования подобного комплекса основывался не только на исключительной привлекательности природно-климатических условий живописного уголка Кавказского Причерноморья. Идея, по всей видимости, основывалась на более глубокой историко-культурной мотивации. К тому же, не малый опыт работы сравнительно небольшого Дома творчества писателей в г. Гагре, функционировавшего еще с 50-х годов прошлого столетия, сыграл, на мой взгляд, не последнюю роль в дальнейшем развитии инфраструктуры отдыха знаменитых советских и зарубежных писателей. Так или иначе между Гагрским и Пицундским домами творчества писателей прослеживается определенная историко-культурная взаимосвязь.

«Древняя земля, приютившая человека...»

Сюда, в живописную Гагру, уголок абхазской земли, пленяющий сказочным сочетанием предгорного ландшафта и причерноморского пейзажа, в разное время приезжали известные представители национальных литератур. Они погружались здесь в мир своих художественных исканий, работали над своими рукописями. Здесь вынашивались и ложились на письменный стол новые сочинения. Завязывались контакты с абхазскими и грузинскими писателями, чьи произведения переводились на русский и другие национальные языки. Нередко отдохавшие и работавшие в Гагрском Литфонде авторы проводили творческие вечера и встречи с читателями. И поэтому неудивительно, что на страницах книг мастеров слова упоминаются Абхазия и этот один из ее

самых экзотичных уголков. Судя по книге отзывов и пожеланий, хранившейся в свое время в Гагрском писательском доме, деятели литературы и искусства чувствовали себя здесь, на берегу Черного моря, у самого подножья величественных абхазских гор, достаточно комфортно и уютно. Музы и чарующая красота абхазской природы вдохновляли писателей, пробуждая в них сокровенные чувства и мысли, настраивали на плодотворный творческий поиск. Здесь отдыхали и углублялись в творческий процесс Р.Гамзатов, Б. Полевой, Л. Кассиль, Н. Хикмет, известные писатели из Москвы, Ленинграда, Киева, Сухума и Тбилиси.

На мой взгляд, заслуживает определенного внимания и тот факт, что в Гагрском Доме творчества писателей, в свое время отдыхал известный писатель, ученый, доктор филологических наук и доктор искусствоведения, переводчик Александр Иосифович Дейч со своей супругой, специалистом в области зарубежных литературных взаимосвязей с Евгенией Кузьминичной Дейч. Из беседы с ней, записанной мной 2 октября 2006 г. в Пицундском Доме творчества им. Д.И. Гулиа, я узнал, что в Гаграх произошло более близкое знакомство ее мужа со многими писателями и культурными деятелями Абхазии. «К нам приезжали и Русудан (Биана) Александровна – дочь художника А. Чачба-Шервашидзе, и многолетний исследователь творчества художника Боча Аджинджал.

Биана Александровна познакомила нас с Багратам Васильевичем Шинкуба. Мы с ним очень подружились. И когда уже А.Дейч не стало, Баграт Васильевич всегда мне звонил, когда бывал в Москве...» Было бы несправедливо не отметить, какую неоценимую дипломатическую и посредническую роль сыграла Евгения Кузьминична при переносе в 80-е годы праха великого абхазского сцено-

графа А.К. Чачба из Монте-Карло в Сухум, где он был перезахоронен с высокими почестями.

Думаю, необходимо коснуться еще одной темы, связанной с взаимоотношениями Александра Дейч с абхазской интеллигенцией. Курируя в Гослитиздате бывшего СССР редакцию национальных литератур, Александр Иосифович впервые стал вводить в план редсовета абхазскую литературу. «Первой книгой, – вспоминает Евгения Кузьминична, – подготовленной к изданию, была книга Михаила Лакербай, который недавно вернулся из ссылки... Книга его рассказов проходила трудно. Ее три раза снимали из плана. Дейч написал внутреннюю рекомендательную рецензию, и книга вышла, с ее автором мы очень подружились, он у нас даже ночевал несколько ночей...» Дружба писателя и ученого А.И. Дейч с абхазской интеллигенцией имеет свою еще более раннюю историю. В Петербурге ставились пьесы Александра Иосифовича, публиковавшегося уже с 15 лет. И как раз там он и познакомился с главным художником-декоратором Императорских театров А.К. Чачба.

Достаточно интересен и привлекателен тот факт, что в Гагрский Дом творчества писателей неоднократно приезжал, начиная с 1949 года, поэт Михаил Дудин. Примечательно, что под неизгладимым впечатлением абхазской природы, знакомства с историей края, непосредственного общения с местными жителями, ленинградский поэт создал цикл новых стихотворений. О том, как прошел традиционный литературный вечер в Гаграх с участием Михаила Дудина, сообщала газета «Советская Абхазия» в номере от 11-го ноября 1970 года. «Абхазия – это не только солнце и синие теплые волны Черного моря, набегающие на гальку прибрежной полосы и зеленые гребни гор, замыкающие горизонт. Абхазия – это древняя земля, приютившая человека, и в благодарность за этот приют возвеличенная и облагороженная трудом человека», –

так восторженно и живописно отзывался русский поэт о стране, сохранившей себя, свою историю, этнокультурный облик в условиях ожесточенного противоборства различных империй, огнем и мечом насаждавших здесь свои «порядки».

В советскую эпоху в Гагрском Литфонде отдыхали и классики, и молодые члены Союза писателей СССР. В 1976 году, судя по книге В.П. Пачулия «Русские писатели в Абхазии», здесь в писательском Доме творчества над романом «Ягодные места», прозаическим произведением, дающим срез эпохи, «историю нескольких поколений во всей ее многоплановости...» – работал выдающийся мастер поэтического слова Евгений Евтушенко. Здесь же рождались некоторые его знаменитые стихи. В Гаграх проводил свои плодотворные творческие дни один из видных «шестидесятников» Роберт Рождественский. Стал весьма популярным среди отдыхающих его экспромт, посвященный красоте феерического гагрского побережья:

Хочу запомнить гул прибоя, Оставить горы неразгаданными. И пусть над каждой судьбою – Такое ж солнце, как над Гаграми...

Позже, отголоски пребывания Р.Рождественского в Пицундском Доме творчества им. Д.И. Гулия, мы встретим в стихотворении «Слушая радио...», лейтмотивом которого стало беспокойство поэта за судьбу планеты Земля:

Земля
с теплом Пицунды и Майами,
с глотком вина в гортани пастуха,
с ангарским бегом, с медленностью Вислы –
так страшно,
так невысказанно
суха,
что может вспыхнуть от случайной искры!

Думаю, не могут не заинтриговать читателя факты, связанные с историей приезда в Гагру кумира разных поколений, знаменитого поэта, актера, исполнителя бардовских произведений Владимира Высоцкого. Журналист Элеонора Гилюян, автор интересных и увлекательных телепрограмм на тему: «Высоцкий и Абхазия», рассказала корреспонденту агентства «Sputnik», что все «началось со съемок фильма «Хороший плохой человек» по повести Чехова «Дуэль», в котором Владимир Высоцкий играл главную роль...».

«Спутник Абхазии», ссылаясь на материалы известной тележурналистки, также сообщал, что «съемочная группа приехала доснимать в Абхазию некоторые эпизоды (большая часть фильма снята в Крыму) и столкнулась с некоторыми проблемами... Гостиница «Гагрипш», в которой должны были жить актеры, была занята. Номера отдали группе грузинского фильма «Похищение луны». И тогда житель Гагры Григорий Чепия пригласил актеров пожить у себя дома. Это общение со временем переросло в многолетнюю дружбу. В семье Чепия хранится шаль, подаренная Мариной Влади, и гитара, на которой играл Высоцкий во время своих приездов».

Думаю, было бы несправедливо не коснуться тут темы пребывания и плодотворной работы в Гагре, в частности, в Доме творчества писателей, знаменитых братьев Стругацких (АБС). И лучше всего, несомненно, гагрский период художественных исканий популярных советских авторов описан в книге известного фантаста и публициста Анта Скаландиса: «Для настоящей работы нужен покой, тишина, отрешение от суеты».

И тогда они, осознав себя профессионалами в полной мере, понимают, что пора и работать профессионально – в домах творчества. Не зря же их придумали, в конце концов. Так в самой середине 1960-х рождается идея поехать в Гагры, в Дом творчества СП СССР. Уж гулять так

гулять. А работать так работать – на берегу моря, которое оба любят. Время выбирают непопулярное – март, до купального сезона ещё далеко (кажется, они так и не рискнут ни разу окунуться), но там, на Кавказе, уже теплее, чем здесь, и скоро всё начнёт цвести. Здорово там, на Черноморском побережье: комната с окнами на море, пальмы, «зелёные горы в клочьях тумана» (из лирики Юрия Лакербай – В.З.), железка вдоль всего берега и мокрая галька в полосе прибоа. Едут за свой счёт – неохота заниматься вышибанием бесплатных путёвок, тем более что могут пока себе позволить.

Годом позже АН, уговаривая БН-а поехать вместе с ним и Юрой Маниным в Новосибирск, замечает небрежно: «В конце концов, что нам несколько десятков ру?» Чувствуется, что ему приятно писать эти слова. А когда там, в Сибири, им вручат премию в размере ста рублей, АН ничтоже сумняшеся, пустит свою половину «на пропой души» в весёлой компании. Добрые были времена.

И вот они в Гаграх, впервые в Доме творчества, как белые люди. И работа идёт поначалу здорово. Тем более что план составлен заранее; они прекрасно знают, что будут писать – очередную повесть о прекрасном далёком будущем с хорошо знакомыми, родными уже персонажами, правда, повесть совсем непростую, необычную, повесть глубокую, экспериментальную по языку и с гигантским подтекстом. Скучно им уже после «ТББ» и «Понедельника», а тем более после «Хищных вещей» писать очередную «Далёкую Радугу» или «Возвращение-2». Их повело уже совсем в иную сторону. И новая повесть, которая тогда в первом варианте так и не получит названия, спустя годы будет озаглавлена БН-ом «Беспокойство». Весьма символичное название – ведь это обозначено беспокойство самих авторов и за то, что они делали, и за всё, что происходило с ними в жизни, и за всё то, что происходило вокруг них – со страной, с человечеством...» (Ант Скаландис. «Братья Стругацкие»).

Своеобразной символической связью темы Гагрского Дома творчества литераторов с историей зарождения идеи Пицундской базы отдыха для советских писателей, может стать, на мой взгляд, достаточно занимательный рассказ Вадима Ольшевского «Как я выиграл шахматы у Кирилла Ковальджи». Скажу забегаая вперед, что автор этой публикации – известный ученый, профессор математики, работавший в университете Коннектикута, Тель-Авива, Мадрида и других международных центров.

Повествование ученого возвращает нас в советскую эпоху, по которой мы нередко ностальгируем: «Когда я был маленьким, в классе, по-моему, первом, папу приняли в Союз писателей (речь идет об известном поэте, прозаике Рудольфе Ольшевском). И через полгода мы поехали отдыхать в дом творчества писателей в Гагре. По литфондовой путевке. А до этого мы ездили на море в Сергеевку, неподалеку от Одессы. Гагру я сразу понял, она была как две капли воды похожа на Абхазию из рассказов Фазилия Искандера. Я гулял по Гагре и все узнавал. Вот те самые эвкалипты, которые Искандер во время школьного субботника сажал методом гнездовой посадки. А вот здесь, на этой вот скамейке, юный Искандер впервые поцеловал свою красивую одноклассницу (подробное описание их поцелуя я перечитал раз сто). А через три дня, увидев, что одноклассница гуляет по набережной в сопровождении молодого военного, юный Искандер сказал ей вечером, вон под той цветущей и пахнущей магнолией: «украденные у него поцелуи мне не нужны». Над морем нависали почти отвесные горы, и я знал, что если идти по вон той вот грунтовой дороге в ущелье, то за несколько, а, может, и больше, часов дойдешь до высокогорного Чегема. А вот на этом балконе пил кофе и играл в нарды Коля Зархиди. Единственная разница между реальной Гагрой и Искандером была в

том, что почему-то нигде не было видно ни одного козлотура. Хотя Автандилов Автандиловичей вокруг было пруд пруди, в каждом ларьке. И еще, со всех качающихся у причала катеров неслась громкая музыка из кинофильма «Крестный отец» (па-па па-па-па па-па па-па па-па), этого у Искандера тоже не было...».

Далее Вадим Ольшевский плавно переносит место действия своего рассказа на Пицундский Дом творчества им. Д.И. Гулиа, где ему представилась счастливая возможность пообщаться (хоть и ненадолго) с любимым классиком:

«А на следующий год мы поехали отдыхать уже не в Гагру, а в Дом творчества в Пицунде. Там мы на несколько часов пересеклись с Фазилем Искандером, его номер был рядом с нашим. Мы приехали утром, а он уезжал днем. Несмотря на юный возраст, мне очень хотелось сообщить Искандеру о своей высокой оценке его творчества, но как-то не было удобного случая. Хотя дверь их номера была открыта, они паковали чемоданы...».

Из дальнейшего описания этой встречи выясняется, что Вадим не успел побеседовать спокойно с Фазилем Абдуловичем в силу того, что тот готовился к отъезду и времени у него было в обрез... Но сам факт встречи с выдающимся писателем, судя по публикации, стал лично для В. Ольшевского примечательным событием.

«В отличие от Гагры, где я был предоставлен самому себе, в Пицунде здание Дома творчества стояло вдали от поселка. Гулять было негде, и мне пришлось все время быть среди взрослых. На пляже мы сидели впятером: папа, мама и я, и Кирилл Ковальджи с Григорием Поженяном. Было очень интересно...» – пишет далее будущий писатель и профессор.

А вот как живописно, трогательно и эмоционально описывает незабываемые пицундские пейзажи, известный литературовед и публицист Ада Ольшевская, мать математика Вадима, супруга поэта Рудольфа Ольшевско-

го. Здесь в Пицундском Доме творчества им. Д.И. Гулиа семья Ольшевских предпочитала проводить дни своего отдыха и творческой работы преимущественно в летнюю пору, когда морское побережье раскрывалось во всей своей ослепительной роскоши:

«А дни заполнялись валянием на горячей гальке, бесконечными разговорами, компания-то из года в год съезжалась одна и та же, походами по берегу, – слева сосны, справа море, мимо нудистского пляжа, в Пицунду, в первую же кофейню под соснами, где смешиваются запахи кофе, моря и хвои. И еще заплывами, когда берег, отдаляясь, превращался в подкову, а люди становились не больше горошин. Мы уже не плывем, пора возвращаться. Но возвращаться не хочется, и мы стоим, выпрямившись и мелко перебирая под водой ногами. Море здесь совсем другое, чем у берега – чистое, огромное, зеленоватое, как бывает зеленоватой толща стекла, и такое прозрачное, что можно пальцы на ногах пересчитать. Однажды Рудик даже взял с собой монетку, чтобы там, на глубине, отпустить ее и посмотреть, как долго она будет видна. Я не верю, что это время исчезло, навеки кануло, непонятно куда. Мне все кажется, что оно хранится в какой-то капсуле. И мы тоже хранимся там со всей своей молодостью, доверчивостью, наивностью и глупостью. И энергия, заключенная в наших бранных оболочках, еще не растрочена на пустяки, а сами эти оболочки еще не подозревают о своей брэнности. Как стеклянный шар, который только встряхни, как внутри него все оживет, и посыплет, закружит снег. Снаружи может твориться все, что угодно, а там, внутри, всегда уютная и прекрасная зима. Ну а в моей капсуле, в моем стеклянном шаре, вечные август-сентябрь, вечное море, вечная жарко разнеженная Пицунда, и мы все при ней, на узкой полоске горячего пляжа...».

Все эти сюжеты свидетельствуют о том, что Гагрский Литфонд за долгие годы его функционирования стал

своеобразным перевалочным пунктом, подготовившим почву для зарождения в Пицунде нового творческого комплекса для советских писателей.

Возрождение Пицунды: штрихи к истории застройки курорта

Реализация этого глобального по меркам тех времен проекта относится к началу 60-х годов прошлого столетия. Генплан был создан авторским коллективом, возглавляемым известным советским архитектором, лауреатом Ленинской премии М.В. Посохиним. С 1960 года строительством курорта Пицунда руководила заслуженный инженер Абхазии, архитектор Тамара Гицба, внесшая весомый вклад в формирование архитектурного облика местности и создание инфраструктуры первоклассной по тем временам черноморской здравницы. Фактически курорт Пицунда стал полноценно функционировать с 1968 года. Что же касается Дома творчества писателей Литфонда СССР, то он вступает в строй на десять лет позже – в 1978 году. Под его проектирование и строительство абхазское руководство выделило одно из самых престижных мест – территорию, практически прилегающую к Пицундско-Мюссерской заповедной зоне.

Особую, неповторимую красоту и экзотическую привлекательность данной местности придавала знаменитая реликтовая самшитовая роща. Известно, что драгоценная древесина абхазского самшита шла в прошлые времена на строительство кораблей и на отделку ряда исторических зданий в России и в некоторых европейских государствах. Расположение Дома творчества писателей им. Д.И. Гулиа примечательно еще и тем, что выделенная под его строительство земельная площадь занимает уникальное пространство и особую экологическую нишу между Пицундским морским побережьем

и микрофлорой озера Инкит. Кстати, в книге известного абхазского краеведа Вианора Пачулиа дается интересное описание данной местности: «На живописном Пицундском мысу находится небольшое озеро Инкит, которое питается водами реки Бзыбь. С ним связано немало легенд и преданий... Южнее Инкита находится другое озеро – Аньшхцара, которое так же, как и Инкит, было в древности соединено каналом с Черным морем и служило местом укрытия античных и средневековых военных и торговых судов». При выборе места под строительство нового пансионата для отдыха и творчества литераторов, по всей вероятности, учитывался и тот фактор, что он будет соседствовать с другими Пицундскими пансионатами, туристическая деятельность которых также отличалась своей творческой спецификой. Это такие излюбленные творческой элитой места, как Пицундский Дом творчества журналистов «Правда» (ныне «Питиунт») и Дом отдыха кинематографистов СССР. Думаю, тут нелишне вспомнить, что начало строительства писательского творческого комплекса базировалось на специальном Постановлении Совета Министров Абхазии. Заказчиком и фондодержателем строительства был Литфонд СССР, располагавший в советский период значительными финансовыми средствами.

Правительство Абхазии оказывало значительную поддержку в осуществлении нового проекта. Исследуя тему, я обратился за фактами и дополнительной информацией к абхазской прессе того периода. Она посвятила данному вопросу ряд интересных и содержательных публикаций. Следует отметить, что пристальное внимание проблеме своевременного ввода в эксплуатацию нового объекта уделял председатель правления Литфонда СССР, известный кабардинский поэт и прозаик Алим Кешоков.

Интересен и важен с точки зрения документалистики и истории культуры, еще один факт. Присвоение Пи-

цундскому Дому творчества имени основоположника абхазской литературы Д. Гулиа состоялось в марте 1978 года. На открытии выступали представители общественности, писатели, студенты, строители. Обширная информация об этом важном событии публиковалась не только в местных газетах и журналах, но и в центральной советской прессе. Присвоение имени основоположника абхазской литературы крупному творческому центру международного значения и новому очагу культурного взаимодействия имело глубокий смысл. В свое время тесные дружеские и творческие контакты с Дмитрием Иосифовичем Гулиа поддерживали А. Фадеев, А. Твардовский, А. Толстой, Н. Тихонов, К. Симонов, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Г. Табидзе, Ш. Дадиани, А. Исаакян, П. Тычина и другие видные представители национальных литератур. С патриархом абхазской литературы в дни пребывания в Абхазии встречались и беседовали Алан Маршалл, Луи Арагон, Анри Барбюс. Дом-музей Д. Гулиа посетил в начале 80-х годов один из столпов английской литературы второй половины XX в., прозаик Грэм Грин, оставивший теплый отзыв в книге почетных посетителей знаменитого сухумского музея. Поэт Сергей Смирнов, автор интересной книги об Абхазии под названием «Один на один», весьма образно описал в рассказе «Земля Апсны» историю своего визита в Абхазию и пребывания (1979) в Доме творчества Литфонда. «Машина с необычайной по московским нормам скоростью примчала меня к широкоплечему Дому-дворцу, чье многоэтажное пламенело от ранней утренней зари. Я вошел в здание и, первым, кто встретил меня в вестибюле, был длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа. Он смотрел с огромного портрета и всем своим видом выражал памятное мне «Добро пожаловать!»

Далее, процитировав свои собственные стихи о патриархе, С. Смирнов на высокой эмоциональной волне заметил: «На высоком этаже, обращенном одновремен-

но к морю и полукружью гор, обрел я в этом именном поэтическом доме просторную комнату и с первого же утра встретил с балкона восход солнца...».

«Воспоминания о Пицунде, как яркие и пестрые слайды...»

Интересными с точки зрения мемуаристики и эссеистики воспоминаниями о Пицундском Доме творчества делится поэт, переводчик Ирина Гинзбург-Журбина: «Помню, как я, Наташа и Сережа вместе в четырехместном купе плелись двое суток по дороге из Москвы в Пицунду, где только-только открылся новехонький шикарный с иголочки писательский Дом творчества, который почему-то сразу, еще из московского далека, нарекли Литфондом. Папа, провожая меня на вокзале, попросил Сережу обо мне позаботиться, но в этом и не было нужды. Рядом с ним я всегда чувствовала себя в безопасности. Мы пили коньяк из крошечных, похожих на наперсток, серебряных рюмочек, что составляли набор с такой же серебряной флягой, доставшейся Сереже (речь идет о знаменитом переводчике, испанисте Сергее Гончаренко) от его отца, которого он бесконечно любил. В воспоминаниях поэта-переводчика, на мой взгляд, достаточно свободно и размашисто описана атмосфера Дома творчества. И. Гинзбург-Журбина коснулась некоторых подробностей жизни литературных знаменитостей, местом встреч и свободного общения которых стала теперь уже Пицунда.

«В Пицунде в тот бархатный сезон был слет самых знаменитых людей. На открытие Дома творчества в том 1977 году съехался весь цвет литературы СССР. Назову лишь немногих: Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, братья Вайнеры, Генрих Боровик, Фазиль Искандер и даже знаменитый кубинский поэт – милейший Элисео

Диего, что попал в эту шумную писательскую тусовку, на этот праздник жизни, как кур в ошип. В отличие от всех отдыхающих, он почти никогда не выходил на пляж. На Кубе ему так осточертел вид на океан, что он целыми днями просиживал на берегу мелководного озера Инкит и смотрел на зеленые пицундские горы. Общение с испанцем Гончаренко, который переводил его стихи на русский язык, было для него единственной отдушиной... От той счастливой поры осталось множество фотографий. Вот мы вчетвером на озере Рица. А вот мы в обнимку под пальмами плываем навстречу осенней Москве... В Пицунду мы приехали вместе снова лет через пять. Сережа тогда только-только начал переводить Леона де Грейфа, поэта, в котором он с восторгом находил свое Alter ego и обретал самого себя. Ведь не случайно, даже Сережин адрес в интернете начинался словом «грейф».

Помню, что тогда в Пицунде я написала в стихотворении, что счастливые воспоминания о той поре останутся в сердце, как яркие и пестрые слайды...».

**«Море, конечно, не свобода,
а лишь символ свободы...»**

Вскоре Дом писателей, открывавший новые страницы в истории литературных взаимосвязей, становится одним из самых популярных мест отдыха творческой интеллигенции, видных представителей литературы и искусства республик бывшего СССР и дальнего зарубежья. В числе первых писателей, посетивших Пицундский Дом творчества был выдающийся прозаик, фронтовой корреспондент газеты «Красная Звезда», автор романа-эпопеи «Жизнь и судьба» Василий Гроссман, в свое время испытывавший на себе «все прелести» политической цензуры.

Вспоминая о днях, проведенных в Пицундском «Литфонде», он отмечал: «Море, конечно, не свобода, а лишь

символ свободы, но, как же прекрасна сама свобода, если даже напоминание о ней делает человека счастливым».

Следует отметить, что Василий Гроссман еще в 1956 году посетил Абхазию вместе с поэтом, переводчиком Семеном Липкиным, о чем свидетельствует фотоснимок, запечатлевший их встречу с Б.В. Шинкуба в Сухуме. А вот в великолепном рассказе «Из окна автобуса», созданном В. Гроссманом в 1960-1961 гг. абхазская тематика передана не только в литературном, но и в интересном историко-этнографическом ракурсе: «Время от времени автобус останавливался, и Иван Петрович, экскурсовод, негромко, словно боясь помешать кому-то в горах, рассказывал о геологической истории абхазской земли, о первых древнейших поселениях людей. Участники экскурсии спрашивали Ивана Петровича о множестве вещей – он рассказывал и о нравах горной форели, и о храмах шестого века, и о проекте горной электростанции, и о партизанах времен Гражданской войны, об альпийской растительности, о бортничестве и овцеводстве...»

В числе признанных мастеров слова, создававших свои лучшие произведения в Пицундском Доме творчества им. Д. И. Гулиа – видный представитель русского авангарда конца прошлого столетия Анатолий Ким.

На встрече с сухумцами в «Доме Москвы» (2021 г.) он говорил о том, что именно Фазиль Искандер наставлял его «писать весело и свободно...».

«Фазиль научил меня и многих молодых писателей того времени быть свободными и говорить с юмором о недостатках и достоинствах, как своих, так и чужих... Писатель рассказал о том, что Абхазия оставила в его творчестве заметный след. «Первый роман, который сделал меня знаменитым, называется «Белка». Одну из частей этого романа я написал в Абхазии, в Пицунде. По сюжету романа, дельфин из пицундского залива вышел на сушу и попал в Москву, где он сделал головокру-

тельную карьеру, в конце во всем разочаровался, нырнул в реку и через Дон вернулся обратно в пицундский залив» («Апсны-пресс. 16.10.2020. Д. Басария).

В телевизионной беседе с известным общественным деятелем, историком, внуком Баграта Шинкуба – Леуаном Микаа (по Сухумскому телеканалу «Апсны-хабар») Анатолий Ким, выразил свое восхищение философскими взглядами Мурата Ягана (Маан) – выдающегося представителя абхазской зарубежной диаспоры, основоположника учения «Аамста Кябзе» – синтеза «элементов суфизма и христианства» (концепции соотношения духа и воли).

Мне как переводчику духовной автобиографии Мурата Ягана на абхазский язык, факт глубокого философского вхождения А. Кима в таинственный мир самопознания абхазского писателя-суфиста, стал очень интересным и ценным дополнением информации о нем.

Хронику событий, связанных с жизнью Дома творчества Литфонда в Пицунде, обогатила также история пребывания в нем Виктора Шкловского, одного из столпов русского советского кинематографа, литературоведа, эссеиста, автора бесценных «Повестей о прозе». Вот что пишет об этом Э. Радзинский в книге «Сталин»: «Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом – Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого искусства, друг Маяковского. Он абсолютно лыс. На пицундском солнце блестит продолговатая голова. Впрочем, и в двадцать лет он был такой же – совершенно лысый... Все мое детство прошло под знаком Виктора Борисовича, с которым отец сочинял сценарии. Только потом я узнал, что Шкловский был главным создателем теорий великого авангарда 20-х годов. Сверкающий купол его головы маячил на всех знаменитых диспутах. Теперь ему девяносто лет. Он остался один – все участники тех диспутов давно лежат в моги-

лах, чаще в безвестных, расстрелянные в дни сталинского террора...». Замечу, что Виктор Шкловский дружил с выдающимся абхазским новеллистом и киносценаристом Михаилом Лакербай, который был принят на работу на кинофабрику «Восток-Кино» по рекомендации Шолохова и Шкловского.

В 1978 году в Пицундском Доме творчества писателей отдыхал со своей супругой и работал над новыми произведениями известный кубинский прозаик, рассказчик, новеллист, Секретарь Союза писателей и художников Кубы Кардосо Онелио Хорхе, удостоенный еще в 1945 году Государственной литературной премии за рассказ «Угольщики». Исследователи творчества кубинского писателя отмечали, что для его рассказов характерна «разговорная интонация, юмор и любовь к людям труда» (С.П. Мамонтов). За два года до творческой командировки кубинского писателя в Абхазию, в Москве, в издательстве «Художественная литература» вышел в свет сборник его рассказов в переводе на русский язык. Национальная (республиканская) газета «Апсны капш» сообщала о пребывании Онелио Хорхе Кардосо в Пицунде и опубликовала фотографию писателя с супругой. Кубинский прозаик рассказал автору этих строк, работавшему тогда корреспондентом вышеупомянутой газеты, о личных впечатлениях от встреч с абхазскими крестьянами. Чувствовалось, что гость Абхазии, не замыкался в пространстве своего рабочего кабинета и территории писательского пансионата: он был восхищен природной мудростью и остроумием абхазских старцев, с которыми ему удалось пообщаться в деревнях.

Думаю, крайне важна и другая недостаточно исследованная грань творческого взаимодействия писателей. Здесь, именно в Доме писателей, открылись новые возможности для широкого обсуждения проблем развития литературных жанров, оценки тенденций формирова-

ния различных стилевых (литературно-художественных направлений). Так, в 1979 г. в Пицундском Доме творчества проходит семинар по драматургии под руководством известного драматурга, прозаика, сценариста, главного редактора издательства «Даниловский благовестник» В. Малягина.

Об обстоятельствах прохождения еще одного творческого семинара повествует в своем рассказе писатель Валерий Хайрюзов. В его воспоминаниях читатель найдет много доброго юмора, забавных историй, рождавшихся в атмосфере истинного творческого дружелюбия, и стремления писателей советской эпохи к возрождению классических литературных традиций.

«... Весной восемьдесят третьего года меня вновь пригласили на совещание. На этот раз в Пицунду. Сбор в Абхазии на берегу Черного моря организовали заведующий отделом культуры Центрального комитета комсомола Михаил Кизилев вместе с ответственным секретарем по работе с молодыми писателями Юрием Александровичем Лопусовым. Они решили сделать ставку на молодых, отмеченных на седьмом совещании писателей, которые, по их мнению, представляли новую волну в отечественной литературе. В Дом творчества мы добирались с моим университетским другом красноярцем Олегом Пашенко...»

Далее автор публикации «О том, какие это были дни» (25.01.2010г.), посвященной 80-летию Светланы Ганичевой, окунает нас в атмосферу литературного форума, в кулуарах которого происходило не мало не менее интересных встреч и «посиделок».

«В Пицунде нас встретили уже знакомые по прежним встречам Андрей Скалон, Валера Исаев, Станислав Рыбас, Юрий Гречко, Анатолий Пшеничный, Михаил Зайцев, Михаил Андреев, Юрий Сергеев, Сергей Алексеев, Юрий Лопусов и Михаил Кизилев. Утром нас собрал Ло-

пусов и взволнованным голосом сказал, ему только что позвонил сухумский поэт Виталий Шария и сообщил: к нам на семинар из Адлера на машине первого секретаря Абхазии везут Валерия Николаевича Ганичева. Что ж, Юра Лопусов хорошо знал, кто и на чем должен ездить. В то время для многих писателей Ганичев был небожителем, до которого из провинции было трудно дотянуться. Все пишущие знали, что в последнее время Ганичев занимает пост главного редактора «Роман-газеты» и многие писатели хотели бы познакомиться с ним с надеждой попасть на страницы популярного издания, выходявшего тогда огромным тиражом...»

Виталий Шария вспоминает...

Известный абхазский журналист, прозаик, гл. редактор газеты «Эхо Абхазии», лауреат Международной премии им. Фазиля Искандера Виталий Шария, воспроизводя в памяти некоторые интересные детали тех давних событий, пишет:

«Всесоюзный семинар в Доме творчества Литфонда СССР в Пицунде, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Валерий Хайрюзов, проходил с 14 по 22 мая 1983 года и назывался «Молодой писатель и Продовольственная программа». Название это вызывало улыбки даже в те глубоко советские времена; сужу по тому, что, попав спустя год с небольшим на Восьмое всесоюзное совещание молодых писателей в Москве, я упомянул об участии в том семинаре, представляясь в нашей секции, и увидел, как оно позабавило ее руководителя – маститого прозаика. Да, такова была тогда жизнь: чтобы задуманное мероприятие было одобрено, желательно было «пристегнуть» к нему что-то из текущей политики партии... Но, во-первых, тематика наших занятий на том се-

минаре выходила далеко за рамки агропрома, а во-вторых, главное на нем было совсем в другом – в «роскоши человеческого общения» с молодыми собратьями по перу, съехавшимися со всего необъятного Союза...».

Далее В. Шария, комментируя кое-какие эпизоды, затронутые В. Хайюрзовым, обращается и к своим личным дневниковым записям: «Многие из участников семинара впервые попали на побережье Черного моря и просто «балдели» от увиденного вокруг (при том, что летний курортный сезон еще не начался) плюс той атмосферы, которая царила на семинаре. Как признался мне один из них: «Я будто попал в страну счастья». Сперва меня немного сбила с толку фраза из воспоминаний Валерия Хайрюзова: «Утром нас собрал Лопусов и взволнованным голосом сказал, ему только что позвонил сухумский поэт Виталий Шария и сообщил: к нам на семинар из Адлера на машине первого секретаря Абхазии везут Валерия Николаевича Ганичева». Ну то, что он записал меня в поэты, хотя в стихотворной форме у меня за всю жизнь было только несколько пародий на стихи сухумского поэта Эдуарда Дзыба, – ладно; но откуда я мог звонить, если находился там, в «Литфонде», среди участников семинара? Потом вспомнилось и подтвердили записи в личном дневнике, в который заглянул: сколько заранее ни упрасивал я отпустить меня на семинар тогдашнего редактора газеты «Советская Абхазия», где работал, Андрея Ермашкевича, сколько ни заготовил заранее рукописей для публикаций впрок, он все равно отпустил только с условием, что буду приезжать из Пицунды дежурить по номеру. Видно, в Сухуме я и узнал про приезд Ганичева и позвонил из редакции в номер Лопусову... Кстати, в Сухум со мной из Пицунды поехал и прозаик, автор уже изданного к тому времени романа Юрий Сергеев, с которым мы подружились на семинаре и которому очень хотелось

побывать в столице Абхазии. Позднее и я гостил у него в Северной Осетии... Запомнился пикник на берегу горной речки, который организовал для участников семинара Союз писателей Абхазии. Как выразился Юрий Лопусов, «на берегу по-абхазски деликатной речки, которая шумом своих волн не заглушает наши тосты». Помнится, заправским тамадой на том застолье был уже маститый к тому времени прозаик Святослав Рыбас. Помнится, как оторвавшись от мангала, абхазский поэт Геннадий Ала-миа, подошел к столу и произнес что-то глубокое и проникновенное...

Семинаром руководили заведомо ЦК ВЛКСМ Михаил Кизилев и ответственный секретарь по работе с молодыми писателями СП Юрий Лопусов. Завершая свой краткий экскурс в историю пицундских литературных встреч, Виталий Шария, делится в общих чертах впечатлениями о людях, принимавших в них участие: «Что в связи с этим хочется сказать? Мы привыкли к изображению партийно-комсомольско-литературного начальства, в том числе и в воспоминаниях писателей, как душителей свободы творчества, идеологически зашоренных цензоров. Во многом, конечно, так и было. Но во все эпохи и во всех сферах живут и работают разные люди. Вот эти были полной противоположностью описанной «когорты». Когда участники семинара разъезжались из Пицунды, многие обменялись адресами, по которым потом высылались выходившие у них книжки. Приезжал я в «Литфонд» в советские времена и помимо того семинара. Запомнилось, как резко отличался его пляж от пляжей соседних здравниц, – тем, что на нем было трудно увидеть просто так лежащих и загорающих, почти все на нем читали книги. Не говорю уже о количестве мастеров литературы на каждый квадратный метр того пляжа!..».

Однако вновь вернемся к рассказу Валерия Хайюрзова. Поделившись с читателями приятными впечатлениями от долгого и доброжелательного общения с Ганичевым в его же номере в присутствии жены писателя Светланы Федоровны, Валерий возвращает нас к закулисной «истории» Пицундского семинара: «Вечером после споров и разговоров в конференц-зале мы собирались у входа в Дом творчества. Толя Пшеничный приносил гитару, и мы вместе с отдыхающими пели «В нашу гавань заходили корабли». По нашей просьбе на бис Толя виртуозно исполнял незнакомую многим, но, как говорил он, модную в Европе песню «Эммануэль». Мы ему верили, так как Толя работал советником нашего посольства в Бельгии. Но чаще всего почему-то пели песню Остапа Бендера, из фильма «Двенадцать стульев», которую исполнял Арчил Гомиашвили:

Где среди пампасов бегают бизоны,
Где над баобабами закаты, словно кровь,
Жил пират угрюмый в дебрях Амазонки,
Жил пират, не верящий в любовь.

Но любовь, обыкновенная, курортная, прохаживалась по аллеям, выискивая свои новые жертвы. И находила! Когда Пицунду накрывала темная южная ночь, наша писательская компания разделялась: одни шли на танцплощадку к отдыхающим в Доме творчества «шахтеркам» с Донбасса, а мы с Юрием Лопусовым, Олегом Пашенко, Андреем Скалоном и Валерой Исаевым поднимались в комнату к Ганичевым и там уже под руководством Светланы Федоровны, разогретые южным солнцем и абхазским вином, чуть ли не до утра пели комсомольские песни:

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе непокой –
Мы сурового времени дети...

«В диких лесах Пицунды...»

Отмечены замечательными стихами «В диких лесах Пицунды» дни пребывания в Пицунде поэта незаурядного дарования Евгения Рейна, который был лично знаком с Ф. Искандером, М. Ласуриа, А. Гогуа, Т. Аджба и другими видными абхазскими писателями. В стихах поэта, где ассоциативные образы планетарного масштаба представлены в игриво-гротескном стиле, строки о Пицунде выделяются достаточно колоритными мазками, интересными метафорическими сцеплениями. «Мне снится бледно-синий сон Про дикие леса Пицунды...». И тогда разбойникам пришлось спрятаться в диких лесах Пицунды... (Из записок Дюма-отца):

Под новогодний перезвон
Мне снится бледно-синий сон
Про дикие леса Пицунды.
Здесь побывал Дюма-отец,
Настиг злодеев, наконец,
Но мы с тобой не так преступны.
Пойдем, дружок, поговорим,
И нам безумный караим
Продаст вина на шесть копеек.
Ну, что там Лондон и Милан,
Где ты транжирила карман
Среди всесветных неумеек?
Послушай, лучшая вдова,
Все справедливые слова
Про полновесную Венеру.
Тебя и силой не свалить,

Но хочется тебя любить
И перенять твою манеру.
Бушует черноморский вал,
Лютует мировой аврал
От Жмеринки до старых Бруксов,
Но ты крепка, стальная плоть,
Прикрой меня сегодня хоть,
Покуда масло тлеет в буксах.
Прожектор на твоём лице,
И все находится в конце...
Укроемся в лесах Пицунды!
Затеём плутовской роман,
Запрячем в чаше шарабан
И будем, в общем, неподсудны.
Как пахнут амбра и «Шанель»,
Когда выходишь на панель,
Авантюристка и беглянка,
Целую локоть твой крутой,
Дышу твоею красотой
И смазкою родного танка.
О, не сердись! Я прикипел,
Но знаю наш водораздел
И то, что я тебе не нужен.
И, впрочем, слышишь этот звон?
Звонят в Литфонде, кончен сон...

(Евгений Рейн)

На мой взгляд, заслуживает внимания ещё одна деталь: важная как в художественном, так и в историко-коммуникативном плане: стихотворение «Из Абхазии», созданное Е. Рейном предположительно в дни пребывания в Пицунде и опубликованное в журнале «Белый Флаг», было прочитано им в Москве на творческом юбилейном вечере, посвящённом его же 75-летию (29 декабря 2010 года, музей-квартира А. С. Пушкина на Старом Арбате).

«Стихотворение «Из Абхазии»... «Оно связано с распадом нашей великой, но ужасной империи, великой, но ужасной...» (Евгений Рейн):

ИЗ АБХАЗИИ

Долгий волны набег,
Большой Медведицы ковш,
Нам суждены навек,
Как неразменный грош.
Там, где небесный край
Сходится с краем морским, –
Бедный Бахчисарай, Берег, Россия, Крым.
Сердце туда летит,
Память туда плывёт,
Меж известковых плит
Майский цветок живёт.
Дай мне забвенья, мак,
Опиум дней и лет,
И я зажму в кулак
Золотоносный бред.
Через Эвксинский Понт
На корабле «Арго»
Я перекину фронт
Времени самого.
Звёзды уйдут на дно,
А мертвецы всплывут,
Цепь разорвёт звено
Наших державных пут.
Ибо для всех, кто жив,
Есть лишь один исход,
Хуже, когда обрыв,
Лучше – могила вод.

Под впечатлением пребывания в Пицунде написано также стихотворение Е. Рейна «На Инките». Со своей-

ственной его стилю парадоксальностью, поэт вплетает в художественную ткань стиха, навеянного, казалось бы, обыденными бытовыми реалиями, неожиданные рассуждения о глобализации:

За Литфондом на Инките тихо,
Полное собрание руин,
Шелестит осенняя гречиха
Да торгует чачей магазин.
Ставит кошелек турецкий сейнер,
Мандарины падают в траву,
Местного футбола бывший тренер
Здесь один остался на плаву.
В здании пицундского райкома
Он завел убогий ресторан,
Где живет, не покидая дома,
Обреченный, жертвенный баран.
Между «Лыхны» и восточным кофе
Я хотел бы выкупить его,
Потому что мне не надо крови,
И вообще на свете ничего.
Только бы глядеть на эти волны,
Смешивая чистый алкоголь,
Только бы гудеть под эти войны
И на эти раны сыпать соль.
В пламени закатного пожара
Все уже на свете сожжено,
На другом конце земного шара
Нам еще увидеть суждено,
Как нищают лучшие победы,
Как народы начинают бой,
Как авианосцы и торпеды
Делят эту жизнь между собой...¹

¹ Рейн Е. Память о путешествии: Избранное нового века. Москва: ГАЛАРТ, 2011. С. 82–83, 85.

Я помню, с каким глубоким переживанием, с каким волнением и с какой болью Евгений Рейн читал в Москве, в Центральном доме литераторов, на 75-летнем юбилее Фазила Искандера стихи, посвященные памяти своего друга, абхазского поэта Таифа Аджба, ставшего невинной жертвой грузинского оккупационного режима (1992–1993 гг.). Судя по духу, пафосу и сюжету этого стихотворения (элегии), Е.Рейн познакомился с Т. Аджба в Доме творчества писателей в Пицунде. С большой симпатией и благоговением пишет Евгений Рейн еще об одном абхазском авторе, с которым его свела судьба в дни пребывания в Абхазии (предположительно в середине 80-х):

«Даур Зантария – один из самых одаренных людей, встреченных мною в жизни. Мягкий, доброжелательный, милый, он был открыт всему талантливому и в русской, и в абхазской литературе. Еще до того как я прочел стихи и прозу Даура, мне был подарен случай, скрепивший наши отношения. В Абхазии я попал в дом Даура на застолье. Поздним вечером на берегу моря он читал мне свои стихи. Я сразу понял – передо мной поэт...»

Таким образом, Евгений Рейн, поэт с весьма многообразным ассоциативным мироощущением, которого Иосиф Бродский называл своим учителем, оставил свой заметный след в пицундской многоголосой литературной летописи.

«Но нет убыхов здесь и мертв язык-изгнанник...»
(Абхазия – Пицунда – в жизни Беллы Ахмадулиной)

Вышеупомянутая строка проходит лейтмотивом в одном из стихотворений поэта, посвященном осмыслению трагической судьбы целого народа, – самоотверженного, стойкого, славившегося своими великими традициями, обычаями, культурой, и оказавшегося, в результате

беспощадной Русско-кавказской войны, между молотом и наковальней:

Счастливец вновь спешит страданья раздобыть.
В избытке райских кущ он хочет быть в убытке.
Придрался вот к чему и вот чего забыть
Не хочет, говорит: я здесь – а где убыхи?

Нет вовсе не курорт название этих мест.
Край этот милосерд, но я в нем только странник.
Гость родины чужой, о горе мне, я – есмь,
Но нет убыхов здесь и мертв язык-изгнанник...

Для того, чтобы проявить такое глубокое сочувствие и сострадание к судьбе убыхов, к их древнему реликтовому языку, образно и метафорично охарактеризованному Беллой Ахмадулиной языком-изгнанником, надо было тонко разбираться в перипетиях истории Абхазии и всего многоголосого Кавказа. И автор стихотворения, безусловно, знала о суровых превратностях тех страшных событий. Да, в ряде стихов Беллы Ахатовны как бы вторым планом проходят мысли о грузино-абхазских духовных взаимосвязях, ощутима некая примиренческая тональность, но, увы, теперь, на мрачном фоне кровавой вакханалии 1992–1993 гг., они воспринимаются лишь как отголоски довоенной (не менее напряженной) истории. В то же время, абхазская тематика, раздумья об Абхазии занимают свое достойное место в творчестве поэтессы, проводившей не мало времени за письменным столом и в беседах с друзьями в Гагре, Гулрыпше, Пицунде и других живописных уголках абхазского Причерноморья. Поклонники ее исповедальной, взволнованной лирики помнят стихотворения: «Пришелец. Этих мест название: курорт...», «Абхазские похороны», «Гагра: кафе «Рица», «Как холодно в Эшере и как строго», «Подпись на книге.

Фазилю Искандеру» и ряд других вещей (в том числе – рассказов).

Белла Ахмадулина перевела на русский язык немало ярких лирических произведений Баграта Шинкуба. Среди них такие поэтические шедевры, как «Слово», «Слышу голос...», «Как я желал осилить перевал!..». Баграт Васильевич в своих дневниках тепло вспоминает моменты общения с мастером русского стиха, в основном эти воспоминания связаны с периодом ее работы над художественными переводами.

Один из ведущих абхазских прозаиков Алексей Гогуа был однокурсником Беллы Ахмадулиной по Литинституту.

«...В институте заочно учился и Евгений Евтушенко, тогда его уже все знали как поэта, они обручились с Ахмадулиной и должны были приехать в Абхазию...» – делится воспоминаниями Алексей Ночевич в интервью редактору агентства «Спутник» Б. Авидзба.

Ахмадулина и Евтушенко в 1954 году вместе приехали в Сухум в «медовый месяц». – Они все лето прожили на квартире Алексея Ласуриа (очень талантливого и известного абхазского поэта – **В.З.**). – Тогда я и познакомил их с абхазскими поэтами...», – рассказывает А. Гогуа. Эта тема еще более детально раскрыта в интервью и беседах народного поэта М. Ласуриа.

Из истории этих личных взаимосвязей вытекает мысль о том, что Белла Ахмадулина знала абхазскую культуру не поверхностно, а изнутри, а ее личная дружба с Фазилем Искандером, события, связанные с нашумевшим в советскую эпоху сборником «Метрополь», насыщают и обогащают историю литературных взаимосвязей новыми, пока еще не до конца исследованными нюансами. Разумеется, не последнюю роль во всем этом сыграл Пицундский Литфонд, где поэтесса-шестидесятница работала над своими новыми поэтическими сборниками.

Творческие семинары «в позднебрежневскую эпоху...»

В начале 80-х в Пицунде, в Доме творчества проходили международные симпозиумы (семинары), посвященные проблемам художественного перевода. Их инициатор – Отар Нодия, выпускник Академии общественных наук, государственный деятель, сумевший создать солидную переводческую коллегию (своеобразный Институт художественного перевода), к работе которой были приобщены многие известные писатели, литературоведы и переводчики мирового уровня.

Интересную оценку тем событиям дала известный критик, литературовед, публицист и эссеист Наталия Иванова: «В те времена, когда еще отцветала позднебрежневская эпоха, впоследствии неточно названная «застоем», на благословенный колхидский берег ежегодно съезжались – по приглашению Главной редакции по переводу и взаимосвязям между литературами при Совмине Грузии и редакции журнала «Литературная Грузия» – прозаики, поэты и критики Грузии и Абхазии в компании русских, украинских, эстонских, казахских... (список можно продолжить) коллег, всего человек тридцать, не более. «В глухой провинции у моря» разговаривали несравненно свободнее, чем в имперском центре: тон и дух были более чем неофициальные... Из Киева приезжали Павло Мовчан, Вадим Скуратовский, из Таллина – Аксель Тамм, из Казахстана – Мурад Ауэзов, из Еревана – Левон Мкртчян, из Баку – Илья Дадашидзе, из Москвы – Олег Чухонцев, Андрей Битов, Алла Латынина и Алла Марченко, Булат Окуджава, Евгений Рейн, Татьяна Бек, Галина Корнилова, Владимир Лакшин, из Литвы – Альгимантас Бучис, автор нескольких книг о литовской и «многонациональной советской» литературе... Последний семинар состоялся году в 1986-м...».

Думаю, для полноты информации следует добавить, что в этих семинарах, носивших преимущественно дискуссионный характер, принимали участие известные абхазские писатели, переводчики Алексей Гогуа, Николай Квициния, Денис Чачхалиа, Владимир Зантариа и другие авторы. Свой заметный вклад в реализацию проекта вносила сотрудница главной редколлегии по художественному переводу (ее координатор) Анико Цвинариа –Абрамишвили, изначально поддерживавшая тесные контакты с абхазской творческой интеллигенцией.

Достаточно оригинальный взгляд на тенденции развития культуры той эпохи высказывал на Пицундских переводческих симпозиумах крупный литературовед и культуролог Георгий Гачев (автор уникального исследования «Национальные образы мира»). Ему принадлежит, на мой взгляд, достаточно смелое и объективное определение характера взаимоотношений Абхазии и Грузии: «Небо могло бы быть образом бесконечности, но ведь оно уловлено зубчатостью гор. Море могло бы быть, таким образом, бесконечностью для приморской Грузии, Абхазии (кстати, если посмотреть по карте, Абхазия и Грузия находятся в перпендикулярном друг к другу отношении, как в электромагнитной волне...Так вот: море могло бы стать образом бесконечности для приморской Грузии и Абхазии; но последняя чувствует себя скорее, как Колхиду, место прибытия, берег, конец странствия тех же аргонатов, приход к цели, осуществление, свершение». (Кстати, Георгий Гачев непонаслышке знал о перипетиях взаимоотношений Абхазии и Грузии, об особенностях этнокультурной идентичности абхазов. Он поддерживал тесные дружеские связи с абхазскими учеными В. Цвинариа, Б. Гургулиа, В. Агрба, А. Аншба в годы их учебы в аспирантуре при ИМЛИ им. А. М. Горького, и получал от них ценную научно-исследовательскую информацию. (Источник: Г. Гачев. «Национальные образы мира»).

С еще большей интригой и парадоксальностью сталкиваемся мы в другом эпизоде, описанном Натальей Ивановой: «Я понимала и понимаю, что все гачевские работы – это скорее искусство, нежели наука. И все же... Потом его путем пошел Михаил Эпштейн, «дикорастущий студент», как его называл Турбин. Многое он от Гачева взял, многое усвоил и переработал, но я, читая парадоксы Эпштейна, всегда помню Гачева, присевшего на стол в Доме кино: он был первый, и он построил свою жизнь по своей культурной модели. Теперь Гачева нет, ушла и Светлана Семенова, мать-сыра-земля, тоже с совершенно обаятельными в своей ненаучной художественности идеями и парадоксами...

На одном из грузинских семинаров Гачев рассуждал, естественно, о национально-специфическом в культуре (в более широком понимании, чем «культура и искусство»). Гранат, где весь сок внутри, – это образ Армении, гроздь винограда, где сок практически «снаружи», его отделяет от нас тончайшая пленка, – это Грузия... Абхазский хачапури – это яйцо внутри, грузинский – снаружи, здесь проявляется национальная специфика, образ Грузии... В рядах грузин начался ропот – грузины возмущались: на самом деле все оказалось наоборот. Больше Гачева на пицундские семинары не звали. Мир его праху. Он погиб под колесами электрички – на железнодорожном переделкинском переезде. Шел под метелью, полукрыв лицо капюшоном, в сильных диоптрийных очках, думая о своем. Дикорастущий философ¹.

Из беседы Владимира Зантариа с писателем Денисом Чачхалиа

– Денис, как тебе хорошо известно, в Пицунде в советскую эпоху часто проходили различные творческие

¹ Иванова Н. Ветер и песок. Журнал «Знамя», №3 (2015).

семинары. Помню, там обсуждались проблемы развития жанров художественного очерка, прозы, детской и юношеской литературы... Проводили их Союз писателей СССР и Союз писателей России. Но, на мой взгляд, более значительный след оставили дискуссии по проблемам художественного перевода, в которых ты непосредственно принимал участие... Что ты хотел бы отметить, возвращаясь мысленно к тем событиям?

– Да, я согласен с такой точкой зрения потому, что для русской литературы, эта площадка была далеко не единственной, а для нас, для абхазской литературы – это была единственная площадка. Кроме того, это был тот формат, в рамках которого мы в более облегченном варианте могли общаться со своими коллегами из Тбилиси. И с российскими, разумеется, коллегами. И более животрепещущими были для нас вопросы художественного перевода абхазской литературы на русский язык, потому что это был громадный ресурс пропаганды абхазского художественного слова на пространстве бывшего СССР. И иметь вот такой инструмент значило очень многое, и конечно, нас это воодушевляло... Тем более, что я сам переводчик и моя заинтересованность в этом была достаточно очевидна. И мы, конечно, очень охотно шли на такие встречи, и, если присмотреться, потому что вопрос этот недостаточно изучен, есть конкретные успехи в абхазском художественном переводе, которые так или иначе были связаны с деятельностью тех семинаров и симпозиумов.

– В числе участников широких пицундских дискуссий был Андрей Битов, признанный мастер русской прозы. В своем письме, опубликованном в «Независимой газете», он открыто выступил в защиту Абхазии, подвергшейся вооруженной агрессии со стороны Грузии в 1992 г. И вот он еще до войны, при-

езжал в Абхазию, написал не мало лестных слов об абхазской культуре. Думаю, Денис, ты хорошо помнишь его глубокие и весьма оригинальные размышления на тех же Пицундских семинарах по художественному переводу ...

– Андрей Битов относился к категории людей, которые не могут обманывать, не могут не говорить правду... Но в данной ситуации он испытывал некоторую неловкость... Почему, потому что он должен был кусать руку тех людей, которые давали ему пропитание, возможность пропитания... А он был тогда гонимый писатель, и любая ситуация, которая давала ему самое настоящее человеческое пропитание, она была просто жизненно необходима... Но в чем суть его писательского кредо, его непоколебимости? Когда речь шла о прозе, о тенденциях развития прозы, русской современной, грузинской – современной, других национальных литератур и т.д., получилось так, что доминировала мысль о том, что именно грузинская проза здесь выдвигается вперед и с большим преимуществом, как бы, утирает нос, – грубовато, но что ж делать?– остальным национальным литературам. И прозвучало это из уст самих русских прозаиков, литературоведов русских – и критиков, к тому же именитых, умных, мыслящих... И как-то весьма несправедливо это прозвучало... Видимо, эти рассуждения так задели Андрея Битова, что он осек выступающего и сказал такую фразу, она была, конечно, произнесена в широком контексте: «Да, наверное, мы, русские писатели, молчим, – и вдруг, резко, он сделал такое заключение, быстрое и энергичное, – но мы молчим так, как вам молчать и не снилось...».

Денис Чачхалиа рассказал мне также о том, какую достойную поддержку оказывал Абхазии в тяжелые для нее годы выдающийся поэт-пародист Александр Иванов, ко-

торый, приезжая в Пицундский Дом литераторов, всегда находил время для общения с абхазскими друзьями. По очень объективному открытому письму по вопросам грузино-абхазских взаимоотношений, с которым он выступил в 1989г. видно, что он достаточно глубоко разобрался в причинно-следственных мотивациях тех драматических событий. Денис вспоминает интересный разговор с А.А. Ивановым и его супругой, известной балериной, солисткой Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова – Ольгой Заботкиной. Это было на дружеском застолье в Цандрьпше, после успешного творческого вечера в гагрской филармонии.

«Вместе с нами находились архитектор Валерий Хашба, моя супруга Мария Гицба... Александр Иванов произнес тост за Абхазию, наступила пауза. И, заметив, что, глядя на танцующих, веселящихся туристов, я грустно призадумался, наш любезный гость, как-то по-дружески, спросил, «о чем же я думаю?» И я, не скрывая причины своего задумчивого и несколько напряженного состояния, отвечал другу:

– Вот смотрю на расслабившихся курортников и, думаю, когда же мой народ, получит вот такую же отдушину, расслабится, забудется, как вот эти отдыхающие?»

– Я так и думал... – спокойно, но многозначительно отреагировал на мои слова Александр.

Во время беседы в его сухумском офисе, Денис Киршалович также искренне, тепло и с чувством братской благодарности вспоминал своих друзей, ныне известных писателей Святослава Рыбаса, Ларису Тараканову, которые во время учебы в Литературном институте, дружили с получившими здесь образование будущими видными представителями творческой интеллигенции Абхазии – Г. Аламиа, Э. Басариа, Р. Эбжноу, Л. Ардзинба, Р. Гуажба.

Будучи одним из руководителей газеты «Литературная Россия» (заместителем главного редактора), Святослав Рыбас, когда в Абхазию пришла беда, смог организовать для своих абхазских коллег встречу с членами редколлегии, опубликовать ряд острых публицистических материалов в защиту абхазского народа, ввергнутого в кровавую пучину войны. Он все время держал пульс на проблемах Абхазии. И реагировал на них достаточно оперативно. Денис говорил о том, что Святослав не оставил без внимания ни один вопрос, с которым мы обращались в то тяжелое время в столь уважаемую и читаемую газету. Абхазия в тот период крайне нуждалась в информационной и моральной поддержке, потому что ситуация в республике освещалась однобоко и тенденциозно.

И конечно же, история этих дружеских отношений связана не только с Литинститутом, но и Пицундским Домом творчества, где корни российско-абхазских творческих взаимосвязей становились еще глубже и крепче. Видимо, не все знают о том, что Святослав Рыбас является автором достаточно известных и популярных книг (политических биографий), входящих в серию «Жизнь замечательных людей», в том числе «Столыпин», «Сталин», «Громыко». Он удостоен премий им. Александра Невского, Антона Дельвига, Николая Карамзина.

Живые литературные диалоги и творческие вечера

В 1986 году в Пицунде отдыхал и работал над своими новыми литературоведческими исследованиями известный русский филолог А. Чичерин – автор статей о стиле и языке А. Фета, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Н. Лескова, М. Горького, В. Распутина, о проблематике романов Гете, Бальзака, Т. Манна. Здесь, в свободное от творческой работы время, он общался с абхазскими писателями и литера-

туроведами, делился впечатлениями об абхазской традиционной культуре и этике. Обратимся к хронике дальнейших событий. Во второй половине 80-х в конференц-зале Пицундского Дома творчества им. Д. Гулиа успешно проходят литературные вечера и семинары с участием Ф. Искандера, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, О. Чухонцева, М. Курганцева, В. Куприянова, А. Парпары, Г. Регистана. В разных форматах этих творческих встреч присутствовали И. Тарба, А. Гогуга, М. Ласуриа, Н. Квициния, М. Микаиа, В. Ацнариа, В. Амаршан, Ш. Чакуда, Н. Хашиг, Г. Гублиа, Б. Гургулиа, Т. Чания, Т. Аджба, П. Бебиа, А. Джения, Э. Басариа, Д. Зантариа, В. Читанаа, И. Хварцкиа. На литературных вечерах отдыхающие, пользуясь редкой возможностью вживую пообщаться с писателями, обращались к ним с вопросами, имеющими отношение не только к художественной литературе, но и к творческим планам тех или иных авторов, множеству острых социальных проблем, тревоживших общество в ту эпоху. В хронике событий, происходивших в Доме творчества, значительное место занимают лекции на тему истории и культуры Абхазии. Они звучат нередко из уст кандидата исторических наук, автора десятков популярнейших краеведческих работ В. Пачулиа. Абхазский ученый был лично знаком с выдающимися историками, этнологами, писателями, дипломатами ближнего и дальнего зарубежья.

«Древняя, но вечно молодая Абхазия». Так назывался цикл лекций Вианора Пачулиа, построенных зачастую на сенсационных материалах и находках. Абхазский краевед умел заинтриговать отдыхающих какими-то сюжетами, новыми информациями, найденными в архивах и библиотечных фондах.

«Абхазия – как Ориноко...»

Думаю, следует уделить внимание некоторым отголоскам абхазской тематики в творчестве Андрея Вознесен-

ского. По предположениям некоторых литературоведов, стихотворение «Абхазия – как Ориноко», ассоциирующееся по своему звучанию с ритмом и интонациями выдающегося лермонтовского «Паруса», написано в дни пребывания одного из ярких «шестидесятников» в Пицунде, в Доме творчества Литфонда: Абхазия – как Ориноко, Зелёная на голубом. Гуляет парень одинокий, Что ищет он в краю родном? Его не занимают музы. Что он ищет, золотой? – Автомат системы «Узи», будто в «Узи» есть покой. 1989-й год...»

Указанная А. Вознесенским дата занимает особое место в новейшей политической истории Абхазии. Это был трагический для Абхазии год, когда откровенные национал-шовинистические устремления Тбилисской метрополии привели к массовым столкновениям людей в Сухуме, в результате которых погибло множество людей. О не случайности, определенной исторической мотивированности писательского интереса и внимания А. Вознесенского к абхазской проблематике, свидетельствует еще и тот факт, что, принимая участие в программе Дней советской литературы в Абхазии, в 1984 году, поэт блестяще продекламировал в одном из своих выступлений трогательное стихотворение Николая Асеева «Абхазия» (1933 г.): Кавказ в стихах обхаживая, гляжусь в твои края, советская Абхазия, красавица моя. Когда, гремя туннелями, весь пар горам раздав, совсем осатанелыми слетают поезда, И моря малахитового, тяжелый и простой, чуть гребни перекидывая, откроется простор, И входит в сердце дрожь его, и – высоту обсев – звезд живое крошево осыплет Туапсе, И поезд ступит бережно, подобно босяку, по краешку, по бережку, под Сочи на Сухум, – Тогда глазам откроется, врагу не отдана, вся в зелени до пояса зарытая страна. Не древние развалины, не плющ, не виадук – одно твоё название захва-

тывает дух. Зеркалит небо синее тугую высоту. Азалии, глицинии, магнолии – в цвету. Обсвистана пернатыми на разные лады, обвешана в гранатные кровавые плоды, Врагов опутав за ноги, в ветрах затрепетав, отважной партизанкою глядишь из-за хребта. С тобой, с такой красавицей, стихам не захромать! Стремглав они бросаются в разрыв твоих громад. Они, тобой расцвечены, скользят по кручам троп – твой, шрамами иссеченный, губами тронуть лоб!»

В стихотворении, написанном, как говорится на одном дыхании, сквозь сказочно-живописную красоту земли абхазской, ярко и экспрессивно описанную мастером, проглядывается и ее драматическая судьба, ее многострадальный путь.

К теме Абхазии Андрей Вознесенский возвращался и в других своих произведениях. «И какой-то тайною целомудренной, Тянет сосны муромские к пицундовским... – пишет поэт в поэме «Андрей Полисадов».

Примечательно, что недавно в книге стихов и прозы А. Вознесенского «Ров» (М., Советский писатель, 1987) я обнаружил великолепное сюжетное стихотворение «Конские состязания в Лыхны»). Ярко, живописно и весьма динамично представляя читателю сцену традиционных скачек на знаменитой исторической абхазской поляне Лыхнашта, поэт сообщает читателю, что одна из ретивых лошадей, участвовавших в забеге, неожиданно для публики сбросила седока, но, не растерявшись, продолжила свой стремительный бег. И фонтанирующее воображение поэта мгновенно переносит лирическое событие в иную философскую плоскость:

«Несется мысль без мыслителя, и лермонтовская тоска, поручиком не насытившись, мчится без седока...».

И заключительным аккордом стихотворения становятся еще более возвышенные мысли, доведенные до определенной художественной экзальтации:

Верните мне мою лошадь!
Верните мне времена!
Тебя в небесах стреножат,
Кто вскочит в те стремяна?

«Внезапное сопряжение двух текстов...»

Обратимся еще к одному интересному эпизоду из жизни литераторов. Писательский Дом в Пицунде становится своеобразным источником энергии, многозначным символом, подталкивавшим литературоведов и критиков к мыслям о созвучии и ассоциативной близости мышления разных авторов, признанных мастеров слова, создававших свои произведения здесь, в Абхазии. В частности, интересный сравнительный взгляд на характер художественных изысканий поэта О. Чухонцева и прозаика А. Битова содержат высказывания литературного критика Е. Сидорова. Эта точка зрения основывается на сопоставительном анализе: «Помню, в писательском доме Пицунды в начале восьмидесятых Чухонцев читал свою городскую повесть “Однофамилец” (Наталья Иванова тоже должна это помнить). Дело было у Андрея Битова, который недавно закончил своего “Человека в пейзаже”. Внезапное художественное сопряжение двух текстов было поразительным. Стихи и проза были родственны печальным смыслом: жизнь интеллигенции превращалась в пьяный фантом, в пустоту слов, в нравственную необязательность, в раздвоенность души. Тогда Чухонцев писал: И Эрос есть. И Логос есть. Нет Космоса, как сверхидеи. Но и в отсутствии Неба – Чухонцев упорно и безраздельно с теми, кто на обочине жизни, с теми, кто не победитель, «кто нищ, бесправен и гоним».

Невозможно обойти вниманием неожиданные сравнения и метафоры Александра Кушнера в его стихах, где образы и мысли, навеянные Абхазией, Пицундой, еще ярче и глубже раскрывают метафизичность и мистицизм его поэтического мышления, его глубоко самобытного мироощущения:

Сам не знаю, какая меня укусила кавказская муха.
Отшучусь, может быть.
Ах, поэзия, ты, как **абхазская** эта старуха,
Всё не можешь о смерти забыть,
Поминаешь ее в каждом слове то громко, то глухо,
Продеваешь в ушко синеокое черную нить...

Не менее впечатлительны абхазские картины, созданные одной из наиболее влиятельных и популярных представительниц поколения «шестидесятников», выдающейся поэтессой Юнной Мориц, со свойственной ей манерой письма – броскостью, богатством и многообразием художественной палитры, контрастностью поэтических трансформаций и, казалось бы, несовместимой «совместимостью» раскрываемых лирических событий. Один из таких примеров – стихотворение «Абхазская осень»:

Земля заляпана инжиром,
Сады приклеились к дверям.
Стоит угар. Бараньим жиром
Шипят пирушки по дворам.

Из кожи вылезли платаны,
Как вылезают из долгов.
Октябрь! Из неба бьют фонтаны
Над нами навзничь Петергоф.

Настоян воздух на укропе,
Вразбивку дождь и солнцепек.
Как зрелище в калейдоскопе,
Листва готова наутек.

Стелю у моря полотенце –
Четыре лебедя с каймой,
Четыре ангела с младенцем
Летят сквозь облако домой.

И замыслов счастливых стайка
У изголовья тут как тут,
На каждом трусики и майка,
Поглажу их – пускай растут!

А по ночам морские пены
Поют в избытке серебра,
И остывающие стены
С лежанки гонят в пять утра.

Рассвета розовое древо
Шумит надеждами во мне,
И тень моя уходит влево
С двумя крылами на спине.

Из беседы Владимира Зантариа с писателем Денисом Чачхалиа

– Денис, о чем говорят тебе имя и личность немецкого писателя Йозефа Рединга, отдохавшего в советский период в Пицундском Доме творчества Литфонда ?

– В ответ на мою реплику, что абхазская литература недостаточно представлена в библиотеке Пицундского

Дома творчества им. Д.И. Гулиа, библиотекарь решила отреагировать следующим образом. Она собрала несколько грузинских писателей, отдохавших в пансионате, и провела вечер, скажем так, встречи советских и иностранных писателей. Там были и издатели, и редактора разных литературных изданий, прозаики, немецкие, чешские и т.д. И предваряя встречу вступительным словом, Реваз Мишвеладзе, грузинский писатель, приветствовал собравшихся здесь иностранных писателей, представляя нашу Абхазскую республику как «древнюю хлебосольную грузинскую землю...». Ну так получилось, что я, может быть, не должен был в подобной ситуации, портить праздник людям, мог как бы остановиться, или отложить выяснение отношений, но то, как это было сделано, учитывая, что я, возможно, не получил бы уже этих же людей и эту аудиторию, – вынудило меня, как говорится, расставить все точки над i.

Я извинился перед присутствовавшими за то, что не буду выступать в жанре традиционных доброжелательных приветствий. Сказал открыто, что эта тема меня как писателя и человека настолько задела, что я не мог сидеть и молчать в аудитории, где только что стихли слова о том, что, оказывается, моя родина это – грузинская земля и что все достижения моего народа принадлежат Грузии.

«Я вам должен ответственно заявить, что это совершенно не так...» – продолжил я и, кратко выражаясь, представил участникам встречи полную противоположность выступлению грузинского писателя.

Сказал о том, что абхазы – это самобытный древний народ, что у них своя история и они внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры и т.д. Я был очень взволнован, мне было очень тяжело выбирать какие-либо слова... И не ожидал, что это вызовет какую-либо серьезную реакцию. В то же время было такое ощущение, что в зале, как будто бы ждали моего слова или люди

чувствовали в тональности выступления грузинского писателя явную фальшь... И мои слова произвели на них достаточно сильное впечатление, это было видно и по шуму в зале и по хлопанию, и воодушевлению, выражавшему поддержку («Молодец, заступился за свою Родину, за свое Отечество!»).

Вот в таком духе все и происходило... И что же получилось?.. Так получилось, что мы за своим столиком в литфондовой столовой, всей семьей, – жена, дети, двое юношей, сидим и обедаем... К нам подошел незнакомый мне человек, представился через свою переводчицу (Семенову, с которой мы познакомились позже). Переводчица сказала, что господин Рединг, присутствовавший на встрече, восхищен моим поступком и тем словом, которое я произнес в защиту своей культуры и своей истории... Помню, они стоят всей семьей, отец, мать семейства, и двое мальчиков, уже хорошие такие подростки, высокие, рослые), и он держит в руках запакованную рубашку в какой-то прозрачной пленочке... Как сейчас помню, я ее с удовольствием носил пока не сносил окончательно, розоватую рубашку, в мелкую клеточку... Вот так, словно соблюдая абхазские традиции, этикет, он решил закрепить свое отношение ко мне вот таким вот незабываемым знаком внимания... И что интересно, почти все участники вчерашнего события могли видеть, как это происходило... Потом мы еще встречались отдельно, мы всей семьей спели абхазские песни, и они были очарованы нашими абхазскими песнопениями. В особенности, звучанием «Песни ранения» и «Песни скале»... Потому что, оказывается, они всей семьей постоянно ходили в церковный хор, и постоянно пели именно такие хорошие, церковные песни... А они, соборные песни, очень схожи, у них какой-то настрой одинаковый. То есть им просто по жанру были близки эти абхазские песни, у которых тоже, как я понимаю, соборные истоки ...

– Денис, насколько мне известно, ты был в близких отношениях и с известным русским прозаиком Владимиром Дудинцевым. Не связано ли ваше знакомство с ним с Пицундским Домом творчества?

– Да, Дудинцев тоже был участником той встречи, где я вынужден был рассказать советским и иностранным писателям о подлинной истории Абхазии, в противовес фальсифицированной, прозвучавшей из уст Реваза Мишвеладзе... Дудинцеву тоже, насколько я понял по нашему общению с ним, понравилось мое выступление, о чем он сказал мне после той встречи, организованной библиотекой Дома творчества. Он был в творческой командировке, занимался своими делами, рукописями, книгами. Но у нас появлялась возможность говорить на разные темы в свободное время, на территории пансионата. Он тоже был очарован нашим семейным пением. «Денис, у вас такие чудные дети, это яркие образцы – ваших с Марией! – демографических возможностей...» – говорил Владимир Дмитриевич, как бы шутя, но очень искренне, по-доброму. «У вас прекрасные дети, матрица замечательная, теперь дело за тиражом...» – продолжал русский писатель...

Есть еще один интересный эпизод, заслуживающий внимания. Спустя какое-то время, зайдя в Интернет, я вдруг узнаю, что кто-то продает с аукциона мою маленькую книжку стихов «Два неба»... Я приобрел ее, так как она успела стать библиографической редкостью. По автографу я понял, что это был тот экземпляр моей книжки, который я в свое время подарил В. Дудинцеву... Видимо, после его смерти, какие-то книги из его библиотеки попадали на аукцион. Вот такой бывают судьбы не только писателей, но, порой, и их книг.

Думаю, не стоит оставлять без внимания еще один неординарный факт. После личного знакомства с В. Дудин-

цевым, Денис Чачхалиа решил найти удобный момент и попросить его оставить свой автограф в книге с романом «Ни хлебом единым», которую он специально привез из Сухума в Пицунду. Русский писатель с удовольствием расписался в книге и тонко намекнул в ней насчет «матрицы замечательной» и «тиража».

А история у этого экземпляра книги – не простая. Знаменитая книга была приобретена отцом Дениса – Киршалом Шамильевичем Чачхалиа в 1968 г., в Москве, в писательской лавке на Кузнецком мосту, на втором этаже, где она выдавалась только по удостоверению члена Союза писателей СССР. Такова была степень популярности и востребованности романа «Ни хлебом единым».

Два мэтра...

Пицунда сблизила, можно сказать, породнила русско-го прозаика, автора романов «Ни хлебом единым», «Белые одежды» Владимира Дудинцева и абхазского писателя Алексея Гогуа, перу которого принадлежат крупные эпические полотна «Нимб» и «Асду». Их частые задушевные беседы касались, в частности, проблем стилевых исканий в современной прозе. Лично мне доставляло большое удовольствие слушать и наблюдать в достаточно оригинальных уютных «кабинах» старого бара писательского Дома за философскими размышлениями двух больших прозаиков. Этот диалог перерастал порой в жаркую литературную полемику. Сбивать градус запальчивых споров о том, насколько, в частности, оправдан лиризм настоящей прозы, мне удавалось тостами за общечеловеческий смысл «очага», «за культуру», «за женщин» и т.д. Моментами в моих замысловатых тостах было больше абсурда, сюрреалистической размытости, нежели какой-то глубокой мысли, но они вполне устра-

ивали всех, потому что легко снижали эмоциональный накал и градус напряженности. Своеобразное амортизирующее воздействие придуманных мной тостов достаточно ощутимо проявлялось особенно после двух-трех рюмок сухумского коньяка, вкусовые качества и аромат которого в те годы были признаны даже изысканными дегустаторами. Теплоту, ощущение некоего домашнего уюта и взаимную доверительность тона нашего общения усиливали сюжетные стихи Новеллы Матвеевой, которые читала нам страстно и упоительно супруга Владимира Дмитриевича – Наталья Федоровна. Кстати, интересную портретную характеристику посвятила этой замечательной супружеской чете Алла Докучаева (цикл «Бельские просторы»), дважды проводившая отпуск в Пицундском Доме творчества им. Д. Гулиа: «Когда они шли рядом, про них можно было сказать: не подходят друг другу. Он – коренастый, в неизменной клетчатой рубашке с засученными рукавами, лицо умное, но самое простое, из тех русских лиц, которые поначалу не останавливают на себе внимание, но встретишь острый взгляд небольших, лукавых, с веселой искоркой глаз и поймешь, что перед тобой человек мудрый и с характером. Она – высокая, выше его на полголовы, прямая спина, гордая осанка, широкополая соломенная шляпа прикрывает высокий лоб, лицо тонкое, нос с легкой горбинкой. Он – азартный, живой, она – сдержанная, немногословная. Понаблюдаешь за этой парой день-другой, и их внешняя непохожесть не только перестает быть заметной, а покажется, что так судьбой задумано: их союз озарен таким внутренним взаимопониманием, такой преданностью и нежностью, что невольно проникаешься к ним теплом и уважением. Наталья Федоровна, конечно, была его опорой в те тяжелые дни, когда его не печатали, не давали работать».

«Голубчик! Вы меня обокрали...»

И еще об одной малоизвестной грани творческого взаимодействия писателей. С Пицундским Литфондом прямо или косвенно связаны некоторые забавные истории о подражаниях, реминисценциях, «перепевах». Вот, как лаконично и достаточно театрализованно описал подобные эпизоды К. Ковальджи: «Как-то на Пицунде перед читателями Давид Кугультинов вдруг прочитал стихи, которые... я давно собирался написать. Еще со студенческих лет я записал строчки (далее почему-то дело не пошло): «Я не помню своего начала, Не запомню своего конца. Человек «для себя, внутри себя» не имеет ни начала, ни конца, он как бы бессмертен. Извне видны его пределы».

Примерно то же высказал и Кугультинов и, пока я сокрушенно удивлялся совпадению, он продолжал: – Я дал подстрочник этого стихотворения Маршаку. Тот прочитал, близко приставив листок к глазам, и откинул его: «Голубчик! Вы меня обокрали. Я собирался написать это стихотворение...» Вот такие парадоксы нередко сопутствовали жизни писателей в Пицундском Литфонде...

«Абхазские слова во мне живут...»

Римма Казакова, неоднократно приезжавшая в Пицундский Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа, известна в нашей стране как поэт, блестящая переводчица романа в стихах Б. Шинкуба «Песнь о скале», лирических и лиро-эпических произведений И. Когониа, И. Тарба, К. Ломиа, Н. Тарба, Ш. Пилия и других классиков абхазской литературы, посвятила стране души, волшебству абхазской речи ряд замечательных стихов, в числе которых: «Абхазские слова во мне живут – из звуков, нам о сути слов не лгущих. В них – шум прибоя, водопадов гуд, и щебет птиц, и щелканье лягушек, свист ветра, зов и звон его, и зык в горах, где чисто светят снега пятна... И, как

природы радостный язык, мне все понятно в них, хоть непонятно. И я, как в дом, в морской простор вхожу, и в горы поднимаюсь без опаски, и окликаю все, чем дорожу, клекочущие терпко, по-абхазски. 1981 г.».

Римма Казакова принадлежит к числу известных русских поэтов, профессиональных переводчиков, внесших значительный вклад в популяризацию уникального классического наследия абхазской литературы. Многие знают о ее личных дружеских отношениях с Нелли Тарба. Талантливая русская поэтесса превосходно перевела на русский язык не только яркие образцы лирики нашей замечательной поэтессы, но и ее прозу, в частности, повесть «Апсымра – солнце мертвых».

Последний раз Римма Федоровна посетила свой родной Пицундский «Литфонд» в 2003 году, в дни празднования 90-летия со дня рождения крупного прозаика, автора широко известных историко-художественных полотен Георгия Гулиа – в Абхазии. Помню, по ее просьбе мы заехали в Дом творчества писателей, директором которого был в то время автор морских записок «Взгляд Нептуна», поэт, публицист Ш.Х. Пилия. Римма и Шамиль встретились прямо у входа в здание писательского дома. Трудно передать словами, как они, когда-то в советскую эпоху близко знавшие друг друга, были безмерно рады встрече в Пицунде по прошествии стольких лет. Римма Казакова, возглавлявшая в то время Московскую писательскую организацию, интересовалась возможностью восстановления условий для отдыха московских литераторов в Пицундском Доме творчества.

М. Дудин и В. Конецкий – в «Пицундской литературной хронике»

В конце 80-х вновь в Абхазию приезжает поэт Михаил Дудин, видный представитель фронтовой плеяды. Думаю,

что воспоминания А. Докучаевой о нем, могут заинтересовать не только почитателей и ценителей художественного дарования поэта, но и тех, кто занят исследованием отдельных страниц истории литературных взаимосвязей, незаслуженно обойденных вниманием литературоведов и краеведов. «...В другой раз, в последний, мы увиделись два года спустя, в 1990 году, в Пицунде, в Доме творчества Литфонда, – увиделись уже, как добрые знакомые. Я подружилась с его женой Ириной Николаевной Тарсановой, редактором «Ленфильма», мы часто вместе прогуливались, беседовали. А Михаил Александрович в основном гулял в одиночку, с суковатой желтой палкой – носил ее чуть по-пижонски, иногда подкидывая, но когда людей вокруг не случалось, опирался на нее». Далее А. Докучаева описывает случай, раскрывающий некоторые черты характера М. Дудина, проявляющиеся подчас в неординарных ситуациях: «Как-то я своему пятилетнему внуку читала книжку в беседке. Рядом – ограда. Женя через нее перелез за бабочкой. Поймал и стоит, рассматривает. Вдруг прямо из травы, в двух десятках сантиметров от него, поднимается вверх голова гадюки. Говорю ему как можно спокойнее – откуда только взялось это спокойствие: «Женечка, не оглядывайся, быстро перелезай ко мне – сзади змея». Перелетел одним махом, глазенки расширены от ужаса, я хватаю его за руку, и мы мчимся прочь так, как будто эта змейка нас преследует по пятам. Навстречу – Дудин со своей палкой: – Что случилось? Кто за вами гонится? Мы в два голоса: – Змея! Он смеется: – Какая змея? Дракон, что ли? – обнимает нас обоих – и Жене: – Да не бойся ты! Где она? Около беседки? Вот я ее сейчас палкой! Вспоминаю его сегодня – мудрого, с зорким и добрым взглядом, и почему-то змея, которую он грозился пугнуть своей палкой, ассоциируется у меня с тем злом, от которого хотел он очистить родину ли, Вселенную ли, когда писал в поэме «Зерна»: «И пока я не вы-

несу Зло подноготное к свету, Не очищу от тины Рули на своем корабле, Нет прощенья мне, Оправданья беспечности нету, И не будет покоя (земле и в земле?)».

На мой взгляд, заслуживают не меньшего читательского внимания и интереса факты, связанные с пребыванием в Пицунде знаменитого прозаика, киносценариста, капитана дальнего плавания В. Конецкого. В эссе «Самый тонкий в мире капитан» литературный критик Н. Иванова отмечает: «...Но Конецкий бывал и тих и ясен – таким я видела его в Пицунде, где мы совпали на «срок» пребывания в Доме творчества осенью 1987-го. Много ходил, я его «таскала» на прогулки, несмотря на его больные ноги, – я понимала, что ходьба ему на пользу, хотя сигареты всю эту пользу «компенсировали». Была в нем – одновременно – страсть к чистоте и порядку и страсть к саморазрушению. Подарил книгу «Ледовые брызги» с чудесной надписью: «Наташе Ивановой – с хорошими словами, с полным желудком хороших слов, со всеми вообще хорошими словами – самый тонкий в мире капитан Виктор Конецкий. 01.XI.87. Пицунда».

Три фигуры, три богатыря...

Думаю, заслуживают внимания истории, связанные с пребыванием в Пицунде еще трех признанных мастеров художественного слова. В одно и то же время отдыхали здесь видные представители балкарской, башкирской и калмыцкой литератур: К. Кулиев, А. Хакимов, Д. Кугультинов. Свой творческий отпуск они посвящали не только кропотливой работе за письменным столом, но и спокойным доверительным беседам о проблемах развития национальных литератур, сохранения языков, традиций и выживания малочисленных народов в условиях усиливающейся девальвации нравственных и духовных ценностей. В своих воспоминаниях о башкир-

ском писателе, опубликованных в журнале «Ватандаш», зам. гл. редактора «Литературной газеты» (1970–1990 гг.) Владимир Бонч-Бруевич, прибегает к интересным портретным характеристикам: «Двадцать лет мы сталкивались ежедневно в коридорах и кабинетах «Литературной газеты». Но в памяти у меня осталась еще и совершенно не связанная с нашим зданием картина. Жалею, что в руках не оказалось фотоаппарата. Это было в Пицунде, на пляже. Лето, жара. Вдруг откуда-то из-за поворота появляются три фигуры: Ахияр Хакимов, Давид Кугультинов и Кайсын Кулиев, такие три богатыря, причем на пляже все лежат в соответствующем виде, а они идут по берегу одетые, издали кажется, что в бурках, кто-то с посохом. Вот этот кадр и поныне стоит перед моими глазами. И Ахияр Хасанович для меня, как и для многих, конечно, остается человеком достойным самого глубокого уважения и самой светлой памяти».

С Пицундским Домом творчества также связаны интересные воспоминания народного писателя Кыргызстана, академика Мара Байджиева: «Будучи студентом КГУ, я часто встречался с К. Кулиевым в Союзе писателей в секции переводчиков. Он подружился с начинающим прозаиком Чингизом Айтматовым, и они вместе перевели на русский язык повесть Т. Сыдыкбекова «Дети гор». После XX съезда КПСС К. Кулиев, как и многие переселенцы, вернулся на родину. Встретил я его в начале 80-х годов в Доме творчества в Пицунде. Мы с женой на лифте спускались вниз. На пятом этаже открылась дверь, вошел седой человек и встал к нам спиной. Когда лифт остановился, аксакал вышел первым и повернулся к нам: «Я слышу, вы из Кыргызстана. Передайте этой прекрасной земле мой нижайший поклон. Там много хороших людей!» – сказал он, по-отечески обнял нас за плечи и прослезился. Это был Кайсын Кулиев. Меня он, конечно, не узнал. Столько лет прошло! Вечером я хотел пойти к нему в номер, но

не стал его расстраивать грустными воспоминаниями, он плохо выглядел. Вскоре Кайсына Кулиева не стало...».

Занимаясь исследованием отдельных историй и сюжетов, я с радостью узнавал, что с ними связаны и другие, не менее привлекательные события общественной и литературной жизни. Так из публикации доктора филологических наук, профессора Кабардино-Балкарского государственного университета Т.Е. Эфендиевой, я почерпнул немало ценной информации о близких взаимоотношениях Кайсына Кулиева с Нафи Джусойты – выдающимся представителем осетинской филологии, культуры. «О дружбе Нафи Джусойты и Кайсына Кулиева можно написать целую монографию: так долго они знали друг друга и так многое их связывало.

Август 1982 года много мог бы поведать о них, когда Кулиев с Элизат и Нафи Джусойты с женой Лидой отдыхали вместе в Пицунде. Здесь же с ними были Ахияр Хакимов с дочерью и супругой Лидией из Москвы. Они вместе проводили время, много гуляли около моря, говорили о будущем, строили творческие планы, фотографировались на память...» («Мы все вышли из его шинели...». Газета «Южная Осетия», 19 июня 2015 г., №75-76).

О том, какие симпатии видный юго-осетинский писатель и ученый испытывал к Абхазии, абхазскому народу и его истории, свидетельствуют многие факты и события. Одним из них является опыт достаточно эффективного взаимодействия Нафи Джусойты с выдающимся национальным лидером Абхазии, доктором исторических наук, профессором В.Г. Ардзинба. Будучи народными депутатами СССР, в недрах Верховного Совета бывшей советской державы, они вместе боролись за восстановление суверенных прав абхазов, осетин и других малочисленных этносов. Постоянный интерес к истории, культуре,

традициям, непосредственное участие в национальных движениях своих народов сблизили и объединили Нафи Григорьевича и его коллегу поэта, общественного деятеля Геннадия Аламира. Думаю, далеко неординарен и тот факт, что Нафи Джусойты перевел на осетинский язык и издал отдельной книгой стихи и поэмы Дмитрия Гулиа «Мой очаг», а Геннадий Аламир, как профессиональный переводчик, также смог осуществить перевод лирики Косты Хетагурова на абхазский язык и издать отдельным сборником.

Дружелюбные споры двух абхазских классиков

У наших писателей Шоты Чкадуа и Алексея Гогова еще с юных лет были теплые дружеские отношения. Я испытывал большое наслаждение от их разговоров на житейские темы, о языке, о литературе, о традициях. Но больше всего мне нравились их шутки, добрые, исполненные абхазского шарма, подколки. Было интересно наблюдать, как они иногда спорили о чем-то, моментами сильно жестикулируя. Помню, однажды Шота Евгеньевич предложил мне прогуляться вместе с ним вдоль пицундского побережья и почему-то по тому «маршруту», по которому предпочитал ходить Алексей Ночевич, чтобы развеять усталость. Было это летом, в яркую солнечную погоду. Шли мы по территории заповедника, по тропинкам, протоптанным туристами-дикарями. В заповеднике можно было наблюдать множество разноцветных и экзотических птиц. Мой старший друг и наставник, щеголяя своими «орнитологическими» познаниями, начинал ненавязчиво «просвещать» меня, напоминая редкие абхазские названия встречавшихся в сосновой роще птиц. В подлинности каких-то названий я стал сомневаться, но, продолжал молча и безропотно слушать своего гида, сдерживая себя тем, что с мэтрами и менторами – не

спорят... По ходу он, моментами, имитировал разговоры с птицами, нашептывал какие-то звуки на каком-то птичьем языке, время от времени предлагая порхавшим над нами птицам сесть ему на широкую богатырскую ладонь. Однако вся интрига этого затянувшегося рассказа заключалась в том, что мы забыли про птиц, когда вдруг увидели на ветвях сосен веселящихся, кувыркающихся налету в воздухе белок. При виде этого сказочного зрелища лицо знаменитого драматурга буквально воссияло и он долго и с удивительной дотошностью рассказывал мне потом о «повадках» этих юрких зверьков. «Ацыџкәа, сыхазынакәа, ацыџкәа...» – теперь уже каким-то магическим, понятным только ему и белкам, тотемистическим языком классик начинал имитировать свой разговор с этими совершенно безобидными существами.

Мы вернулись в «Литфонд» к сумеркам. И как раз у входа в центральный корпус встретили Алексея Ночевича, спустившегося подышать свежим воздухом после напряженной работы за письменным столом. Он поинтересовался результатами нашего «тайного» культпохода. Мы стали делиться впечатлениями. Драматург в силу безграничных фантастических возможностей его избранного жанра, представил картину наших наблюдений слишком гиперболизированно. Моментами прозаик невольно ухмылялся. Но больше всего рассмешила прозаика то, что драматург описал увиденных нами белок, чуть ли ни как барсов (ацыџкәа)... Вот тут и стали спорить на полном серьезе два классика. Шота упрямо стоял на своем. Алеша неистовствовал, пытаясь убедить собрата по цеху в том, что эти зверьки – обычные, беззащитные белочки. И в качестве главного аргумента он привел довод о том, что хвост у «барса», придуманного драматургом, непомерно длинный и в этот момент, он, как акробат на батуте, раскидал обе руки в разные стороны, чтобы показать реально, какова длина хвоста того злополучного

обитателя абхазских гор, который никак не мог появиться среди бела дня в прибрежном пицундском заповеднике (даже при фонтанирующем творческом воображении нашего знаменитого комедиографа).

И тут драматург, вдруг, неожиданно, сдался, найдя удобный выход из положения, в своей многозначительной импровизации: «Ацхь иахухааит ацыгъгы, аешгъы!..», что означало: «Да будь они прокляты Божеством кошек... и барс, и белка...»... и добавил, широко и по доброму улыбаясь, по-дружески хлопая Алексея по плечу: «Это же наш гений, он во всем прав, с ним нельзя спорить!»...

Пицундский Литфонд – Александр Ольшанский – Джума Ахуба

Вновь возвращают в советскую эпоху, с которой связаны судьбы многих наших классиков, воспоминания писателя А. Ольшанского, который, в частности, пишет: «Потом Литфонд СССР построил рядом с домом отдыха правдивостов дом творчества писателей (в Пицунде – В.З.), и я несколько раз брал в него путевку. Ставрида практически не ловилась. Однажды я поймал десятка полтора ставридок, шел с пакетиком к себе в номер. Навстречу попался известный мансийский поэт Юван Шесталов. Увидев рыбу, он как-то хищно расставил руки, выхватил у меня несчастный улов и с криком: «Саша, приходи, я строганину сделаю!» помчался домой. Вообще-то Юван угощал меня настоящей строганиной из нельмы в Ленинграде. Жил он в той самой квартире, где раньше собирались «Серапионовы братья». Рассказывали байки, что Юван посреди комнаты поставил чум, разводил на паркете костры – чушь собачья. В тот вечер Юван ждал в гости Кирилла Лаврова, но тот почему-то не приехал, и мы под водочку уничтожили причитающуюся и ему нельму. Не знаю, какая уж у Ювана получилась строга-

нина из ставриды, но я понял, когда он, раскинув руки, стал похож на краба, почему и выжил в родительском чуме». Далее А.Ольшанский тепло вспоминает о первом директоре пансионата Г.Т. Багатурия, с глубокой болью и переживанием пишет о том, что грузино-абхазская война принесла много горя «в райскую страну под названием Абхазия...» «В каждый свой приезд, – продолжает свой рассказ А.Ольшанский, – я надеялся встретиться с абхазским писателем Джумой Ахуба – у нас возникла короткая дружба в Литинституте, которую прервали моим призывом в армию. Но так и не встретился. Не встретился почему-то и в Москве. У меня же был странный случай с Ольгой Фокиной. Увидев ее на съезде, я обрадовался, подошел к ней, поздоровался. И вдруг она меня спрашивает: «Извините, кто вы такой?». «Оля, да я же Саша Ольшанский!» – воскликнул я. «Нет, вы не Саша Ольшанский», – сказала Фокина и отошла от меня. Возможно, что время так изменило мою внешность, что и Ахуба не узнал меня, а я – его? Как-то мне попала статья о том, что Джуме (Ахуба – В.З.) пришлось вынести в грузинском плену, и стало ясно: абхазы никогда не согласятся жить в одном государстве с грузинами... Под общероссийской крышей они с трудом, но уживались, а без нее – увы...» Иногда с большой грустью и душевной болью вспоминаю дни, проведенные в Абхазии, – отмечает А. Ольшанский. – Отдыхающих из России там становится с каждым годом всё больше, мне хочется туда поехать, но не хочется, чтобы прежние воспоминания были вытеснены новыми впечатлениями. Свое прошлое надо оберегать...»

«Модерновская многоэтажность и идея древней абхазской земли...»

Посвящая истории Дома творчества писателей им. Д. Гулиа данный очерк, невозможно не вспомнить «Ра-

бочие тетради» Александра Твардовского, посетившего Абхазию еще в 1968 г. На редкость интересно, образно, надолго запоминающимся штрихами описал мастер свое пребывание в Пицунде вместе с народным поэтом Б.В. Шинкуба. Пицунда уже тогда начинала медленно входить в стадию «модерновской многоэтажности»:

«...Первое замечательное впечатление – никаких следов недавней стройки, какие и в городах остаются обычно долго еще после заселения домов – ни ям, ни битого кирпича, ни досок от опалубок, покореженных плит, панелей и т.п. Газоновая травка обтекает дорожки – бетонные и плиточные, ни щепочки, ни камешка, как будто эти щегольски-модерновые и, правда, красивые четырнадцатизэтажки стоят здесь давным-давно. И внутри все хорошо, кроме очень уж старательно модернизированной мебели – низкие столики, креслица и т.д. По фасаду – широченная набережная с крупногалечным пляжем, чудесное море байкальской чистоты, а сзади, хотя, строго говоря, нет «задов» – этот древний, мрачноватый в своей древности сосновый бор, который старше этих зданий по крайней мере на 10 тысяч лет, т.е. 10 тысяч лет назад такая сосна уже повсеместно на земле кончила свой век. – Бедный Шинкуба в тостах всячески старается «примирить» эту модерновую многоэтажность с идеей «древней абхазской земли».

«Трещат цикады, ветер пахнет смолой...»

Я не мог оставить без внимания еще один пласт культуры, ее истории, связанной с пребыванием в Пицунде некоторых маститых русских советских писателей. С Абхазией неразрывно связаны дни достаточно плодотворной творческой работы Юлиана Семенова, в произведениях (политических детективах) которого (в частности, в повести «ТАСС уполномочен заявить») наша страна,

абхазы с их обычаями, богатой ритуальной культурой и традициями нашли достаточно оригинальное отражение.

В книге воспоминаний («Юлиан Семенов» из серии ЖЗЛ) его дочери О. Семеновой представлены некоторые эпизоды встреч писателя с местными жителями: «С середины 70-х папа часто ездил с нами в Абхазию, в Пицунду. В первый же день номер забивался знакомыми абхазцами, приглашавшими в гости. Папин любимец – молоденький бармен Алябрик (девятилетней я называла его «дядя Кораблик») – по вечерам виртуозно готовил коктейли в грохочущем музыкой баре на последнем этаже гостиницы, а днем возил папу по местным «уважаемым людям». Ездил с бешеной скоростью, отец на него кричал: «Алябрик, разобьешься, не кидайся с кинжалом на горячее г**но!» Но Алябрик лишь смеялся, сияя золотыми, по моде тех лет, зубами. ...Безмолвные женщины в черных платьях накрывают в саду столы: мамалыга, хачапури, жареное мясо, зелень. Палит солнце, трещат цикады, в горячем воздухе разлит горьковатый запах костра. Принесены из погребов плетеные бутылки с вином, расставлены дубовые скамьи, начинаются застолье, тосты. Гости, таков неписанный закон края, не имеют права встать из-за стола до поздней ночи, пока пир не будет окончен. (Вышел по нужде – значит, слаб, не мужчина.) Мы возвращаемся в гостиницу поздно. В ледяной горной речушке Бзыбь плещется серебристая форель, трещат цикады, ветер пахнет смолой, на море – штиль, дрожит на воде лунная дорожка, а вокруг желтых фонарей на набережной водят хороводы белые мотыльки...» Думаю, не менее интересны и привлекательны (они, безусловно, представляют ценность для эпистолярного жанра) некоторые фрагменты из письма самого Юлиана Семенова своим дочерям (конец 1970-х годов).

«Дорогие доченьки! Дорогая Катюша! Все, конечно, отлично, и так же цикады трещат, и море пока еще те-

плое, и Алябрик – душенька, и сосны шумят, но только сердце щемит, ибо грустно мне здесь без Дунечки и Ольгуси, все иное – лишенное нашего августовского смысла, Оленькиных слез по поводу купаний, Атиных пароксизмов дрянного настроения, совместных наших застолий, споров о необходимости Атинога загара, Ольгиных зажмуриваний в воде... Мне невероятно грустно без вас, так грустно, что хочется сесть за работу, а сил нет, да и машинка плоха, не говоря уже о мыслях: они подобны морзе – точка – тире – точка, сплошная рвань, уныние и тяготятие...».

«Звучит орган в Пицундском храме»

В многообразной, калейдоскопичной хронике российско-абхазских литературных взаимосвязей достойное место занимают поэт Андрей Дементьев и его воспоминания. В публикации под названием «Абхазия в моем сердце» А. Дементьев яркими красками, проникновенно и взволнованно передает свое отношение к Апсны, с которой он породнился благодаря абхазским друзьям по Литинституту. «Слушая удивительные по силе чувств стихи моих новых друзей, я думал о том, что Абхазия – это страна открытых и добрых людей, талантливых и скромных тружеников, неутомимых и жадных до работы. Так говорили стихи. И это же подтвердила вся недолгая, но яркая жизнь большого абхазского писателя Алексея Ласуриа. Но прошло немало лет, прежде чем мне посчастливилось побывать в Абхазии. Все было так, как я и представлял себе: много солнца, синевы, света и неповторимой красоты. Красота всюду – от изумрудного прибрежья до белоснежных гор, от гладкой линии шоссе до равнин до ровных чайных кустов. И самое удивительное, что ко всему этому невозможно привыкнуть, сколько бы ты ни прожил там...». И как своеобразное лириче-

ское дополнение к этим трогательным словам, мыслям, ярким краскам, я воспринимаю стихотворение А. Дементьева «Концерт в Пицунде», посвященное Микаэлу Таривердиеву: «Звучит орган в пицундском храме. Нисходит музыка с небес. И что-то происходит с нами, Коль мир за окнами исчез. А белый ангел возле клавиш Творит на людях торжество. О чем ты души вопрошаешь Из вдохновенья своего? Звучит орган в прохладных сводах, В печальных сводах допоздна... И возрождается свобода, И оживает старина. А сверху смотрят фрески немо В земном предчувствии чудес. Восходит музыка на небо, Едва сошедшая с небес».

Азат Абдулин и Абхазия

Проблемы, связанные с развитием жанра национальной драматургии, обсуждали в дни пребывания в Пицунде абхазский прозаик, драматург Шота Чкадуа и башкирский драматург Азат Абдулин. Ситуация сложилась таким образом, что после трагических событий в Абхазии и ликвидации Литфонда СССР, башкирский писатель долгое время не мог приезжать в Пицунду. В 2006 году А. Абдулин вновь прибыл в нашу республику и при поддержке Союза писателей РФ и Союза писателей и Ассоциации писателей Абхазии и руководства ООО «Ассоциации предприятий» Минатома, он смог провести свой творческий отпуск в родном Литфонде. Думаю, следует отметить, что в 1992–1993 гг., в период грузино-абхазской войны, когда многие деятели абхазской культуры волею судьбы и трагических обстоятельств стали беженцами, А. Абдулин смог приютить своих друзей у себя в Башкортостане и оказать им посильную помощь. Это один из множества примеров того, как писательский Дом в Пицунде сблизил, объединил многих собратьев по литературному цеху.

Гарольд Регистан и Геннадий Аламиа

Многие тепло вспоминают о том, как поэт-переводчик Гарольд Регистан, находясь на отдыхе в Пицундском Доме творчества, частенько выходил на лодке на рыбалку. Возвращаясь с хорошим уловом, он заходил в столовую и щедро отдавал всю пойманную рыбу поварам, чтобы они угостили свежей барабулькой или вкуснейшей черноморской ставридой всех, кто отдыхал в пансионате. С этой достаточно занимательной историей связаны сюжеты, о которых рассказывал мне один из наиболее ярких представителей современной абхазской поэзии Геннадий Аламиа. Приезжая в Дом творчества, поэт работал не только над созданием новых поэтических циклов, поэм, но и эссе, очерков, творческих портретов великих писателей, художников, государственных деятелей. Много энергии посвятил Геннадий переводам шедевров мировой драматургии на абхазский язык («Горя от ума» Грибоедова, «Короля Лира», «Юлия Цезаря», «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Жизнь есть сон» Кальдерона и т.д.). Он тепло вспоминает и часы общения с собратьями по перу. Часть свободного времени Геннадий проводил на рыбалке. Думаю, мало, кто об этом знает. Недавно мой друг в нашей беседе за чашкой кофе, «поведал» мне о том, как поэт, переводчик Гарольд Регистан посвящал его в таинства рыбного «ремесла». В конечном итоге, наш знаменитый лирик превзошел своего многоопытного «учителя». Эпизоды эти, как мне кажется, настолько увлекательны и зрелищны, что Геннадий мог бы написать на их основе замечательный рассказ (возможно, уже и пишет?).

Пицундский Дом творчества и украинско-абхазские литературные взаимосвязи

С середины 80-х годов прошлого столетия нередко приезжали сюда достаточно известные и влиятельные

представители украинской литературы Павло Мовчан, Леонид Талалай и Юрий Покальчук. Они проявляли большой интерес к истории, традиционной культуре Абхазии. Вникали в суть сложных проблем, сопутствовавших становлению абхазской государственности. Разумеется, особое место в наших беседах занимали литература и искусство. В разговорах, посвященных вопросам, являвшимся предметом наших общих переживаний, принимали участие А. Гогуга, Н. Квициниа, В. Амаршан, Д. Чачхалиа, Г. Аламиа и другие признанные мастера абхазского художественного слова. Порой эти беседы длились часами, укрепляя взаимное доверие, способствуя развитию наших давних творческих взаимосвязей.

Юрий Покальчук, с которым, благодаря замечательному абхазскому актеру Кесоу Хагба, у меня завязались очень теплые отношения, – был человеком на редкость энергичным, деятельным. Он свободно владел многими иностранными языками. Много ездил, путешествовал. В качестве журналиста-международника находился в длительной творческой командировке в Никарагуа и других странах Центральной и Латинской Америки. Восхищался стихами Рубена Дарио – кумира многих испанских писателей, основателя эстетики модернизма.

Впечатляла рыцарская внешность, обаятельность Юрия некоторая импульсивность характера. «Сначала он заявил о себе, как переводчик, одним из первых в СССР начал переводить Борхеса. Кроме Борхеса были Хемингуэй, Сэлинджер, Кортасар и другие. – писала о нем газета «Коммерсант» (11.09.2008). «Чтобы не превратиться в типичного советского писателя, он на время отказался от собственного творчества, но совсем забросить его не мог... Сначала появились рассказы и повести, а в начале 80-х вышел его первый роман «И сейчас, и всегда...».

Так вот, Юрий Покальчук, один из тех видных представителей украинской интеллигенции, кто с первых

дней грузино-абхазской войны открыто выступил в защиту Абхазии. Посвятил ей ряд актуальных публикаций, документальную повесть, фильм о борьбе абхазского народа за свою независимость. В 1994 г. он добился включения абхазской делегации в 12-дневное морское путешествие на теплоходе «Ренессанс» с заходом в прибрежные города стран Черноморского бассейна, Средиземного и Эгейского морей. На корабле, совершавшем уникальный круиз, шла конференция по проблемам истории, культурологии, мифологии. В ней принимали участие представители творческой и научной элиты ряда европейских государств. Благодаря незаурядным дипломатическим способностям Юрия Покальчука, его личным связям, необыкновенной коммуникабельности, абхазской делегации в этом престижном морском симпозиуме была предоставлена солидная ниша: слово для доклада о средневековом абхазском зодчестве было предоставлено писателю, историку Денису Чачхалиа. Выступление синхронно переводилось на английский язык абхазской переводчицей Людмилой Сагариа, и оно вызвало широкий резонанс.

Наши связи с украинскими писателями сыграли значительную роль в судьбоносный для Абхазии военный период (1992-1993). Руководитель Абхазии Владислав Ардзинба, получив информацию об активизации прогрузинских сил на Украине, счел необходимым срочно командировать туда видных представителей абхазской интеллигенции и журналистов с целью публичного опровержения ложной информации о причинах начала грузино-абхазской войны. Эта миссия была возложена на тогдашнего председателя Союза писателей Абхазии А. Гогуга, писателей Д. Чачхалиа, В. Зантариа, актера Абхазского госдрамтеатра К. Хагба (в нашу группу входил телеоператор Абхазского телевидения А. Акаба). Наши украинские друзья П. Мовчан, Ю. Покальчук, Л. Талалай,

Н. Корниенко, Л. Танюк достаточно оперативно подключились к процессу распространения объективной информации об обстановке и развитии событий в Абхазии. О встрече с украинскими парламентариями позаботился неутомимый общественный деятель и дипломат Кесоу Хагба.

Надолго запомнилась встреча с видным писателем и общественным деятелем, руководителем движения «Рух» Иваном Драчом, опубликовавшим (без каких-либо купюр) интервью с членами абхазской делегации на страницах газеты «Вести из Украины». Павло Мовчан, возглавлявший в то время Киевскую писательскую организацию, дал нам возможность провести пресс-конференцию в Доме художника. Помню, с каким сопереживанием, с какой болью он говорил о наших абхазских проблемах. Нас, конечно, сильно воодушевляло и то, что во всех встречах, в том числе и в Союзе писателей Украины, принимала участие наша соотечественница, известная писательница, лауреат Гоголевской и других престижных литературных премий Украины Этери Басариа, чья жизнь оборвалась так рано. Благодаря ее личным контактам и усилиям нам удалось выступить и по Киевскому телевидению, в программе «Украина – окно в мир». Было бы несправедливо не отметить, как талантливо, мудро и энергично содействовала налаживанию наших контактов с украинской интеллигенцией культуролог Евгения Кузьминична Дейч, издавна поддерживавшая самые что ни на есть добрые отношения с известным искусствоведом Нелли Корниенко и ее супругом, депутатом украинского Парламента Л. Танюком. Я никогда не забуду, как тончайший украинский лирик Леонид Талалай, с трудом сдерживая слезы, клал нам в сумки книги из своей личной библиотеки (Франца Кафку, Кнута Гамсуна и других классиков), произнося дрожащим голосом: «Братья, там у вас сейчас война, несчастья, гибнут люди, но книги все

равно вам пригодятся потом, когда все это закончится...). И вот я порой, доставая со своих полок бесценные подарки моего украинского друга, думаю, как важны, необходимы человеку такие искренние дружеские отношения, такой диалог, такая моральная поддержка в лихую годину. А зарождались они в стенах замечательного пицундского Дворца, так породнившего в свое время писателей самых разных национальностей... Теперь уже, к сожалению, эти воспоминания омрачаются другой, еще более страшной войной, в которую втянуты многие официальные и закулисные игроки мирового геополитического противоборства. Гибнут люди, льется кровь, содрогается вся земля от грохотания пушек, взрывов бомб и снарядов.

В 80-е годы в Пицундском Доме творчества проводил свой творческий отпуск известный эстонский писатель, переводчик Арнольд Освальдович Тамм. Читатели той эпохи хорошо знакомы с произведениями Эмме Бээкман. Это такие как «Возможность выбора», «Возможность отречения», «Час равноденствия». Они посвящены проблемам современной женщины. Одним из переводчиков той серьезной эстонской прозы на русский язык был Арнольд Тамм. Также ему принадлежит перевод книги детской прозы Сильвии Труу «Месяц как взрослая». В дни пребывания Арнольда Тамм, являвшегося тогда главным редактором издательства «Советский писатель», в Пицундском Литфонде, с ним общались его абхазские коллеги Алексей Гогуа, Алексей Джения, Николай Квициния. Наряду с другими, темой этих бесед являлась перспектива издания абхазской классики в одном из ведущих московских издательств, где эстонский писатель занимал высокое положение. В советскую эпоху в «Советском писателе» издание национальных литератур входило в шкалу издательских приоритетов.

Страницы документальной летописи

В декабре 1979 года в Доме творчества им. Д.И. Гулиа проходил семинар молодых писателей-очеркистов с участием абхазских писателей и журналистов. В начале 80-х прошлого столетия здесь проводили свой творческий отпуск монгольский поэт, переводчик романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на монгольский язык, секретарь Союза монгольских писателей, лауреат Государственной премии Монгольской Народной Республики Чойжилын Чимид и заслуженная артистка МНР Цэвэлсурен. В 1981 в Пицунду приезжает известный детский писатель Анатолий Алексин. В 1982 г. в Пицундском Доме творчества состоялось Всероссийское совещание молодых писателей, пишущих для детей и юношества. С 27 по 11 мая (1981) в Пицунде проходит семинар молодых писателей внутренних войск СССР, организованный по инициативе СП РФ и политуправления внутренних войск. В мае 1984 г. в книге отзывов и предложений Дома творчества оставляют свои автографы и добрые пожелания Берта и Хосе Антонио Портуандо. В 1988 г. состоялся VIII семинар детских писателей России. А в 1990 г. – Всероссийский семинар молодых очеркистов. В 2000 году здесь проводит свой творческий отпуск писатель Е. Ерофеев. Писатель-детективист, из Минска, генерал-майор милиции Николай Чергинец отдыхал и работал в Доме творчества им. Д.И. Гулиа в разное время. Он является автором романа «Финал Краба», политического детектива «Тайна овального кабинета». Последний раз находился на отдыхе в Пицунде в августе 2005 г. «...Я как начал черкать в трёхкопеечных блокнотиках в клеточку, так и сейчас пишу. Потом переписываю на стандартные страницы всё той же шариковой ручкой. И плачу машинистке, так мне удобнее. Ни пишущую машинку не освоил, ни компьютер... Поздно, видно! За ночь могу вы-

дать страниц 15-20 в блокноте. Хорошо всегда писалось в Пицунде, в доме творчества. Запоем. Иногда из отпуска привозил готовый роман. Когда-то установил себе за правило: хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а три страницы в день напиши! Память у меня хорошая, фабулу держу в голове, так что лишних записей с собой не таю – ну, разве что забудешь цвет глаз героя или во что он был одет в начале повествования. А так – всё в голове!» («Литературная газета», 2003 г.). Помимо писателей в Пицундский Дом творчества Литфонда нередко приезжали известные ученые. Так, в 2002 г. здесь отдыхал И.Н. Каневский – доктор физико-математических наук, член Международной Академии Высшей школы из Нью-Йорка, начальник кафедры физики Морской Академии им. адмирала Г.И. Невельского. В том же году здесь находились П.П. Олейников – доктор наук, профессор, академик метрологической Академии РФ, Л. Олейникова – доцент, Шарифуллина – преподаватель РХТУ им. Д. Менделеева (с семьей), Е.П. Смирнов – гл. травматолог Владимирской области (2002-2003). Традиционно в Доме творчества им. Д.И. Гулиа абхазские писатели и представители других национальных литератур обсуждали вопросы, связанные с работой по взаимному переводу лучших художественных произведений.

Значительную роль сыграл Дом творчества для развития и популяризации абхазской национальной культуры в целом. Здесь за письменным столом, в работе над новыми произведениями и рукописями еще незавершенных вещей проводили свои плодотворные творческие дни и недели Б. Шинкуба, А. Джонуа, Ш. Пачалиа, К. Ломиа, Н. Тарба, Д. Ахуба, М. Микаиа, Ш. Аджинджал, Ш. Пилия, А. Аргун, Н. Хашиг, Р. Джопуа, А. Мукба, Д. Чачхалиа, Ю. Лакербай, Н. Патулиди, А. Сарецян. Здесь рождались или успешно завершались произведения Ш. Салакая, С. Зухба, С. Таркил, Р. Ласуриа, Г. Аламиа, Р. Смыр, А. Возба, Р. Капба, В. Басариа,

С. Квициния, И. Хашба, Д. Начкебия, В. Абхазоу, Г. Квициния, Г. Сакания, А. Лагулаа и С. Агындиа, В. Шария, Е. Ажиба, З. Тхаицук, Н. Венедиктовой, И. Хаджимба.

И нередко публикации вышеупомянутых авторов помечены словами: Пицунда, Дом творчества писателей им. Д.И. Гулиа – с указанием дат пребывания в нем. Для истории литературы, для биографии писателя эти нюансы имеют далеко не второстепенное значение. Во время грузино-абхазской войны данный объект культуры, как и другие пицундские дома творчества и отдыха, уцелел благодаря тому, что огненный шквал боевых действий не достиг Пицунды, остававшейся по эту, относительно безопасную сторону грузино-абхазского противостояния, хотя и сюда доходило тревожное эхо пушечных выстрелов. Уникальную экологическую нишу, занимаемую Пицундой, ее неповторимые природные богатства, археологические, архитектурные ценности удалось уберечь от пожара войны, в первую очередь благодаря самоотверженности и стойкости Абхазской армии, в состав которой входили и добровольческие отряды. В числе защитников Родины находились и сами пицундские воины, многие из которых положили свои жизни на алтарь священной Победы.

В ту беспокойную пору коллектив пансионата принимал значительные усилия по сохранению комплекса. После войны постановлением правительства Абхазии Дом творчества им. Д.И. Гулиа был включен в перечень объектов, являющихся государственной собственностью независимой Республики Абхазия. Однако постановление предусматривало, что дирекция пансионата, на договорной основе переходит в ведение правления Союза писателей Абхазии и Литфонда республики, являвшихся де-факто правопреемниками Союза писателей СССР, полноправными членами которого являлись и писатели Абхазии. В тяжелую послевоенную пору, когда

Абхазии была объявлена противоречащая всем международным правовым и гуманитарным нормам экономическая блокада, руководством пансионата совместно с руководством Абхазской писательской организации и ее Литфонда в чрезвычайных условиях были созданы элементарные условия для приема отдыхающих.

Несмотря на большие экономические сложности, писателям Абхазии, чьи творческие планы были нарушены войной, а также связанными с ней политическими потрясениями, предоставлялись условия для продолжения творческой работы в Пицунде. Судьбой пансионата интересовались многие российские писатели, для которых он в мирное время стал излюбленным местом отдыха и творческой работы. Были и такие, кто, несмотря на сохранявшуюся нестабильность ситуации в стране, где еще не отгрохотала война, стремились сюда из чувства сострадания к братскому народу, к собратьям по литературному цеху и из искреннего желания помочь им преодолеть трудности.

«Погиб же Байрон за свободу греков...»

На мой взгляд, в несколько трагикомических тонах описан эпизод подготовки поэта, прозаика Владимира Солоухина к поездке в Абхазию, с которой его связывали не только творческие, культурные узы, но и личные дружеские контакты с видными абхазскими писателями. Так, в рассказе «Вновь я посетил», перед читателем открывается следующая картина: «Дома моя идея поехать в Абхазию была встречена в «штыки». – Ты с ума сошел! Там же война! – Война закончилась. Грузины ушли. – Как бы не так! Там стреляют из-под каждого куста. Сухум весь разбит. Дома все разбиты. Там тебя захватят в заложники, а здесь с нас будут требовать выкуп. – Так вы не давайте никакого выкупа. Что сказала вдова Чаплина,

когда бандиты украли из могилы гроб с телом артиста? Она сказала: «Чарли у меня в сердце, а с гробом делайте что хотите». – Но ты же пока не гроб с телом, а живой человек. Тебя будут мучить, пытать, а мы здесь будем собирать пожертвования, чтобы тебя выкупить... Там вертолеты летают прямо над пляжами и над базарами и расстреливают людей. Этери, жену Вани Тарбы, и ту убили. – Ну... погибну, дело большое. Погиб же Байрон за свободу греков. Погибнуть за свободу – святое дело. Так, наполовину со смехом, наполовину со страхом и проводили меня домашние в прекрасную, а по их представлениям, в ужасную Абхазию...».

Далее, Владимир Солоухин достаточно увлекательно рассказывает о своей поездке по Абхазии. В частности, о том, как ему удалось хоть ненадолго заглянуть в Дом творчества. «Как было не захватить (проезжали мимо) в курортный комплекс Литфонда. Огромное здание, рядом корпус поменьше, называется «Детский», подсобные корпуса, служба в белых халатиках, регистратура на месте, а отдыхающих – никого. За меня ухватились. Прибежал заместитель директора: «Как же так? Вы же должны у нас отдыхать!» – Нет, я приехал гостем в частный дом. – Неправильно это. Вы же – наш! А я про себя подумал: вот была организация – Литфонд! Какой взгромодили комплекс. Это какие же деньги надо было иметь! А теперь... у меня в Переделкине осталась от прежних времен литфондовская дачка, крылечко обвалилось, и всего-то надо две доски, четыре гвоздя и нет у Литфонда «духу» гнилое крылечко починить».

В воспоминаниях писателя В. Ганичева «Гоголь бессмертен», на мой взгляд, весьма впечатляет рассказ о том, какой отдых предпочитал В. Солоухин, приезжая в Пицунду в советскую эпоху, еще задолго до вышеупомянутых драматических событий: «...Он был мой сосед по Переделкино, и мы часто прогуливались по улице Сера-

фимовича. На одной из последних встреч он мне рассказал довольно поучительную историю. Он любил приезжать в Дом творчества в Пицунде в октябре, когда большинство писателей покидало санаторий. Он приезжал, его радушно там встречали, ибо он знал всех. Звал обслуживающую этаж Марию Егоровну и царственно говорил: «Мария, купи, пожалуйста, две банки «Изабеллы» хорошей». Та обычно соглашалась, но тут сказала: «Да, сейчас всё, ведь, Владимир Алексеевич, разбавляют водой вино-то». Солоухин подумал и сурово сказал: «Да ты мне своё принеси! Ты же не разбавляешь?» Мария подумала и сказала после паузы: «Нет, я – нет!.. Да и то...». Было в этом «да и то...» и желание заработать, и робкая попытка признаться в грехе. Мы посмеялись...».

Начало реального процесса восстановления деятельности пансионата связано с принятием специального постановления правительства Абхазии, предполагавшего заключение Договора об аренде с ООО «Ассоциация предприятий Минатома». Договор предусматривал сохранение льготных условий для отдыха и творческих командировок писателей Абхазии за счет возможностей Пицундского дома творчества им. Д.И. Гулиа. И вновь обратимся к скупому, но важному в культурно-информационном плане языку хроники и фактов. В 2003 году в Пицунде, в Доме творчества им. Д. Гулиа состоялась встреча с писателем Ф.Искандером. В 2006, 2010 году в Литфонде проходили семинары (конференции) по проблемам атомной энергетики, с участием специалистов из различных регионов Российской Федерации. Здесь со стихами выступали абхазские поэты Б. Гургулиа, П. Бебиа, Д. Чачхалиа, В. Зантариа. Свои бардовские песни участникам семинара предложил певец, летчик ВВС Абхазии В. Хромых. Во встрече принимала участие специалист по зарубежным

литературным взаимосвязям, супруга известного русского филолога Е. Дейч. Абхазские поэты подарили свои книги с автографами участникам семинара. В октябре 2006 года по инициативе правительства Абхазии здесь состоялся Экономический форум, с участием зарубежных экономистов и инвесторов. Символично, что делегация известных российских писателей, принимавших участие в праздновании (2007 г.) 90-летия со дня рождения народного поэта Абхазии Б. Шинкуба, была размещена в пансионате Литфонд (Дом творчества им. Д.И. Гулиа).

По поводу русско-абхазских литературных взаимосвязей, и, в частности, творческих встреч, связанных с шинкубовскими днями, поэт, литературовед М. Ласуриа, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной газеты» Б. Лукина, отмечал: «– Опыт советской литературы, особенно для старшего поколения, действительно, трудно переоценить. По мере сил стараемся восстановить творческие и деловые контакты, в первую очередь с писателями Северного Кавказа и, конечно, Москвой. Со столицей России в прошлые времена у абхазских писателей была крепкая дружба. Мы до сих пор, как будто это было вчера, помним дни советской литературы в Абхазии и ответные визиты в Москву. В последнее время бывшие контакты восстанавливают. Яркий пример – приезд большой группы московских писателей на торжества по случаю 90-летия Баграта Шинкуба». В числе гостей – участников шинкубовских торжеств, ставших значительным событием в рамках традиционного российско-абхазского культурного сотрудничества, были: С. Куняев, И. Сабило, Б. Тарасов, Л. Бородин, З. Налоев, А. Парпара, Г. Ананян, В. Широков, В. Винников, Э. Басариа.

Возвращаясь к рукописному сборнику «У самого синего моря», хотелось бы процитировать строки о Пицун-

де и Абхазии, написанные новгородским поэтом Василием Соколовым в дни пребывания в пансионате Литфонд: Волна, как звенящая рифмой строка, Вздывается две, три секунды, Играет, И ласково, в ритме стиха Ложится к подножью Пицунды... Абхазия, солнцем твоим прокален, Слепящим приезжего взоры, Я с первого взгляда и шага влюблен В твои поднебесные горы... На них облака свой находят приют, Снега опоясав туманом. А розы у моря всю зиму цветут На диво гостям северянам... На севере осень, Дожди, то и знай. А здесь продолжение лета. Здесь Дмитрия Гулия солнечный край Достойный восторга поэта!

Поэт, переводчик из Москвы Михаил Курганцев, отдыхавший в Пицунде в 1982 г., оставил в дар Домутворчества им. Д.И. Гулия стихотворение «Абхазия», начинающееся со следующих строк: Абхазия, души моей страна, Омыта морем, лозами обвита. Твоя родная речь напоена Дыханьем первой буквы алфавита... В рукописный сборник, оставленный в дар Литфонду, вошли стихотворения: Виктора Сысоева (из Калининграда), Геннадия Суздалева (из Карачаевска), Поликарпа Шабатина (из Киева), Анатолия Пашлыка (из Ленинграда), Марины Юницкой (из Брянска), Даниила Долинского (из Ростова-на-Дону), Пладерса Освальда (из ГДР) и др.

На мой взгляд, заслуживают внимания некоторые фрагменты из моей беседы с сотрудницами Пицундского пансионата Литфонд Зинаидой Мустафаевой и Валентиной Ивановой, добросовестно, как говорится не покладая рук, работавшими в библиотеке и пищеблоке пансионата долгие годы. Они вспоминали много интересных эпизодов, по которым можно строить представления о некоторых чертах характеров и даже странностях отдохнувших и работавших здесь писателей. Судя по

рассказам ветеранов пансионата Литфонд, В. Дудинцев был весьма покладист, корректен в общении с простыми людьми. Валентина Иванова назвала свою дочь Лизой (Елизаветой) в честь дочери Бэллы Ахмадулиной, с которой познакомилась здесь в Пицундском «Литфонде». В настоящее время, окончив медицинский институт на красный диплом, работает врачом в Сочи, в 4-й поликлинике. Зинаида Мустафаева вспомнила забавный случай о том, как у жены Роберта Рождественского, Аллы Киреевой (литературного критика, художницы), на спине порвалась змейка и ей пришлось срочно переодеться в другой наряд. За помощь в этой неординарной ситуации, на второй день супруга поэта подарила Зинаиде коробку конфет. Вроде бы деталь не столь важная, но интересная и любопытная... Поэт Илья Швец посвящал стихи работницам Дома творчества и оставлял их в книге отзывов. По рассказам сотрудниц пансионата, поэт Николай Доризо, приехавший сюда с женой – солисткой Московского театра оперетты, пил с утра сыворотку, чтобы похудеть. У сотрудниц «Литфонда» остались добрые впечатления от общения с Эдитой Пьехой, приехавшей сюда с маленьким внуком, известным в наши дни певцом Стасом Пьехой.

Тепло вспоминают мои собеседницы об очень добром и общительном писателе Данииле Гранине. «Он был очень изобретательный. Оставил библиотеке Дома творчества изготовленный им сувенирный прибор для авторучек... Делал пепельницы из камушек и морской гальки. Дарил их работникам столовой...» – рассказывали мне женщины, вносящие свой скромный вклад в становление этого крупного культурного центра. Приезжал Чингиз Айтматов, насколько помнят В.Иванова и З. Мустафаева, во время Олимпиады. Чингиз Торекулович был очень вежлив, интеллигентен, дарил сотрудницам свои книги с автографом. Кстати, выступая в Москве на

Международном форуме писателей и интеллектуалов «Айтматовские чтения: за диалог культур» (2018) с докладом «Ностальгия по Айтматову», я затронул ряд моментов, связанных с дружескими отношениями выдающегося мастера слова с абхазскими писателями. Думаю, интересен тот факт, что вместе с Ч. Айтматовым и К. Кулиевым в 50-е годы в Москве, на Высших литературных курсах учился и классик абхазской литературы Киршал Чачхалиа. Их роднили не только литература и творческие связи, но в известной степени восточный дух, схожесть традиций и ментальность.

Выдающийся кабардинский поэт, прозаик, председатель Литфонда СССР Алим Кешоков жил, в основном, в 217 номере пансионата. Он тоже был на редкость прост. Судя по воспоминаниям моих собеседниц–уважаемых сотрудниц Дома творчества, Алим Пшемахович был весьма обходителен, всегда проявлял уважение к рядовым работникам пансионата.

Известно, что Алим Кешоков всегда был по-особому внимателен к проблемам абхазских писателей. О том, насколько эти отношения были искренни, проникнуты глубоким уважением и симпатией к абхазским друзьям, можно судить по словам, адресованным кабардинским поэтом своему собрату по перу Киршалу Чачхалиа. Я недавно ознакомился с ними на титульном листе сборника стихов и поэм А. Кешокова, вышедшего в 1959 г. «Киршалу Чачхалиа, нанесшему нам визит дружбы и братства с чувством преданности...Нальчик. 1959 г.» Но подтекст этих слов был понятен только двум классикам, которые обменивались такими дипломатическими любезностями. «Дело в том, – рассказывал мне Денис Киршалович, – доставая с книжных полок отца вышеупомянутую книгу, – что в те дни абхазский поэт находился в основном в гостях у балкарского друга Кайсын Кулиева, а Алим Пшемахович, как бы шутя, намекнул своему кунаку Киршалу

Шамиловичу, что он-де не понимает, почему тот уделил так мало внимания своим кабардинским братьям».

Поэт Андрей Дементьев, долгие годы являвшийся главным редактором одного из наиболее популярных литературно-художественных изданий советского периода, в дни пребывания в Абхазии с супругой часто ездил на концерты органной музыки в Пицундском храме... Сотрудницы пансионата хранят о них самые приятные впечатления...

У писателя Анатолия Рыбакова, отдохавшего и работавшего здесь над своими произведениями, была проблема сахарного диабета, и по его просьбе сотрудницы изготавливали желатин, помогавший ему бороться с недугом. Бывало, что Кайсыну Кулиеву, у которого также были серьезные проблемы со здоровьем, готовили обеды отдельно. Генрих Боровик приезжал с семьей. Примечательно, что, уезжая, Боровики просили работниц столовой завернуть им в дорогу немного свежего ачашва (хачапура). Было видно, что они любили и ценили национальные блюда. Зинаида и Валентина рассказывали мне о великих людях с большой симпатией, считая за счастье то, что имели редкую возможность общаться с классиками непосредственно. Гордятся тем, что читали некоторые произведения знакомых не понаслышке авторов.

Вместо эпилога

Сюжеты, воспроизведенные мной в этой художественно-документальной летописи – лишь часть истории трепетной, поистине ностальгической любви писателей к Пицунде, к ее замечательному живописнейшему островку под теперь уже устоявшимся названием Литфонд. Я принадлежу к числу тех авторов, в жизни и литературной судьбе которых Пицундский Дом творчества им. Д. И. Гулиа занимает особое место. Не скрою, я часто думаю об

этом замечательном островке культуры, мысленно возвращаюсь к пространству, ставшему для меня (думаю, и для моих друзей) сказочным «литературным оазисом». Порой, испытываю необоримое желание вырваться из сухумской привычной повседневности, и вновь умчаться туда, где слышен гулкий отзвук далеких дней и ночей, проведенных за письменным столом. Пицунда обладает той сакральной силой, тем магнетизмом, что дает возможность как бы стихийно погрузиться в пленительный мир духовного самоочищения через поэзию, через волшебство Его Величества Слова (образ, принадлежащий Алексею Гоголю). Мне иногда хочется подняться на этажи Родного Дома Творчества, подойти к дверям комнат, где в разные годы мне удавалось уединиться, доверившись рукописям, осторожно войти в них, пройтись тихим, размеренным шагом по их просторным балконам, окинуть гениальный пицундский ландшафт, и виртуально окунуться в мир той всевластной творческой романтики.

И вот, несмотря на множество субъективных и объективных причин, мешавших проведению творческого отпуска, в начале декабря 2015 года, и почти в такую же пору – в 2018 г. мне удалось вырваться туда, где в молодые годы волшебная природа, микроклимат, энергетика этой удивительной местности помогали мне выразить сполна – наболевшее, накипевшее, мысли и чувства, которые давно уже вызрев в груди, просятся на бумагу... Здесь я работал над рукописями неопубликованных стихов, эссе, рассказов, очерков, нуждавшихся в серьезной доработке, в устранении неточностей и шероховатостей. Откровенно говоря, эту работу я выполнил с глубоким творческим настроем и удовлетворением. Родились и новые стихи, часть из них увидела свет на страницах журнала «Алашара». Именно в Пицундском Литфонде я завершил, дошлифовал рукописи книг «Первый Президент Абхазии» (о великом национальном лидере В.Г. Ардзинба), «Дис-

циплина духа», «Ключевые мысли», «Бзанцы» (Извечное), «И мир оскудеет, когда мы уйдем...», «Время мое вихревое...».

И чем тревожнее ощущение времени и возраста, тем острее и заманчивее желание углубляться в безбрежье пицундской тишины. – тишины извечного, непрерывного самопостижения. И именно в Пицундском Литфонде я, как нигде, ощущаю напряженный ритм и тревожную пульсацию непостижимой очистительной силы, таящейся в энергии тишины.

**У Пицундского Дома творчества писателей –
непростая история**

История Дома творчества писателей им. Д.И. Гулиа в Пицунде занимает свою значительную нишу в многообразной летописи культурных взаимосвязей Абхазии и России. Во-первых, этот знаменитый на весь мир творческий Центр является, образно говоря, детищем Литфонда СССР, истоки которого уходят в историю русской литературы XIX века. Знаковым можно считать зарождение в 1859 году в Санкт-Петербурге «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Идея, как известно, принадлежала писателю Александру Дружинину и она была поддержана И.Тургеневым, Н.Чернышевским, П. Анненковым, К. Кавелиным и рядом других видных представителей русской творческой интеллигенции. В эпоху революции, Гражданской войны, других политических потрясений, это общество не могло работать спокойно, стабильно, полнокровно в силу известных причин, но с 1934 г., с периода его законодательного оформления в качестве уже советского Литфонда, оно вновь стало играть колоссальную роль в судьбе писателей. Но это, разумеется, всего лишь фрагменты той большой и достаточно драматичной истории.

А теперь, что касается новых этапов документальной хроники Литфонда, к которому писатели Абхазии имеют непосредственное отношение. Я хорошо помню, с какими бюрократическими сложностями было сопря-

жено принятие решения о строительстве этого, образно выражаясь, флагмана Литфонда СССР, самого крупного и масштабного творческого комплекса. Были определенные попытки тогдашнего грузинского руководства и писателей Грузии взять реализацию проекта, как и всю дальнейшую деятельность нового объекта, под свой контроль. Однако точки над всеми i в конечном итоге расставил Союз писателей СССР, его Литфонд, со своей мощной разветвленной системой, осуществлявший реальное финансирование аналогичных проектов. Выбор места в уникальном, экологически привлекательном уголке Пицундского морского побережья, учет творческой специфики комплекса – все это были непростые вопросы, к обсуждению которых приобщались лучшие эксперты, профессионалы того периода. И в известной степени, в продвижении столь весомой и значимой идеи определенную роль сыграло и личное знакомство, подлинно братские и дружеские отношения выдающегося абхазского поэта, Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии, депутата Верховного Совета СССР Баграта Шинкуба с признанным мастером художественного слова, председателем Литфонда СССР Алимом Кешоковым.

Пицундский Дом творчества с его замечательными условиями и сервисом служил своеобразным «перевалочным пунктом» в периоды прохождения Дней советской литературы в Абхазии в 1984 году, и в год чествования 90-летия со дня рождения Баграта Шинкуба, когда сюда приехали многие видные представители литературной элиты СССР и России. Идеи организации этих престижных для нашей республики и для нашей культуры мероприятий принадлежат мне. И я горжусь тем, что они прошли успешно. Традиции эти необходимо возрождать. Да, сегодня нет таких возможностей, той могучей писательской организации, каким был СП СССР, но мы должны искать иные, возможные пути и формы творческого

взаимодействия. И в этом процессе Пицундский Дом творчества призван по возможности играть связующую и консолидирующую роль.

Мы, писатели Абхазии, в свое время проявили немало усилий, чтобы при заключении договора с «Росатомом» абхазские литераторы, как правопреемники СП и Литфонда СССР, имели бы определенные льготы и возможности пользоваться путевками Пицундского Дома творчества! Надеюсь, что эта взаимосвязь и впредь получит широкую перспективу.

Что касается моих нередких творческих отпусков в Доме творчества им. Д.И. Гулиа, я бывал там в разное время, в том числе, и поздней осенью, и зимой, когда в атмосфере тишины и спокойствия, поэт погружается в себя, в свои глубокие философские раздумья... Такие дни были для меня достаточно плодотворными, насыщенными, наполненными творческим порывом. Я там работал и над новыми подборками стихов, и временами над крупными эпическими полотнами, поэмами, в частности, над романом в стихах «Аджиндж» («Отчизна»), в котором, кстати, нашли художественное отражение мои личные встречи и беседы с рядом выдающихся русских писателей, выступивших в поддержку Абхазии в тяжелый для нее период 1992–1993 гг., когда против мирной, свободолюбивой страны была совершена вооруженная агрессия со стороны Грузии.

С Пицундским Домом творчества связаны мои самые теплые воспоминания. Искренне желаю ему возрождения и процветания!

Мушни Ласуриа,

народный поэт Абхазии, академик,
председатель Ассоциации писателей РА,
лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа,
Патриаршей литературной премии
имени Кирилла и Мефодия

С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ?

Беседа Владимира Зантариа с Денисом Чачхалиа, известным писателем, переводчиком, историком, лауреатом Государственной премии им. Д. И. Гулиа (с сохранением стиля диктофонной записи)

– Денис, что Вы могли бы рассказать о предыстории создания Литфонда Абхазии, о процессе его формирования и его роли в определении статуса Пицундского Дома творчества им. Д.И. Гулиа?

– На самом деле произошло это не после военных событий, а до военных событий... Дело в том, что уже после развала СССР, Союз писателей Абхазии не очень понимал, не имея опыта хозяйственной деятельности, как это можно и как это нужно делать, организовать... Помню, мы провозжали с Русланом Джопуа Алексея Гогуа – председателя Союза писателей – из Москвы в Сухум, и по дороге в аэропорт, как раз возник этот вопрос... И Руслану мы не договаривали подробности этой темы, но когда ввели его в курс дела, он как то с пол оборота, можно сказать сразу, перекинул эту тему на меня... И сказал: «Денис это ты можешь делать, и давай возмись...» Очень зажегся Алексей Гогуа, и говорит, Денис, на самом деле, у нас нет человека, который может, думать, соотносить такими категориями... Более или менее это можешь делать ты, давай возьмемся за это дело... И я дал согласие сразу же, чувствуя насколько это важно и актуально для нашей страны и культуры. В общем мы взяли за это дело, и таким образом, началось создание организации Литературный фонд Союза писателей Абхазии... Потому что просто Союз писателей Абхазии, как творческая организация, не имел право заниматься хозяйственной деятельностью. А Литературный фонд мог обладать такими правами, как это и было во всех союзных республиках.

В Абхазии этого не было, потому что она была автономной республикой, и у нее на тот период не было правовых возможностей и правомочий создавать свой национальный Литературный фонд. Я сразу ухватился за это, и взялся за создание такой структуры. У меня были приятельские отношения с тогдашним председателем Литфонда СССР Романом Гюлумяном... И он мне предоставил материалы, которые мне могли бы помочь в составлении Устава Абхазского Литературного фонда, что мы в итоге и сделали... И в этот период в Абхазии уже существовала совершенно новая структура – это было новое веяние, оно не могло быть в старое коммунистическое время. Это был Комитет по государственному имуществу Абхазии и его возглавлял тогда еще молодой совершенно Беслан Кобахия, очень известный, очень энергичный, сообразительный и неутомимый руководитель. И вот, я под некоторым его руководством, приступил к работе, и он меня как-то очень здорово подзадоривал в этом деле... И у меня был такой хороший карт-бланш и уверенность в своих действиях, потому что я находил полное понимание со стороны Госкомимущества Абхазии. Помню, какую квалифицированную помощь оказывал нам юрист этого же учреждения Астамур Губаз.

– С какими сложностями Вы столкнулись на пути определения статуса Литфонда Абхазии и, естественно, Пицундского Дома творчества писателей им. Д.И. Гулиа? Наверно, были какие-то подводные камни, какие-то силы, препятствовавшие самостоятельности этих учреждений?

– Да, были, очень и в каком-то смысле – неожиданные... Почему? Потому что на пространстве всего Советского союза более или менее безболезненно отдали все писательское имущество союзным республикам. А тут,

все-таки, автономная республика и еще не очень понятно ее взаимоотношение с Грузией, и все прочее... И можно было даже по этой мотивации – не отдавать.... Была такая задумка, но я в этом смысле был совершенно непримиримый. Было ясно, что без материальной базы Литературный фонд действовать, работать не сможет. Появлялась реальная возможность подтянуть оплачиваемость писательского труда, а потом оплачиваемость детской литературы... К тому же в отношении молодых пишущих, начинающих авторов можно было гонорарную политику провести более системную. Одним словом, там открывались большие возможности... Можно было бы очень хорошую полиграфическую базу создать для Союза писателей, и я был, конечно, окрылен всем этим, не понимая, что еще есть разные человеческие факторы и другие сопротивляющиеся личности, что в принципе помешало реализовать полностью этот проект и даже, собственно говоря, этот проект был сломан в том изначальном понимании, каким я его себе представлял с учетом интересов нашей литературы и культуры в целом.

– На каком уровне приходилось решать все эти вопросы за пределами Абхазии? Наверное, сталкивались с определенными сложностями и на чиновничьем уровне?

– Да, разумеется, очень мощной структурой был сам Литфонд СССР. Там были задействованы в управлении Советов очень влиятельные личности, – влиятельные не только в писательской среде, но и в чиновничьей... И они, конечно, создавали серьезные проблемы, потому что это был последний шанс и оплот того, что они могли бы забрать из имущества бывшего Литфонда. И они вели очень жесткую, непримиримую политику, к делу подключили и всех наших авторитетов тоже. Там был председатель Союза писателей России Валерий Поголя-

ев. Он был очень плотно задействован в этом процессе. Ему удалось подключить Фазиля Искандера. Фазиль Искандер не настаивал на этом варианте. Он мне подсказывал некие такие варианты, суть которых заключалась в следующем: «самое главное, не сделайте ничего опрометчивого, о чем могли бы пожалеть потом, все остальное ты знаешь лучше меня...» И он как-то мягко отнесся к крайне сложной ситуации. Но вот Валерий Поволяев, по-моему, это была его инициатива, сделал так, чтобы в этой комиссии по возвращению имущества Литфонда, главным лицом оказался бы Тимур Гайдар – отец тогдашнего премьера-министра Егора Гайдара. Он, конечно, был очень серьезной фигурой, не дававшей решить этот вопрос спокойно, конструктивно. Спротивлялся, конечно, и сам директор Дома творчества писателей Гугуша Багатурия. Он был очень хороший хозяйственник, но, разумеется, он был человеком тбилисских кругов, тбилисских взглядов на развитие абхазской литературы, культуры в целом. И разумеется, нам было с ним не по пути, и мы настаивали на своем, приводили ему свои аргументы, он был тоже достаточно настойчив. Пытался убедить нас в обратном. Мы ему говорили, что очень дорожим отношением с ним, делали всяческие реверансы, а они были заслуженные, – относительно того, что он был хороший хозяйственник, и конечно, если он был бы нашей политической ориентации, то подобного хозяйственника не стоило бы искать на стороне... Ну мы, конечно, в общем, там не могли прийти к какому-нибудь консенсусу. И постепенно, поэтапно, дело шло к тому, что мы это дело переигрывали в пользу абхазской литературы. И так получилось, что уже 13 августа 1992 г., накануне вторжения войск госсовета Грузии, в Абхазии у нас шли переговоры по той же повестке дня, – заключительное сражение между сторонниками передачи имущества Литфонда Москве, и наоборот, сторонниками его

передачи Сухуму. Дело дошло до резких, чуть ли не взаимно оскорбительных выражений. Главным переговорщиком с абхазской стороны был я, потому что моим друзьям показалось, что я поставлю вопрос более жестко, и в данном случае это именно тот стиль, которым нужно продвигать эту абхазскую идею. И в этой ситуации было заметно, что был звонок Тимуру Гайдару. Оказывается, звонил его сын, премьер-министр тогдашней России, и сказал ему: «Папа, начинается война... Быстренько, сейчас же покидай Абхазию, прилетай в Москву...» Я не знаю, насколько это естественно, но Тимур Гайдар ни слова не сказал абхазам, а с моральной и этической точки зрения, мог бы сказать: «Ребята, держитесь, на вас нападают, мы на вашей стороне, но что ж делать, политика такая вещь и т.д.» Он ни слова не произнес по этому поводу, мы не знали ничего, вели переговоры о передаче имущества, а в это время уже танки подтягивали к нашей стране. Так что, вот на этом моменте и прекратились переговоры, и потом пошла война. И вернулись мы к этим разговорам и к вопросам возвращения Абхазии имущества Литфонда уже на фоне Победы. Она далась нам, абхазам, очень тяжело, и конечно, той эйфории, которая у нас была в начале переговоров уже не было, – мы были умыты в крови. В строительстве новых отношений не было уже той атмосферы и того духа. Но все равно была работа каждадневная, наступательная, принципиальная...

Касаясь творческих отпусков, проведенных им в Пицундском Доме писателей, Денис Чачхалиа отметил, что они были достаточно результативными и плодотворными. Здесь поэт работал в основном над чрезвычайно важными для отечественной литературы и фольклора подстрочными переводами следующих произведений:

- Нартского эпоса абхазов (совместно с М. Гицба);
- Нартского эпоса абхазов (новое собрание Р. Гожба, редакция – Вл. Ардзинба, переводы – Д. Чачхалиа);
- Шинкуба Б. Избранные стихи;
- Аджба Т. Избранные стихи;
- Чачхалиа К.Ш. Избранные стихи;
- Смыр Р. Избранные стихи;
- Джопуа Р. Переполох в лесу (пьеса).

Дом, ставший центром духовного единения народов

В Москве, на творческих и рабочих встречах разных уровней, наши коллеги часто интересуются судьбой Пицундского Дома творчества. Чувствуется, с каким теплом и задушевностью вспоминают писатели России дни, проведенные в Абхазии, в Пицунде, в атмосфере дружелюбия, спокойных и доверительных бесед о литературе. И главное, конечно, для каждого писателя, побывавшего здесь по путевке родного Литфонда, – это произведения, которые они успели написать в Пицунде, или, завершить здесь уже начатые вещи. В любом случае, эти благословенные места, роскошная природа, море, горы, гостеприимные и добродушные хозяева, с которыми им удалось здесь пообщаться, оставили свой добрый, неизгладимый след в их воспоминаниях, дневниках, художественных исследованиях.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, Пицундский «Литфонд», творческий комплекс, носящий имя Дмитрия Гулиа, по праву стал одним из крупных центров творческого и духовного взаимодействия и взаимовлияния мастеров, представлявших национальные культуры мощной советской державы. Видимо, благодаря всему этому, мастера слова из России, стран СНГ, Белоруссии, Казахстана, других среднеазиатских республик, Армении, а также Крыма, Приднестровья и по сей день инте-

ресуются деятельностью Пицундского Дома творчества. Особое внимание проявляют к нему наши братья по перу из Северного Кавказа, с которыми нас связывают общая история, генеалогия и культура.

Мы живем надеждой, что нам совместно с Российскими писательскими союзами удастся, уже в современных условиях, восстановить в новом качестве эти бесценные традиции. И на базе новых взаимосвязей – найти ключ к возрождению взаимного художественного перевода, без которого немислим литературный процесс в целом. И во время приезда председателя Союза Писателей России Николая Иванова – вместе с другими известными писателями в Абхазию мы обсуждали эти вопросы, обдумывали пути их реализации.

Лично я нередко провожу здесь свои творческие командировки. Атмосфера пансионата, ставшего чуть ли не вторым родным домом для абхазских писателей, возвращает новые творческие силы и возможности, помогает глубже вжиться в новые темы, образы.

Что касается самого комплекса, зданий, сооружений, входящих в него, то они приобрели новый, весьма привлекательный облик, в результате проектов, успешно реализуемых «Росатомом» при поддержке руководства Абхазии и администрации Дома творчества. Нас, писателей Абхазии, безусловно, радует, что напротив фасадной части главного корпуса пансионата, воздвигнут бюст нашего национального гения – основоположника абхазской художественной литературы, народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, стоявшего у истоков русско-абхазских православных и духовных взаимосвязей.

Вахтанг Абхазоу,

поэт, председатель Союза писателей Абхазии,
лауреат Государственной премии им. Д.И. Гулиа

СОДЕРЖАНИЕ

Кавказ в жизни и в мировосприятии Л.Н. Толстого.....	6
Абхазские образы в творчестве А. П. Чехова	20
Александр Твардовский и Абхазия	35
Александр Твардовский, Баграт Шинкуба: встреча в Москве, на ул. Воровского... ..	38
<i>Так начиналось первое знакомство со страной души...</i> .	39
«Отрадный случай – «Козлотур» Искандера...».....	46
«Не всякая критика – мысль, но всякая мысль – критика...»	50
«Вы ограбили то горное село...»	53
Традиционное застолье и вызовы времени.....	56
Модерновская многоэтажность и абхазская идея	57
Переделкинские беседы.....	59
Гулрыпшские истории.....	59
Мушни Ласуриа: «Для меня Александр Твардовский был культовым поэтом...»	62
Денис Чачхалиа – о Твардовском	65
Переписка, не утратившая актуальность... ..	69
Арасадзыхские ритуалы глазами Твардовского... ..	71
Кипарисы, застывшие в безмолвии... ..	77
Пицунда. Хрущевская дача. Читка автором «Теркина на том свете»... ..	78
И вновь из гулрыпшской литературной хроники.....	79
День рождения	81
Беседа на теплоходе «Адмирал Нахимов».....	82
Вместо эпилога	84
Михаил Шолохов в абхазо-российской культурной летописи.....	85

<i>Встреча в сухумском санатории «Азра».....</i>	85
<i>Михаил Шолохов и Михаил Лакербай</i>	88
<i>Абхазия (Пицунда): Хрущев – Твардовский – Шолохов и «Теркин на том свете»</i>	90
<i>Шинкуба – Шолохов: финский нож для боев на литературном фронте.....</i>	93
<i>Шолохов в абхазском духовном мире: переводы, статьи, размышления</i>	98
<i>Музей-заповедник Шолохова в Вешенском и Абхазский университет: продолжение диалога</i>	101
Тема Абхазии в поэзии, прозе и публицистике	
<i>Николая Тихонова</i>	103
<i>Абхазские мотивы в поэзии Расула Гамзатова.....</i>	126
<i>Мир неомифологизмов Нальбий Куека.....</i>	138
<i>Ностальгия по Чингизу Айтматову</i>	148
<i>Евгений Евтушенко – в Абхазии.....</i>	160
<i>Лекции по абхазскому языку и лирика Евтушенко</i>	161
<i>Мгудзырхское вино, мандарины, беседа у камина.....</i>	165
<i>Дом поэта на Гулрыпшском побережье</i>	166
<i>Теплая беседа у камина</i>	167
<i>«С душою о Стране души...».....</i>	170
<i>«Единственная справедливость – это борьба за справедливость...»</i>	173
Культурный оазис Пицундского Литфонда	177
<i>«С бессмертной душой земли...».....</i>	177
<i>«Марш-бросок» в историю Пицундского Литфонда</i>	180
<i>Интересные предпосылки</i>	183
<i>Как зарождался Литфонд в России?.....</i>	183
<i>«Как сказать по-абхазски: «Люблю!»</i>	186
<i>Ретроспективный взгляд.....</i>	187
<i>«Древняя земля, приютившая человека...».....</i>	191
<i>Возрождение Пицунды: штрихи к истории застройки курорта.....</i>	200

<i>«Воспоминания о Пицунде, как яркие и пестрые слайды...».....</i>	203
<i>«Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы...»... Виталий Шария вспоминает.....</i>	204
<i>«В диких лесах Пицунды...».....</i>	209
<i>«Но нет убыхов здесь и мертв язык-изгнанник...».....</i>	213
<i>Творческие семинары «в позднебрежневскую эпоху...»....</i>	217
<i>Из беседы Владимира Зантариа с писателем Денисом Чачалиа.....</i>	220
<i>Живые литературные диалоги и творческие вечера.....</i>	222
<i>«Абхазия – как Ориноко...».....</i>	226
<i>«Внезапное сопряжение двух текстов...»</i>	227
<i>Из беседы Владимира Зантариа с писателем Денисом Чачалиа.....</i>	230
<i>Два мэтра.....</i>	232
<i>«Голубчик! Вы меня обокрали...».....</i>	236
<i>«Абхазские слова во мне живут...».....</i>	238
<i>М. Дудин и В. Конецкий – в «Пицундской литературной хронике»</i>	238
<i>Дружелюбные споры двух абхазских классиков.....</i>	239
<i>Пицундский Литфонд – Александр Ольшанский – Джума Ахуба.....</i>	244
<i>«Модерновская многоэтажность и идея древней абхазской земли...».....</i>	246
<i>«Трещат цикады, ветер пахнет смолой...».....</i>	247
<i>«Звучит орган в Пицундском храме».....</i>	248
<i>Азат Абдулин и Абхазия</i>	250
<i>Гарольд Регистан и Геннадий Аламиа.....</i>	251
<i>Пицундский Дом творчества и украинско- абхазские литературные взаимосвязи</i>	252
<i>Страницы документальной летописи.....</i>	255
<i>«Погиб же Байрон за свободу греков...».....</i>	257
<i>Вместо эпилога</i>	260

Беседы. Фрагменты воспоминаний.....	270
<i>У Пицундского Дома творчества писателей –</i>	
<i>непростая история</i>	<i>270</i>
<i>С чего все начиналось?.....</i>	<i>273</i>
<i>Дом, ставший центром духовного единения народов</i>	<i>278</i>

Владимир Зантария

—

Абхазский мир в художественном осмыслении
русских классиков

Опыт историко-литературоведческого исследования

Для заметок

Редактор Л. Пачулиа
Компьютерный набор Л. Чамагуа
Компьютерная верстка Н. Гунба
Технический редактор Н. Гунба

Формат 84x108 1/32. Тираж 300. Физ. печ. л. 18 + илл. Заказ № 49.

 Республика Абхазия.
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.

Для заметок